

Д. С. Милль.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛЮТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Д. С. МИЛЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Туганъ-Барановскаго.

Съ портретомъ Милля, гравированнымъ по рисунку П. Пацова

Библиотека
Ледуниверситета
г. Новосибирск

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

Ц/ф

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъяч., № 39

1892

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЕ КНИГИ.

- Философия Г. Спенсера въ сокращен. изложени *Г. Коллинса*. Пер. *В. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
 Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 25 к.
 Законы подражания. *Таран*. Ц. 1 р. 50 к.
 Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц. 60 коп.
 На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Части 1 и 2-я. Ц. каждой 50 к.
 Бантерія и нѣя роль въ жизни человека. *Миулам*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
 Берегите легкія! Гигіена. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.
 Сохраненіе здоровья. Общая гигиена въ приложеніи къ общественной жизни. *Д-ри Эисовичи*. Съ 7 рис. Ц. 40 к.
 Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
 Дарвинизмъ. *Э. Фервера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.
 Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брада*. Со многими рис. Ц. 2 р.
 Первообытныя люди. *Дебери*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р.
 Фабричная гигиена. *В. В. Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.
 Огородничество. Практическія наставленія для народа, учителей. *Шублера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.
 Который часъ? *Н. Виногорова*. Руководство для новѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Ц. 30 к.
 Психологія вниманія. *Д-ра Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.
 Записки желудка. Перев. съ 10 янг. изд. Ц. 50 к.
 Физиологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р.
 Миръ грезы. *Д-ра Силона*. Съ видѣніями, галлюцинаціями, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев. съ франц. Ц. 1 р.
 Ручной трудъ. *Грифини*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ янв. 1 р. 75 к. Въ пер. — 2 р.
 Экстазы человека. *Н. Минниация*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р. 50 к.
 Ученныя эпидеміи. Историко-психиатрич. очерки. *Д-ра Ремюри*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
 Свѣтъ Божій. Популярныя очерки мировѣдѣнія. 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.
 Общедоступная астрономія. *К. Фламариона*. 2-е изд. Съ 100 рис. Ц. 1 р.
 Телефонъ и его практическія примененія. *Мойера и Присса*. Съ 203 рис. Ц. 2 р. 50 к.
- Электрическіе элементы. Соч. *Нюде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.
 Электр. аккумуляторы. *Ремсе*. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
 Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколова*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
 Чудеса техники электричества. *Чиколова*. 30 к.
 О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколова*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
 Электричество и магнетизмъ. *А. Гано и Ж. Маневрве*. 340 рис. Ц. 1 р. 50 коп.
 Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. *Хюльсона*. Съ 230 рис. Ц. 2 р.
 Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Гомингалле*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
 Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Гомингалле*. Со множествомъ рис. Ц. 2 р.
 Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ 114 рис. Ц. 1 р.
 Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц. 75 к.
 Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
 Соціальная жизнь животныхъ. *Эрнана*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
 Единство физическихъ силъ. Опыт популярно-научной философіи. *А. Сески*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова*. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
 Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Дж. Коски*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.
 Современные психопаты. *Д-ра А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
 Гениальность и помѣшательство. *Ц. Тошбрало*. Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
 Вредныя полевая насекомыя. Сост. *Норсска*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
 Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисанди*. Съ 34 рисун. Ц. 50 к.
 Хлѣбный жукъ. Чтене для народа, съ 3 рис. Бар *Н. Корфа*. Ц. 10 к.
 Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго*. Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.
 Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго*. Ц. 20 к.
 Азбука домоводства и домашней гигиены. Состав. *М. Влада*. Пер. *Н. Корфа*. Ц. 75 к.
 Гигіена семьи. *Гегбера*. Ц. 60 к.
 Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- 1) Демонъ. Съ 9 рис. Ц. 6 к. — 2) Ангелъ Смерти. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 3) Измаиль-Бей. Съ 9 рис. Ц. 10 к. — 4) Хаджи-Абрекъ. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 5) Бояръи Орша. Съ 7 рис. Ц. 4 к. — 6) Пѣсня про купца Калашникова. Съ 7 рис. Ц. 3 к. — 7) Мицры. Съ 7 рис. Ц. 4 к. — 8) Ауль Бастунджи. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 9) Литвинка. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 10) Каллы. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 11) Кавказскіи плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 12) Корсаръ. Съ 3 рис. Ц. 2 к. — 13) Черкесъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к. — 14) Джулю. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 15) Казначейша. Съ 5 рис. Ц. 4 к. — 16) Герой нашего времени. Съ 23 рис. Ц. 25 к.
- 17) Бѣла. Съ 9 рис. Ц. 8 к. — 18) Тамань. Съ 5 рис. Ц. 3 к. — 19) Инкиня Мери. Съ 9 рис. Ц. 12 к. — 20) Фаталистъ. Съ 8 рис. Ц. 2 к. — 21) Призракъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к. — 22) Маснарадъ. Съ 5 рис. Ц. 10 к. — 23) Испанцы. Съ 5 рис. Ц. 10 к. — 24) Ливинъ-Керибъ. Съ 5 рис. Ц. 2 к. — 25) Инкиня Агивская. Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к. — 26) Люди и страсти. Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к. — 27) Странный человѣкъ. Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к. — 28) Два брата. Драма. Съ 5 рис. Ц. 6 к. — 29) Всѣ баллады и легенды. Съ 3 рис. Ц. 6 к. — 30) Пѣсты изъ современной жизни. Съ 9 рис. Ц. 7 к.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

ГЛАВА I. Отецъ Милля и его характеристика	5
ГЛАВА II. Дѣтство Джона Стюарта Милля	14
ГЛАВА III. Поездка Милля на югъ Франціи.—Увлеченіе Бентамомъ.—Кружки молодежи и вліяніе ихъ на Милля.	28
ГЛАВА IV. Душевиый кризисъ въ жизни Милля.—Его разочарованіе въ системѣ Бентама.—Жажда новыхъ идеаловъ.—Увлеченіе Уордсвортомъ — Измѣненіе его взглядовъ на значеніе искусства.—Сближеніе съ Стерлингомъ.	44
ГЛАВА V. Дальнѣйшая жизнь Милля.—Его обширная литературная дѣятельность.—Служба въ Остъ-Индской компаніи.—Издачіе журнала „London and Westminster Review“.—Отношенія Милля къ своимъ собратьямъ по перу—Перешипка его съ Контонъ.	52
ГЛАВА VI. Знакомство Милля съ м-сь Тэйлоръ.—Ихъ двадцати-лѣтняя дружба.—Вліяніе ея на Милля.—Взгляды Милля на женскій вопросъ.—Женитба Милля.—Смерть его жены. Последніе годы жизни Милля —Его парламентская дѣятельность. Смерть Милля	59
ГЛАВА VII. Философская и научная дѣятельность Милля.	70

65
Т814

Handwritten signature or scribble

ИСТОЧНИКИ.

Источниками для предстоящей биографии послужили следующие сочинения:

- 1) Autobiography—by John Stuart Mill.
- 2) J. S. Mill—A criticism by Bain.
- 3) Life of J. S. Mill—by W. Courtney..
- 4) Новыя Вѣянія—Г. Брандеса.
- 5) Статьи Росселя о Миллѣ, помѣщенные въ «Вѣстникѣ Европы» за 1874 г.
- 6) «Этюды» Г. Т. Бокля.
- 7) «Новѣйшая англійская литература» Тэна и главнѣйшія сочиненія Милля.

448392
Библиотека
Государственной
г. Москва

Ц/Ф

Уэстмэн.

ГЛАВА I.

Отецъ Милля и его характеристика.

Когда изучаешь жизнь какого-нибудь замѣчательнаго человѣка, то всегда бываетъ интересно знать, что за люди были его родители и при какихъ условіяхъ ему приходилось расти и развиваться. Мы до сихъ поръ мало знакомы съ законами наследственности; тѣмъ не менѣе, намъ извѣстно, что духовныя качества родителей, точно также какъ и ихъ физическія свойства, въ большей или меньшей степени передаются потомству. Воспитаніе является другимъ могучимъ орудіемъ вліянія родителей на дѣтей; впечатлѣнія дѣтства имѣютъ, быть можетъ, больше значенія въ разработкѣ нравственнаго и умственнаго склада человѣка, чѣмъ всѣ послѣдующія впечатлѣнія его жизни. Въ характерѣ многихъ выдающихся людей можно прослѣдить вліяніе наследственности и воспитанія, но врядъ ли можно найти въ этомъ отношеніи болѣе поразительный примѣръ, чѣмъ примѣръ Джона Стюарта Милля.

Личность Джемса Милля, отца знаменитаго мыслителя и экономиста, настолько своеобразна и оригинальна, что изученіе его характера представляло бы глубокой психологической интересъ даже въ томъ случаѣ, еслибы Джемсъ Милль не игралъ никакой роли въ исторіи духовнаго развитія своего сына. Онъ происходилъ изъ бѣдной шотландской семьи и первоначально хотѣлъ посвятить себя духовному званію. Но обстоятельства сложились такъ, что вмѣсто этого онъ сдѣлался литераторомъ. Главная причина, побудившая его измѣнить своему первоначальному плану и, вмѣсто легкой и привольной жизни пастора, обречь себя на необеспеченное существованіе литературнаго пролетарія, заключалась въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Джемсъ Милль былъ воспитанъ въ строго-религіозной пресвитеріанской семьѣ и въ дни своей юности самъ былъ глубокоувѣрующимъ человѣкомъ. Но мало по малу, подъ

вліяніемъ чтенія и размышленій о прочитанномъ, взгляды его на религіозные вопросы измѣнились. Одно время онъ былъ деистомъ. затѣмъ для него наступилъ періодъ сомнѣній, изъ котораго онъ вышелъ съ убѣжденіемъ, что человѣкъ не можетъ знать ничего опредѣленнаго относительно происхожденія міра. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ положительнымъ атеистомъ и даже презиралъ догматическій атеизмъ, какъ одну изъ тщетныхъ попытокъ человѣческаго ума познать сокровенную сущность вещей, которая всегда останется непознаваемою. Крайне любопытно, что возраженія Джемса Милля противъ христіанства основывались не только на доводахъ разсудка, но и вытекали изъ его нравственныхъ воззрѣній. Онъ полагалъ, что нашъ міръ такъ полонъ зла и несчастія, что нельзя приписывать его происхожденія одному доброму началу; по его мнѣнію, всемогущій и всеблагій Творецъ не могъ бы осудить человѣчество на ту жалкую участь, какой ему представлялась наша жизнь. Миллю больше нравилось древнее ученіе Зороастра о двухъ верховныхъ началахъ—добра и зла—совмѣстно управляющихъ міромъ. Онъ надѣялся, что окончательная побѣда останется на сторонѣ добраго начала. но не могъ согласиться, что эта побѣда теперь уже одержана добромъ.

Внѣшняя исторія жизни Милля можетъ быть раздѣлена на два періода, гранью между которыми является его поступленіе въ 1819 г. на службу въ Остъ-Индскую компанію. Онъ получилъ это мѣсто, доставившее ему вѣрный и хорошій заработокъ (достигавшій въ концѣ его жизни до 20,000) послѣ многихъ лѣтъ тяжелой борьбы съ нуждой. 32-хъ лѣтъ Джемсъ Милль женился, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, на очень красивой дѣвушкѣ, Гарриетѣ Берро. Этотъ бракъ былъ единственной непослѣдовательностью въ его жизни, такъ какъ теоретически онъ строго осуждалъ людей, которые женятся въ молодомъ возрастѣ, не имѣя достаточнаго матеріальнаго обезпеченія. Уже будучи женатымъ человѣкомъ и отцомъ многочисленнаго семейства, онъ зарабатывалъ деньги только литературнымъ трудомъ; литература, конечно, не могла приносить особенныхъ доходовъ такому писателю, какъ Джемсъ Милль, который кореннымъ образомъ расходился по всѣмъ своимъ убѣжденіемъ со взглядами, господствующими въ обществѣ.

У Джемса Милля было 9 человѣкъ дѣтей; старшій былъ названъ Джономъ Стюартомъ, въ честь одного изъ друзей отца. Второй сынъ получилъ имя Джемса Бентама, въ честь знаменита-

го писателя и юриста Иереміи Бентама, третій—Джорджа Грота, въ честь извѣстнаго историка Греціи. Семейная жизнь Джемса Милля не была счастлива: у него было мало общихъ интересовъ съ женой, а къ страстной любви онъ совсѣмъ не былъ способенъ. Главнымъ содержаніемъ его жизни была работа. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ писателей своего времени и до конца жизни велъ ожесточенную борьбу со всякаго рода политическими и философскими предрасудками, которые казались ему главнымъ тормазомъ человѣческаго прогресса. Самымъ крупнымъ трудомъ Джемса Милля была многотомная «Исторія Индіи», надъ которой онъ работалъ втеченіе 10 лѣтъ, во время самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ затрудненій. Это сочиненіе доставило уже немолодому писателю доступъ въ Остъ-Индскую компанію, несмотря на то, что онъ очень строго критиковалъ образъ дѣйствій компаніи по отношенію къ туземцамъ.

Въ 1821 г. имъ были обнародованы «Элементы политической экономіи», а въ 1829 г.—«Анализъ человѣческаго ума». Въстѣ съ тѣмъ Джемсъ Милль былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ нѣсколькихъ радикальныхъ журналовъ, успѣхъ которыхъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ его участія. Послѣдняя статья его, написанная незадолго до смерти (въ 1836 г.), была посвящена доказательству практической полезности политической экономіи.

Всѣ эти внѣшніе факты не даютъ представленія о своеобразномъ умственномъ и нравственномъ складѣ Джемса Милля, который своимъ суровымъ, непреклоннымъ характеромъ; желѣзной волею и стоическими добродѣтелями нѣсколько напоминаетъ философовъ древняго міра. Какъ мыслитель, Джемсъ Милль былъ мало оригиналенъ. Онъ послѣдовательно и логично развивалъ свои мысли, умѣлъ мастерски прослѣдить всѣ самые отдаленные выводы изъ принятыхъ имъ основныхъ посылокъ, но самыя послылки онъ заимствовалъ у другихъ. Его литературныя работы были посвящены изслѣдованію вопросовъ психологіи, этики, политики и политической экономіи. Главное сочиненіе Джемса Милля по психологіи «Анализъ человѣческаго ума» представляетъ собою глубоко продуманный трактатъ о законахъ, управляющихъ мыслительными процессами человѣка; слѣдуя Гартлею, онъ объясняетъ всѣ психическія явленія при помощи одного основного принципа—принципа ассоціаціи. Въ области этики и политики Джемсъ Милль былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Бентама: высшимъ критеріемъ нравственности онъ признаетъ человѣческое сча-

стіе. Мы должны порицать тѣ дѣйствія, которыя уменьшаютъ сумму счастья на землѣ, и только тѣ поступки заслуживаютъ нашего одобренія, отъ которыхъ сумма человѣческаго счастья увеличивается. Развивая дальше свою теорію, Милль утверждаетъ, что мотивы человѣческихъ поступковъ не заслуживаютъ сами по себѣ ни порицанія, ни похвалы. Высокое значеніе, которое въ наше время придаютъ чувству, онъ считалъ признакомъ нравственной отсталости своихъ современниковъ сравнительно съ людьми древняго міра. Для него лично, фанатикъ, искренно преданный дѣлу, вредному для общества, былъ не менѣе антипатиченъ, чѣмъ человѣкъ, сознательно, изъ корыстныхъ мотивовъ, дѣлающій зло.

По своимъ политическимъ убѣжденіямъ, Милль принадлежалъ къ крайнимъ радикаламъ своего времени.

Какъ экономистъ, Джемсъ Милль не представлялъ ничего выдающагося и развивалъ ученія Адама Смита и своего близкаго друга, Рикардо.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Джемса Милля насъ поражаетъ одно коренное противорѣчіе: онъ былъ глубоко убѣжденъ, что все наше знаніе имѣетъ опытное происхожденіе, и, между тѣмъ, самъ никогда не пользовался опытомъ и наблюденіемъ для своихъ выводовъ. Его излюбленный методъ изслѣдованія—дедукція. При разрѣшеніи такихъ сложныхъ социальныхъ вопросовъ, какъ вопросы о наиболѣе пригодной для страны формѣ правленія, онъ исходилъ изъ немногихъ основныхъ посылокъ и, какъ математикъ при доказательствѣ теоремы, нанизывалъ цѣлую цѣпь умозаключеній, логически вытекающихъ одно изъ другого, для того, чтобы доказать преимущество демократическаго строя передъ монархіей и аристократіей. Человѣческая жизнь во всемъ ея безконечномъ разнообразіи казалась ему простой и несложною вещью; онъ не чувствовалъ и не понималъ значенія національныхъ и культурныхъ особенностей народовъ и глубоко вѣрилъ, что различіе ихъ прошлой исторіи зависѣло только оттого, что народныя массы недостаточно понимали свои интересы. Абстракція, шаблонъ замѣняли для него живого человѣка. Всѣ эмоціональныя движенія человѣческой души сводились имъ къ ощущеніямъ удовольствія и страданія, мыслительные процессы—къ ассоціаціи представленій. Такимъ образомъ, психологія дѣлалась такой же точной, апріорной наукой, какъ геометрія, и задачи ея чрезвычайно упрощались. Но дедукція можетъ имѣть научное значеніе только тогда, когда намъ извѣстны всѣ факторы изслѣдуемаго явлені-

нія. Если же это условіе не было соблюдено, то какую цѣну можетъ имѣть самая строгая, логическая дедукція? Она уподобляется зданію, построенному на пескѣ. Такимъ зданіемъ была этика, политическая экономія и психологія Милля.

Стюартъ Милль, всегда относившійся къ своему отцу съ глубокимъ уваженіемъ, видитъ въ немъ типичнаго представителя XVIII-го столѣтія. Та-же прямолинейность и послѣдовательность, та же бѣдность чувства и сухость ума, тотъ-же недостатокъ фантазій, которые мы встрѣчаемъ у большинства мыслителей и общественныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія, поражаютъ насъ и въ Джемсъ Миллѣ. Это былъ сильный критическій, но не творческій умъ. Онъ былъ совершенно лишень чувства поэзіи и красоты. Преклоненіе англійскаго общества передъ Шекспиромъ онъ считалъ временной модой и отрицалъ поэтичность и жизненность Шекспировскихъ типовъ. Изъ поэтовъ онъ предпочиталъ Мильтона, который своимъ суровымъ, пуританскимъ міровоззрѣніемъ болѣе соотвѣтствовалъ его собственному взгляду на жизнь. Послѣ его смерти въ бумагахъ его нашли записную книжку, куда онъ вносилъ всевозможныя замѣтки втеченіе своей жизни. Въ этой книжкѣ есть масса цитатъ изъ всевозможныхъ историческихъ, экономическихъ и философскихъ сочиненій, но цитаты изъ поэтическихъ произведеній почти совершенно отсутствуютъ. Поэзія точно также, какъ и искусство вообще, не играла никакой роли въ его жизни.

Джемсъ Милль былъ изъ тѣхъ мыслителей, которые не могутъ оставаться въ сторонѣ отъ общественной жизни и ограничиваться одними научными трудами. Онъ стоялъ во главѣ небольшого, но избраннаго кружка лицъ, связанныхъ между собой единствомъ философскихъ и политическихъ убѣжденій. Въ то время въ Англии еще не было условій для образованія радикальной партіи и, вслѣдствіе этого, кружокъ Милля не представлялъ изъ себя крупной общественной силы. Членами кружка, въ числѣ прочихъ, были: Давидъ Рикардо, Іеремія Бентамъ, Гротъ, и др. Несмотря на то, что Бентамъ и Рикардо могутъ считаться учителями Милля, послѣдній, вслѣдствіе своихъ личныхъ качествъ, игралъ среди нихъ первенствующую роль. Только подъ вліяніемъ совѣтовъ и убѣжденій Милля, Рикардо рѣшился выпустить въ свѣтъ свои «Начала полит. экономіи», составившія эпоху въ наукѣ.

Самымъ близкимъ другомъ Милля былъ Бентамъ. Они часто жилали вмѣстѣ по нѣсколько мѣсяцевъ, и когда въ 1812 г. Джемсъ

Милль опасно заболѣлъ, единственнымъ утѣшеніемъ его была мысль, что, въ случаѣ его смерти, его сынъ останется на попеченіи Бентама.

Вліяніе Джемса Милля, какъ общественнаго дѣятеля и публициста, проявилось особенно сильно въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда въ Англіи началось движеніе въ пользу парламентской реформы, увѣнчавшееся успѣхомъ въ 1832 г. Если можно какому-либо отдѣльному лицу приписывать честь этого успѣха, то ее скорѣе всего слѣдовало бы приписать Джемсу Миллю. Его статьи въ «Encyclopedia Britannica» и «Westminster Review», написанныя съ необыкновенной силой и убѣдительностью, дали теоретическое обоснованіе требованіямъ демократіи и произвели громадное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Джемсъ Милль не могъ быть членомъ парламента вслѣдствіе своей службы въ Остъ-Индской компаніи, но многіе его друзья были выдающимися парламентскими дѣятелями. Одно время радикальная партія въ парламентѣ пыталась сьорганизоваться и захватить власть въ свои руки. Попытка эта, по мнѣнію Стюарта Милля, не удалась потому, что парламентскимъ радикаламъ не хватало такого вождя, какимъ могъ быть только его отецъ.

Устная бесѣда еще болѣе, чѣмъ литература, служила Джемсу Миллю могучимъ орудіемъ пропаганды. Онъ въ рѣдкой степени владѣлъ искусствомъ разговора. Его сынъ слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣніе, производимое его отцомъ на собесѣдниковъ: «Мой отецъ пользовался несравненно-большимъ личнымъ вліяніемъ, чѣмъ Бентамъ. Я никогда не встрѣчалъ человѣка, который лучше его умѣлъ проводить въ разговорѣ свои мысли. Его полное самообладаніе, точность и выразительность языка, строгая серьезность и сила аргументаціи дѣлали его однимъ изъ самыхъ неотразимыхъ діалектиковъ своего времени. Его сила заключалась не только въ умѣніи чисто-логическимъ путемъ убѣждать слушателя: онъ умѣлъ воодушевлять своихъ собесѣдниковъ тѣмъ же горячимъ стремленіемъ къ истинѣ и къ общему благу, какимъ былъ проникнутъ онъ самъ».

Протъ, одинъ изъ его друзей, говоритъ, что бесѣда съ Джемсомъ Миллемъ была даже болѣе поучительна, чѣмъ чтеніе его сочиненій; по его словамъ, Джемсъ Милль своимъ необыкновеннымъ умѣніемъ ставить вопросы и давать на нихъ ясныя и точныя отвѣты является живымъ воплощеніемъ идеала древняго философа, какимъ онъ намъ рисуется по сочиненіямъ Платона и Ксенофонта.

Сила и твердость характера, точно также какъ громадное преобладаніе разсудочнаго элемента надъ эмоціональнымъ, были отличительными свойствами Джемса Милля. Стюартъ Милль говоритъ, что отецъ его, по своимъ взглядамъ на жизнь, «былъ одновременно стоикомъ, эпикурейцемъ и циникомъ, хотя, разумѣется, не въ современномъ значеніи этихъ словъ. По складу своего характера онъ былъ стоикомъ. Его взгляды на нравственность были эпикурейскими, такъ какъ онъ считалъ пользу и вредъ человѣческихъ поступковъ единственнымъ основаніемъ для ихъ одобренія или порицанія. На циниковъ же онъ походилъ въ томъ отношеніи, что совсѣмъ не вѣрилъ въ наслажденіе. Онъ не былъ нечувствительнымъ къ удовольствіямъ, но находилъ, что большинство изъ нихъ далеко не стоитъ той цѣны, которою приходится за нихъ расплачиваться. По его мнѣнію, жизненные неудачи по большей части зависятъ отъ чрезмѣрнаго значенія, придаваемого нами наслажденіямъ. Поэтому основнымъ правиломъ воспитанія для него была умѣренность, въ широкомъ смыслѣ слова, какъ понимали эту добродѣтель греческіе философы. Человѣческая жизнь, утратившая первое обаяніе молодости, казалась ему довольно жалкой вещью. Онъ неохотно говорилъ на эту тему, особенно въ присутствіи молодежи; но когда ему случалось затрогивать эти вопросы, онъ высказывался съ глубокимъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ. Онъ иногда соглашался, что жизнь могла бы имѣть нѣкоторую цѣну, еслибы люди сдѣлались другими подъ вліяніемъ хорошаго воспитанія и разумнаго правительства; но даже объ лучшемъ социальномъ строѣ онъ никогда не говорилъ съ энтузіазмомъ. Умственные наслажденія онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ, не только по ихъ результатамъ для человѣческаго прогресса, но и ради ихъ самихъ. Удовольствія симпатіи и привязанности онъ также ставилъ высоко и часто говаривалъ, что старый человѣкъ можетъ быть счастливъ только живя радостями молодежи. Ко всякимъ страстнымъ чувствамъ, также какъ и ко всему, что пишется и дѣлается подъ вліяніемъ страсти, онъ относился съ самымъ глубокимъ пренебреженіемъ. Онъ считалъ страсть одной изъ формъ пошлостельства. Единств. «чрезмѣрное» (intense) былъ для него однимъ изъ самыхъ сильныхъ выраженій порицанія».

Мы говорили выше, что Джемсъ Милль не вѣрилъ въ монотеизмъ и охотнѣе допускалъ существованіе двухъ верховныхъ началъ — добра и зла, совмѣстно управляющихъ міромъ. Сколько глубокаго пессимизма, сколько разочарованія въ жизни обнаружи-

вается въ этомъ возрѣвнн! Только человекъ, совершенно лишенный поэтическаго чувства, утратившій вѣру въ человечество, могъ нарисовать себѣ такую мрачную картину устройства вселенной. Пессимизмъ Джемса Милля въ особенности интересенъ потому, что съ вѣшной стороны ему нечего было желать отъ жизни. Онъ былъ совершенно обезпеченъ въ матеріальномъ отношенн, занималъ почетное и вліятельное общественное положенн, могъ съ полнымъ правомъ гордиться своими дѣтьми, пользовался общимъ уваженнмъ со стороны своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, и наконецъ у него было дѣло, въ которое онъ вѣрилъ и которому отдавался всей душой. Его работа не пропадала даромъ и доставляла ему громадное нравственное удовлетворенн. Его сочиненн имѣли успѣхъ среди читателей, они волновали общественное мнѣнн и инныя изъ нихъ имѣли даже такія крупныя практическія послѣдствія, какъ напр. реформа 1832 г. И все-таки Джемсъ Милль не любилъ жизнь и не тяготился ею только потому, что былъ слишкомъ занятъ. Жизнь потеряла для него всѣ свои краски: поэзія, любовь, красота, все, что волнуетъ и радуетъ большинство человечества, казалось ему мимолетнымъ и обманчивымъ сномъ юности, который исчезаетъ безслѣдно, когда человекъ начинаетъ глубже понимать истинную сущность жизни. Какъ большинство своихъ соотечественниковъ, Джемсъ Милль по самой своей натурѣ былъ болѣе склоненъ къ меланхолн, къ сплину, чѣмъ къ радостному и веселому настроенн духа. Вся его жизненная обстановка клонилась къ чрезмѣрному развитн умственныхъ способностей въ ущербъ чувству, которое должно было гдохнуть отъ недостатка впечатлѣній. Каждый день одинъ и тотъ же неустанный умственный трудъ, безъ передышки и безъ отдыха, никакихъ развлеченн, ничего того, что можетъ взволновать человека и заставить хоть на время забыть будничную дѣйствительность. Немудрено, что при такихъ условіяхъ Джемсъ Милль зачерствѣлъ и потерялъ всякій вкусъ къ радостямъ и горестямъ бытія. И то и другое замѣнилось скукой, душевной пустотой, отъ которой онъ находилъ спасенн только въ работѣ, неутомимой и упорной.

Онъ съ необыкновенной добросовѣстностью относился ко всякому дѣлу, за которое принимался, былъ образцовымъ чиновникомъ. что доказывается его блестящей карьерой, писалъ толстыя книги и журвальныя статьи, велъ ожесточенную полемику съ противниками, не поступаясь никогда своими убѣжденіями и неуклонно

стремясь къ одной цѣли—благу человѣчества, которому въ глубинѣ души онъ не могъ вѣрить.

Насъ невольно поражаетъ противорѣчiе между теоретическими воззрѣнiями Джемса Милля и его личной жизнью. Въ теорiи онъ признавалъ прiятныя ощущенiя единственнымъ благомъ жизни, а самъ не былъ способенъ испытывать какiя бы то ни было удовольствiя, кромѣ удовольствiй умственнаго труда. По своимъ вкусамъ и привычкамъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова аскетомъ, и въ то же время ничто не возбуждало въ немъ такого негодованiя, какъ проповѣдь аскетизма. Въ области умозрѣнiя онъ довѣрялся только доводамъ разсудка и, хотя онъ самъ могъ бы служить лучшимъ опроверженiемъ крайностей эпикурейской теорiи нравственности, онъ до конца жизни оставался вѣренъ своимъ доктринамъ, потому что не находилъ никакихъ логическихъ погрѣшностей въ ихъ конструкцiи. Онъ можетъ быть названъ доктринеромъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—человѣкомъ, мало обращающимъ вниманiя на жизненный опытъ и находящимся во власти отвлеченныхъ теорiй.

Нечего и говорить, что такой человѣкъ не могъ быть нѣжнымъ отцомъ семейства. Бэнъ говоритъ, что постороннему человѣку тяжело было видѣть отношенiе Джемса Милля къ своимъ домашнимъ. Его появленiе вносило въ семью струю холода: непринужденная, веселая дѣтская болтовня тотчасъ же умолкала и замѣнялась томительнымъ молчанiемъ, если отецъ былъ не въ духѣ, или оживленнымъ теоретическимъ разговоромъ со старшимъ сыномъ, если отцу хотѣлось поговорить. Даже въ отношенiяхъ со своими друзьями, которымъ онъ былъ искренно и глубоко преданъ, Джемсъ Милль оставался тѣмъ же тяжелымъ, неуживчивымъ человѣкомъ, и ладить съ нимъ было трудно. Бентамъ отзывался о немъ въ слѣдующихъ выраженiяхъ: «онъ никогда охотно не спорилъ со мной. Если мы не сходились въ мнѣнiяхъ, онъ молчалъ. У него поразительная сила воли. Онъ стремится всѣхъ покорить своимъ повелительнымъ тономъ, всѣхъ убѣдить силой своихъ аргументовъ. Его манера говорить имѣетъ въ себѣ что-то подавляющее. Онъ ходитъ всегда точно съ маской на лицѣ». Этотъ отзывъ очевидно не вполне безпристрастенъ, такъ какъ извѣстно изъ многихъ источниковъ, что Джемсъ Милль не избѣгалъ споровъ и умѣлъ блистательно вести ихъ. Но все-таки онъ имѣетъ для насъ значенiе, потому что показываетъ, какъ относился къ Миллю его лучшiй другъ. Замѣтимъ кстати, что, несмотря на взаимное уваженiе.

друзья нѣсколько разъ ссорились. Сохранилось одно характерное письмо Джемса Милля, гдѣ онъ высказываетъ увѣренность, что для ихъ дружбы необходимо, чтобы они встрѣчались какъ можно рѣже.

Джемсъ Милль умеръ въ 1826 г., 63-хъ лѣтъ отъ роду, когда его вліяніе какъ писателя достигло своего апогея.

Его сынъ говоритъ, что до послѣдняго момента нельзя было замѣтить никакого ослабленія умственныхъ способностей умирающаго; онъ по прежнему интересовался тѣми-же вещами, которыя интересовали его обыкновенно, и страхъ смерти не заставилъ его измѣнить своимъ взглядамъ на религію. Онъ находилъ успокоеніе въ мысли, что работаль по мѣрѣ силъ для счастья и прогресса человѣчества, и выражалъ сожалѣніе только о томъ, что его работа обрывается смертью.

ГЛАВА II.

Дѣтство Джона Стюарта Милля.

Джонъ Стюартъ Милль говоритъ въ предисловіи къ своей автобіографіи, что исторія его умственнаго развитія въ особенности поучительна потому, что она показываетъ, какихъ громаднхъ результатовъ можетъ достигнуть умѣлое воспитаніе, направляемое исключительно къ развитію мыслительныхъ способностей ребенка.

Мы описали въ предыдущей главѣ личность Джемса Милля: можно себѣ представить, какимъ суровымъ и непреклоннымъ воспитателемъ долженъ былъ быть этотъ человѣкъ, насквозь проникнутый отвлеченными теоріями. Его система воспитанія была вполне послѣдовательна, глубоко продумана имъ самимъ и вытекала изъ самаго искренняго желанія добра своему ребенку; она составляла естественный логическій выводъ изъ его общаго философскаго міросозерцанія и взгляда на жизнь. Въ воспитаніи своихъ дѣтей Джемсъ Милль имѣть возможность провѣрить на опытѣ свои теоретическія воззрѣнія и съ увлеченіемъ взялся за это дѣло.

Мы почти ничего не знаемъ о матери Стюарта. Судя по всему, можно думать, что это была слабая и добрая женщина, любившая своихъ дѣтей, но имѣвшая на нихъ мало вліянія. Она была со-

вершено подавлена личностью своего мужа, авторитетъ котораго въ семьѣ былъ безграниченъ. На ея рукахъ лежало все хозяйство, съ которымъ справиться было нелегко, такъ какъ доходовъ было мало, а семья увеличивалась съ каждымъ годомъ. Старшій сынъ ея, Стюартъ, очень походилъ лицомъ на мать: онъ былъ слабымъ, тихимъ ребенкомъ, не любившимъ бѣгать и шалить съ другими мальчиками. Да ему и некогда было шалить. Вся обстановка дома наводила на другія мысли: мать, всецѣло погруженная въ заботы о хозяйствѣ и трепетавшая передъ мужемъ, безличная и безгласная: нетерпѣливый, раздражительный отецъ, постоянно занятый своими книгами, не допускавшій и мысли о какихъ-либо развлеченіяхъ—все это не располагало къ шалостямъ. Дѣтская возня и ихъ шумныя игры были-бы такимъ диссонансомъ въ правильной, размѣренной жизни отца, что онъ не потерпѣлъ-бы этого ни въ какомъ случаѣ.

Товарищей у маленькаго Стюарта не было; отецъ боялся вреднаго вліянія сверстниковъ на своего сына, предназначаемаго имъ для великой цѣли въ будущемъ: онъ долженъ былъ продолжать дѣло своего отца, долженъ былъ сдѣлаться смѣлымъ и независимымъ мыслителемъ, общественнымъ дѣятелемъ, преданнымъ интересамъ народа, неутомимымъ борцомъ противъ невѣжества и предрассудковъ, быть можетъ, даже социальнымъ реформаторомъ. Для того, чтобы Стюартъ могъ во всеоружіи выступить на жизненную арену, отецъ рѣшилъ самъ вести воспитаніе сына. Онъ по собственному опыту зналъ, какъ много времени уходитъ въ молодости даромъ, безъ всякой пользы для умственнаго развитія, благодаря отсутствію системы въ накопленіи и усвоиваніи знаній, хотѣлъ избавить своего сына отъ тѣхъ ошибокъ и заблужденій, которыя пережилъ самъ. Поэтому всякое постороннее вліяніе тщательно устранялось отъ маленькаго Стюарта.

Но онъ росъ не одинъ: около него всегда былъ серьезный и строгій наставникъ, неотступно слѣдившій за каждымъ его шагомъ. Первые дѣтскія воспоминанія Милля рисуютъ ему невысокую комнату, уставленную книгами, большой письменный столъ, заваленный бумагами, и у стола отца, погруженнаго въ свою работу. Трехлѣтній мальчикъ (родился 20-го мая 1806 года) сидитъ противъ отца и тоже занятъ: онъ учитъ греческія слова, значеніе которыхъ написано отцомъ на особыхъ табличкахъ. Когда онъ началъ читать по-англійски—этого бѣдный мальчикъ совѣмъ не помнитъ; можно думать, что онъ уже началъ читать въ томъ

возрастѣ, когда другія дѣти едва начинаютъ усваивать родной языкъ. Зато Стюартъ прекрасно помнитъ, что онъ никогда не имѣлъ игрушекъ, не игралъ со своими сверстниками, не слушалъ сказокъ отъ матери, не жилъ въ фантастическомъ мѣрѣ карликовъ, эльфовъ, добрыхъ и злыхъ волшебницъ.

Отецъ позаботился о томъ, чтобы любознательность ребенка не получила ложнаго направленія—сказки могли развить въ мальчикѣ воображеніе, заинтересовать его такими вещами, которыя не имѣютъ ничего общаго съ греческими вокабулами.

Ему нельзя было увлекаться произведеніями народной фантазіи, полными всякихъ предрасудковъ и суевѣрій.

Старикъ Милль признавалъ умственный трудъ единственнымъ цѣннымъ и прочнымъ наслажденіемъ въ жизни; по его мнѣнію, главной задачей воспитанія должно быть пріученіе ребенка къ умственному труду. И вотъ мы видимъ трехлѣтняго Стюарта, заучивающаго наизусть греческія слова.

Джонъ Стюартъ Милль съ грустью говорилъ впоследствии, что у него не было дѣтства. Но этого мало—у него не только не было дѣтства, у него не было даже юности. Мальчикъ шести-семи лѣтъ производитъ впечатлѣніе совершенно взрослаго человѣка. Къ этому возрасту онъ уже получилъ довольно солидное классическое образованіе; онъ свободно читаетъ и пишетъ по-гречески, прочелъ басни Эзопа, Анабазисъ, Воспоминанія о Сократѣ и Киропедію Ксенофонта, нѣсколько главъ изъ Діогена Лаертскаго, Лукіана и Исократы; наконецъ, пять первыхъ діалоговъ Платона. По-англійски онъ тоже прочелъ много книгъ, по большей части историческаго содержанія, между прочимъ—сочиненія Юма, Гиббона, Робертсона и др.

Занятія его происходили по слѣдующему плану. Утромъ онъ приходилъ въ кабинетъ отца и вмѣстѣ съ нимъ принимался за работу. Отецъ писалъ, а сынъ въ его присутствіи переводилъ съ греческаго и училъ греческую грамматику. Лексиконовъ у него не было и съ каждымъ неизвѣстнымъ словомъ онъ долженъ былъ обращаться къ отцу, который подчинялся этому неудобству, несмотря на то, что вообще не могъ выносить, когда его отвлекали отъ работы. Вечеромъ отецъ давалъ сыну уроки арифметики, и Стюартъ Милль рассказываетъ въ своей автобіографіи, какой мучкой были для него эти уроки съ раздражительнымъ, требовательнымъ отцомъ. Но уроки составляли только небольшую часть его ежедневныхъ занятій. Гораздо больше времени уходило у него на

самостоятельное чтеніе и бесѣды о прочитанномъ. Стюартъ дѣлалъ замѣтки относительно каждой книги, которую онъ читалъ, и на другой день, во время прогулки съ отцомъ, долженъ былъ передавать ему ея содержаніе. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ семья Милля жила въ небольшомъ городкѣ, почти въ деревнѣ. Мальчикъ очень любилъ природу, но первыя воспоминанія о зеленыхъ поляхъ и деревенскомъ просторѣ смѣшивались въ его умѣ съ воспоминаніями объ этихъ полу-обязательныхъ серьезныхъ бесѣдахъ.

Изъ прочитанныхъ книгъ маленькому Миллю больше всего нравилась Исторія Филиппа II и Филиппа III, Ватсона. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ описанія битвъ и героическихъ подвиговъ Мальтійскихъ рыцарей въ борьбѣ съ Турками, и возставшихъ жителей нидерландскихъ провинцій въ борьбѣ съ Испанцами. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ симпатіи его настолько опредѣлились, что онъ всегда стоялъ на сторонѣ угнетаемыхъ противъ угнетателей. Только когда ему пришлось читать объ основаніи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ, вслѣдствіе понятнаго дѣтскаго патріотизма, не могъ сочувствовать Американцамъ.

Отецъ успѣшилъ указать сыну на эту непослѣдовательность, и мальчикъ измѣнилъ свой взглядъ.

Такимъ образомъ отецъ Стюарта старался расширить его дѣтскій кругозоръ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы внушить ему свои взгляды на нравственность и политику.

Чтобы развить въ мальчикѣ энергію и предприимчивость, отецъ давалъ ему читать такія книги, въ которыхъ описывались мужественные, непоколебимые люди, умѣвнѣе бороться и побуждать всевозможныя затрудненія — исторіи разныхъ путешественниковъ, завоевателей, и т. д. Но книги для легкаго чтенія были совершенно исключены изъ бібліотеки маленькаго Милля. Случайно ему попался въ руки «Робинзонъ Крузо», и онъ съ наслажденіемъ читалъ и перечитывалъ безчисленное число разъ это вѣчно-юное описаніе борьбы человѣка съ природой.

Когда Стюарту было 5 лѣтъ, въ кружкѣ знакомыхъ его отца о немъ уже много говорили, какъ о феноменальномъ ребенкѣ, поражающемъ своими способностями и познаніями.

Одна знатная дама, леди Спенсеръ, заинтересованная этими разсказами, просила Бентама привести къ ней маленькаго Милля. Последній охотно принялъ приглашеніе и, взявъ съ собою новую для него обстановку незнакомаго дома, вступилъ съ хозяйкой въ го-

448392

рячій споръ о сравнительныхъ достоинствахъ Мальборо и Веллингтона какъ полководцевъ.

Неизвѣстно, кто остался побѣдителемъ въ этомъ оригинальномъ спорѣ.

Не ограничиваясь чтеніемъ историческихъ сочиненій, шести-лѣтній Милль и самъ пробовалъ свои силы на поприщѣ сочинительства. Такъ, онъ написалъ исторію Рима, Голландіи, и даже «краткія начала всемірной исторіи». Отецъ поощрялъ эти авторскія попытки, но былъ настолько благоразуменъ, что никогда не заглядывалъ въ его бумаги и не запугивалъ юнаго автора критическими замѣчаніями. Впослѣдствіи Стюартъ уничтожилъ всѣ свои дѣтскія произведенія, но у одной его знакомой дамы сохранилась копія съ одного изъ нихъ — Исторіи Рима. Приведемъ начало этого любопытнаго историческаго опыта, который могъ-бы занять около 4-хъ страницъ обыкновенной печати.

Первая глава озаглавлена «Альбанское царство. Римскія завоеванія въ Италіи» и начинается слѣдующимъ образомъ.

„По словамъ Діонисія Галикарнаскаго, мы ничего не знаемъ объ исторіи Рима до сицилійскаго нашествія. До этого времени страна не подвергалась чужеземнымъ нашествіямъ. Послѣ изгнанія Сицилійцевъ, Иберійскіе цари правили страной нѣсколько лѣтъ; но въ царствованіе Латива Эней, сынъ Венеры и Анхиза, прибылъ въ Италію и основалъ царство, названное Альбалонгой. Онъ наследовалъ Лативу и началъ войну съ Итальянскими народами. Рутулы, народъ жившій у моря, возстали противъ него. Но Турнъ, ихъ царь, былъ разбитъ и убитъ Энеемъ. Эней былъ убитъ вскорѣ послѣ этого. Война съ Рутулами продолжалась до времени Ромула, перваго царя Рима. Имъ былъ основанъ Римъ“.

Далѣе исторія продолжается въ томъ-же родѣ. Юный историкъ не хочетъ отстать отъ извѣстныхъ ему авторовъ и старается придать своему труду ученый видъ, помѣщая отъ времени до времени ссылки и критическія замѣчанія по поводу цитируемыхъ имъ писателей древняго міра.

Восьми лѣтъ Стюартъ началъ изучать латинскій языкъ и втеченіе перваго года прочелъ Корнелія Непота и комментаріи Цезаря. Отецъ считалъ его уже настолько зрѣлымъ, что поручилъ ему обученіе младшихъ братьевъ и сестеръ. Эти обязательные уроки очень не нравились Стюарту: они отнимали у него много времени и, кромѣ того, на немъ лежала отвѣтственность за успѣхи учениковъ, которые не были особенно понятливы и прилежны. Милль говорилъ впослѣдствіи, что онъ на собственномъ опытѣ убѣ-

дился, какъ нехорошо вліяетъ такая система и на учителя, и на ученика.

Въ этомъ году вся семья Милля проводила лѣто въ великолѣпномъ помѣстьи Бентама, на югѣ Англій. Старинное, средневѣковое аббатство въ готическомъ стилѣ, служившее резиденціей Бентаму, произвело очень сильное впечатлѣніе на Стюарта. Онъ съ восторгомъ описывалъ одному своему знакомому внутреннее убранство аббатства, высокія просторныя комнаты со сводами, росписные, позолоченные потолки, богатую живопись на стѣнахъ и окнахъ. Аббатство было окружено тѣнистымъ паркомъ, чрезъ который протекала рѣка. Въ паркѣ было много ручьевъ и водопадовъ, много живописныхъ лужаекъ, поросшихъ травой и полевыми цвѣтами. Стюартъ Милль съ ранняго дѣтства любилъ собирать и засушивать цвѣты; въ этомъ сказывалось природное поэтическое чувство мальчика, не вполне заглушенное даже той непосильной умственной работой, которую взвалилъ на него отецъ. Нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ аббатствѣ, были единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ дѣтства для маленькаго Милля. Онъ говоритъ въ своей автобіографіи, что контрастъ между прозаической, мѣщанской обстановкой квартиры его родителей и великолѣпнымъ аббатства научилъ его цѣнить и понимать красоту.

Къ 12 годамъ Милль получилъ уже такое основательное образование, которое сдѣлало-бы честь многимъ взрослымъ юношамъ. Онъ прочелъ по-гречески Гомера, Софокла, Эврипида, Аристофана, Ксенофонта, Фукидида, Демосфена, Платона, Аристотеля, и мног. др.; по-латыни — Овидія, Горация, Вергилія, Салюстія, Тита-Ливія, Цицерона и Лукреція.

Онъ основательно изучилъ элементарную алгебру и геометрію, прочелъ нѣсколько сочиненій по высшей математикѣ; такъ какъ его отецъ былъ довольно мало знакомъ съ математикой, то ему приходилось самому справляться со всѣми трудностями высшаго математическаго анализа.

Однимъ изъ самыхъ большихъ удовольствій Милля было чтеніе сочиненій по естествознанію. Онъ съ жадностью поглощалъ трактаты по физикѣ и химіи, хотя самъ не только никогда не продолжалъ опытовъ, но даже никогда не присутствовалъ при нихъ. Исторія Греціи и Рима по-прежнему была любимымъ предметомъ чтенія Милля. Онъ продолжалъ пробовать свои силы въ самостоятельныхъ историческихъ опытахъ и 12-ти лѣтъ написалъ «Исторію государственнаго устройства Рима» — несравненно болѣе зрѣлое про-

изведеніе, чѣмъ его прежніе историческіе опыты, отрывокъ изъ которыхъ былъ приведенъ выше.

Въ печати оно составило-бы довольно объемистый томикъ и было написано на основаніи первыхъ источниковъ—Тита Ливія и Діонисія.

Прежній дѣтскій интересъ къ войнамъ замѣнился болѣе осмысленнымъ отношеніемъ къ историческимъ событіямъ; теперь уже Милля интересуеетъ исключительно внутренняя исторія римскаго народа, борьба патриціевъ и плебеевъ. Нечего и говорить, что всѣ его симпатіи были на сторонѣ плебеевъ, требованія которыхъ онъ защищалъ по мѣрѣ силъ и умѣнія.

Авторская дѣятельность юнаго Милля не ограничивалась этими добровольными сочиненіями; отецъ требовалъ отъ него стихотворныхъ упражненій на англійскомъ языкѣ; онъ былъ избавленъ отъ писанія греческихъ и латинскихъ стиховъ — на это рѣшительно не хватало времени; но отецъ хотѣлъ, чтобы Стюартъ умѣлъ выражать свои мысли въ стихотворной формѣ, и для этого задавалъ ему темы, по-большой части взятая изъ древне-греческой жизни, которая онъ долженъ былъ перелгать въ стихи. Такимъ образомъ, Стюартъ написалъ нѣсколько пѣсень въ подражаніе Иліадѣ Гомера, переводилъ Горація, воспѣвалъ въ стихахъ красоты природы, и т. д. Какъ и слѣдовало ожидать, стихи выходили деревянными и въ нихъ не было и тѣни поэзіи.

Но отецъ Милля вовсе и не стремился сдѣлать изъ своего сына поэта; Стюартъ долженъ былъ только выработать себѣ умѣніе легко и свободно излагать свои мысли, не стѣсняясь формой выраженія, и въ этомъ отношеніи стихотворныя упражненія могли быть дѣйствительно полезны для Милля.

12 лѣтъ Стюартъ началъ изучать логику. Онъ прочелъ подъ руководствомъ отца «Органонъ» Аристотеля, нѣсколько схоластическихъ трактатовъ о логикѣ и «Computatio sive Logica» Гоббеса. Отецъ его считалъ необходимымъ всегда разъяснять мальчику, для какой цѣли ему сообщаются тѣ или другія свѣдѣнія. Это было особенно важно относительно логики силлогизма, полезность которой подвергается сомнѣнію столькими образованными людьми.

Рядомъ искусно-поставленныхъ вопросовъ Джеймсъ Милль старался убѣдить своего сына, что для точности и ясности мышленія слѣдуетъ ознакомиться съ теоріей силлогизма; онъ приводилъ примѣры логическихъ погрѣшностей, изобиловавшихъ въ сужденіяхъ большинства людей, и предлагалъ сыну самому рѣшить, въ чемъ

заключается источникъ этихъ ошибокъ. По мнѣнію Стюарта Милля, ничто не содѣйствовало въ такой мѣрѣ развитію его мыслительныхъ способностей, какъ это раннее знакомство съ формальной логикой. Онъ говоритъ, что первая умственная операція, въ которой онъ достигъ извѣстнаго совершенства, заключалась въ умѣніи анализировать неправильную аргументацію и находить источникъ ея неправильности; этимъ онъ обязанъ прежде всего практикѣ въ разрѣшеніи логическихъ проблемъ подъ руководствомъ своего отца, который всегда требовалъ отъ него точности и послѣдовательности мысли и не допускалъ никакихъ смутныхъ, противорѣчивыхъ отвѣтовъ.

Чтеніе греческихъ авторовъ давало обильную пищу для конкретной иллюстраціи логическихъ законовъ, выраженныхъ въ отвлеченной формѣ въ теоріи силлогизма. Въ этомъ отношеніи особенно незамѣнимы были діалоги Платона, въ которыхъ сократическій методъ является въ полномъ своемъ блескѣ. По словамъ Милля, всѣ логическіе приемы Платона: «точные, недвусмысленные вопросы, посредствомъ которыхъ онъ заставляетъ человѣка, привыкшаго къ неяснымъ обобщеніямъ, выразить свою мысль въ опредѣленной формѣ или признать свое невѣжество; постоянное подтвержденіе общихъ положеній отдѣльными примѣрами; разъясненіе отвлеченныхъ истинъ путемъ строгаго различенія изслѣдуемаго понятія отъ всѣхъ другихъ, сходныхъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и составляющихъ одну высшую группу;— все это служитъ лучшей школой точнаго мышленія и имѣетъ глубокое воспитательное значеніе». Разбирая и комментируя рѣчи Демосфена, отецъ обращалъ вниманіе Стюарта на то, какъ искусно великій ораторъ умѣлъ выбирать наиболее-подходящій моментъ для сообщенія слушателямъ какой-нибудь новой мысли; какъ Демосфенъ постепенно, шагъ за шагомъ, овладѣвалъ вниманіемъ слушателей и подготавливалъ ихъ къ воспріятію непріятныхъ для нихъ истинъ, которыя возбудили-бы ихъ негодованіе, еслибы были сообщены сразу.

Такимъ образомъ чтеніе греческихъ классиковъ пріобрѣтало высокое образовательное значеніе и, если нѣкоторыя объясненія отца не могли быть вполне усвоены Стюартомъ, тѣмъ не менѣе они заронили въ его умъ такія сѣмена, которыя въ свое время дали обильные плоды. Но, несмотря на всѣ успѣхи Стюарта, отецъ рѣдко оставался имъ доволенъ. По большей части Стюарту приходилось выслушивать выговоры за свою непонятливость и небрежность. Такъ, однажды во время прогулки мальчикъ употребилъ въ разго-

ворѣ съ отцомъ слово «идея». Отецъ немедленно потребовалъ объясненія этого слова и былъ крайне недоволенъ, когда Стюартъ сталъ путаться и сбиваться въ своихъ отвѣтахъ. Въ другой разъ Стюартъ повторилъ избитое выраженіе, что справедливое въ теоріи можетъ быть непримѣнимо на практикѣ. Это привело отца въ сильнѣйшее негодованіе и онъ предложилъ Стюарту самому опредѣлить, что онъ разумѣетъ подъ теоріей и практикой; когда Стюартъ убѣдился въ своей полной неспособности дать требуемыя опредѣленія, отецъ подробно объяснилъ ему эти два понятія и выразилъ свое изумленіе передъ поразительнымъ невѣжествомъ сына.

13 лѣтъ Стюартъ началъ изучать политическую экономію. Не находя ни одного подходящаго руководства (главное сочиненіе Рикардо еще не было напечатано), Джемсъ Милль въ устныхъ бесѣдахъ самъ излагалъ сыну политическую экономію. Мальчикъ записывалъ на память содержаніе каждой лекціи и на другой день прочитывалъ ее отцу. Такимъ образомъ составилъ систематическій курсъ политической экономіи, который впоследствии былъ напечатанъ Джемсомъ Миллемъ подъ заглавіемъ «Элементы политической экономіи».

Какъ только Рикардо выпустилъ въ свѣтъ свои «Начала политической экономіи», Стюартъ успѣшилъ прочесть эту книгу. Отецъ далъ ему для сравненія книгу Адама Смита «О богатствѣ народовъ» и обратилъ его вниманіе на большую точность и ясность возрѣній Рикардо сравнительно со взглядами Адама Смита.

Къ этому времени заканчивается первый періодъ умственнаго развитія Милля. Отецъ и позднѣе продолжалъ оказывать на него сильное вліяніе, но уже не въ качествѣ наставника и учителя, а въ качествѣ опытнаго друга, къ авторитету котораго сынъ всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ. 14-ти лѣтъ Стюартъ прошелъ всю школу воспитанія и былъ признанъ отцомъ достаточно зрѣлымъ, чтобы обходиться безъ дальнѣйшаго руководства съ чьей бы то ни было стороны.

Каковы же были результаты этого безпримѣрнаго въ исторіи педагогики воспитательнаго опыта? Мы знаемъ чему въ какомъ возрастѣ учился Джонъ Стюартъ Милль, но весь интересъ вопроса заключается въ томъ, чему онъ въ дѣйствительности научился и какъ подѣйствовали на него столь рано пріобрѣтенныя знанія?

Отецъ Милля считаетъ себя компетентнымъ во всѣхъ областяхъ знанія, но въ дѣйствительности онъ былъ хорошо знакомъ только съ логикой, психологіей и политической экономіей. Естественныя

науки были ему известны очень недостаточно, математика и того меньше. Что касается изящной словесности, также как искусства вообще, то въ этой области Джемсъ Милль самъ признавалъ себя круглымъ невѣждою. Такимъ образомъ образованіе, которое онъ могъ дать своему сыну, должно было быть въ высшей степени одностороннимъ. И дѣйствительно, несмотря на громадныя затраты времени и силъ, Стюартъ Милль, по словамъ Бэна, въ зрѣлыхъ годахъ часто жаловался на разныя пробѣлы въ своемъ образованіи и въ особенности на то, что онъ слишкомъ мало знакомъ съ точными науками. Работая надъ «Системой логики», онъ затруднялся подыскивать примѣры изъ исторіи науки и долженъ былъ обратиться за помощью къ Бэну. Мы уже говорили, что Милль никогда не продѣлывалъ опытовъ и не наблюдалъ въ дѣйствительности тѣхъ явленій, о которыхъ зналъ по книжкамъ. Между тѣмъ, его анализъ методовъ опытнаго изслѣдованія можно считать одной изъ его самыхъ крупныхъ научныхъ заслугъ. Безъ всякаго сомнѣнія, для его работы было бы гораздо полезнѣе, если бы для экспериментированія на практикѣ онъ употребилъ хотя часть того времени, которое онъ потратилъ на чтеніе греческихъ и римскихъ классиковъ.

Точно также историческое образованіе Милля не можетъ быть названо особенно обширнымъ. Въ юности онъ читаетъ безъ разбора всевозможныя историческія сочиненія, увлекается изученіемъ одной эпохи, въ то время какъ предшествующія эпохи остаются ему совершенно неизвѣстными, перечитываетъ въ разное время по нѣскольку разъ одиѣ и тѣ же сочиненія, возвращается къ древней исторіи послѣ того, какъ уже долгое время занимался новой, вообще изучаетъ исторію такъ, какъ будто у него не было никакого руководителя и онъ былъ предоставленъ собственной любознательности. Насколько отрывочны были его историческія свѣдѣнія, можно видѣть изъ того, что, несмотря на весь свой радикализмъ, онъ до поѣздки во Францію былъ совершенно незнакомъ съ исторіей французской революціи. Эти крупныя пробѣлы въ его историческомъ образованіи объясняются тѣмъ, что исторія не была для него предметомъ обязательнаго изученія, какъ классическая литература и математика. Онъ занимался исторіей добровольно, въ свободное отъ остальныхъ занятій время: историческія книги замѣняли для него изящную литературу и служили для него отдыхомъ отъ обычной напряженной умственной работы. Это не могло не отразиться на характерѣ его историческихъ свѣдѣній.

Несмотря на усиленное чтеніе, Стюартъ Милль не вынесъ изъ прочитанныхъ книгъ основательнаго и полнаго знанія исторіи.

Въ воспитаніи Милля болѣе всего поражаетъ наблюдателя то, что ребенка начали такъ рано обучать классическимъ языкамъ. Шести-семи лѣтъ онъ уже прочелъ цѣлый рядъ греческихъ книгъ, среди которыхъ мы находимъ такія серьезныя произведенія, какъ діалоги Платона. Безъ всякаго сомнѣнія, далеко не все прочитанное было дѣйствительно усвоено мальчикомъ. Мы привели выше отрывокъ изъ «Исторіи Рима», написанный Миллемъ шести лѣтъ. Хотя этотъ отрывокъ и доказываетъ, что Милль былъ удивительно развитъ для своихъ лѣтъ, тѣмъ не менѣе мы не видимъ въ немъ слѣдовъ того обильнаго чтенія, которое ему предшествовало. Сохранилось одно любопытное письмо Стюарта Милля къ своимъ сестрамъ, написанное на латинскомъ языкѣ; оно доказываетъ, что Милль неважно владѣлъ латинскимъ языкомъ и мало чѣмъ превосходилъ въ этомъ отношеніи многихъ своихъ сверстниковъ. Точно также онъ не вполне свободно понималъ по гречески, о чемъ можно заключить изъ того, что оригиналъ Иліады не произвелъ на него никакого впечатлѣнія, между тѣмъ какъ переводъ Попа привелъ его въ совершенный восторгъ и открылъ ему глаза на поэтическія красоты Гомера. Стюартъ Милль былъ слишкомъ заваленъ работой, слишкомъ много учился и читалъ; ему некогда было основательно знакомиться съ изучаемыми предметами; онъ долженъ былъ на лету схватывать разныя свѣдѣнія и спѣшить дальше. Такъ, онъ говоритъ въ своей «Автобіографіи», что при изученіи дифференціаловъ ему часто приходилось приниматься за высшіе отдѣлы математики, въ то время какъ низшіе отдѣлы были усвоены имъ очень плохо. Понятное дѣло, что при такой системѣ работы масса труда должна была пропадать совершенно даромъ.

Итакъ, положительныя свѣдѣнія, вынесенныя Миллемъ изъ школы его отца, были не такъ обширны, какъ того можно было ожидать по количеству затраченныхъ усилій. Но результаты умственнаго воспитанія нельзя мѣрять однимъ количествомъ приобретенныхъ знаній; гораздо важнѣе развитіе самихъ мыслительныхъ способностей и умѣнія трудиться. Въ этомъ заключается главная задача воспитанія. Отецъ Милля никогда не заботился о полнотѣ образованія сына, но зато онъ дѣлалъ все возможное, чтобы приучить Стюарта къ самостоятельному мышленію. Когда встрѣчались какія нибудь затрудненія, когда Стюартъ чего-либо не понималъ, отецъ не приходилъ къ нему на помощь до тѣхъ поръ,

пока мальчикъ не истощилъ всѣ усилія, чтобы самому добиться успѣха. Стюарту случалось по нѣскольку лѣтъ мучиться надъ рѣшеніемъ какой-нибудь особенно трудной задачи. Это, конечно, очень замедляло его успѣхи въ наукѣ, но зато было въ высшей степени полезно въ смыслѣ воспитанія ума. Онъ съ ранняго дѣтства привыкъ логично и послѣдовательно мыслить и разрѣшать разные сложные и запутанные вопросы. При сравненіи Стюарта Милля съ его сверстниками, особенно поражаетъ совершенно неестественное въ столь юныхъ годахъ развитіе логическихъ способностей мальчика. Въ 10—12 лѣтъ онъ ничего не принимаетъ на вѣру, умѣетъ блистательно аргументировать и защищать свои мнѣнія, имѣетъ законченное, выработанное міровоззрѣніе и относится вполне сознательно ко всѣмъ явленіямъ окружающей жизни.

Въ 12-ть лѣтъ онъ самостоятельно, безъ чьей-бы то ни было помощи, изучаетъ такую трудную науку, какъ высшая математика, и собственными силами справляется съ задачами на дифференціальное исчисленіе. Уже въ это время его интересуютъ также вопросы, разрѣшеніе которыхъ впоследствии составило его славу. Такъ, напримѣръ, при чтеніи «Трактата о геометріи» Лежандра, онъ дѣлаетъ остроумную и мѣткую характеристику метода Лежандра; ему особенно нравится, что Лежандръ выводитъ аксіомы изъ опредѣленій геометрическихъ понятій. Въ этомъ онъ видитъ подтвержденіе ученія Гоббеса, что всякая наука основана на опредѣленіяхъ. Такое самостоятельное и критическое отношеніе къ изучаемому предмету свидѣтельствуетъ о большой силѣ ума, которой трудно было ожидать у мальчика его лѣтъ.

Разумѣется, Стюартъ былъ обязанъ своими успѣхами прежде всего своимъ природнымъ блестящимъ способностямъ, но безъ той умственной дрессировки, которой подвергалъ его отецъ, онъ не могъ бы развиться такъ рано. Какую же цѣною были достигнуты эти ранніе успѣхи? Мы до сихъ поръ говорили только объ умственномъ развитіи Милля, перейдемъ теперь къ вліянію воспитанія на характеръ и нравственный складъ мальчика.

Мы говорили выше, что Джемсъ Милль не былъ вѣрующимъ христіаниномъ и даже отрицалъ нравственное величіе христіанскаго ученія. Неудивительно, что онъ постарался внушить сыну такое же отношеніе къ религіи. Стюартъ Милль былъ однимъ изъ рѣдкихъ въ Англіи людей, которые не могли въ зрѣломъ возрастѣ отказаться отъ религіи, потому что никогда ея не имѣли. Онъ выросъ безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій.

Ему не казалось страннымъ, что его соотечественники вѣрятъ въ то, чему онъ самъ не вѣрилъ, точно также, какъ его не удивляли вѣрованія тѣхъ народовъ, о которыхъ онъ читалъ у Геродота. Исторія пріучила его къ тому, что люди могутъ имѣть различные взгляды на самые основные вопросы, и совершенное разногласіе мнѣній служило ему дальнѣйшимъ подтвержденіемъ того же. Такимъ образомъ Милль съ равняго дѣтства привыкъ скептически относиться къ вѣрованіямъ большинства и довѣрять только своему разуму. Но такая система воспитанія имѣла одно существенное неудобство: отецъ не считалъ благоразумнымъ, чтобы Стюартъ открыто высказывалъ свои антирелигіозныя убѣжденія, и совѣтовалъ ему держать ихъ про себя. Это могло бы пріучить мальчика къ лицемерію, но такъ какъ ему рѣдко приходилось сталкиваться съ чужими, то онъ и былъ избавленъ отъ альтернативы—солгать или послушаться приказанія отца. Только два раза втеченіе дѣтства ему пришлось разговаривать о религій со своими сверстниками и оба раза онъ не побоялся открыто высказать свои истинныя мнѣнія.

Сократъ былъ для маленькаго Стюарта идеаломъ нравственнаго человѣка. «Меморабиліи» Ксенофонта были одной изъ первыхъ книгъ, которыя онъ прочелъ по гречески, и образъ мужественнаго, благороднаго философа, осужденнаго на смерть невѣжественной толпой, произвелъ глубокое впечатлѣніе на мальчика. Отецъ любилъ рассказывать ему въ поученіе извѣстную басню о выборѣ Геркулеса и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы внушить Стюарту уваженіе къ добродѣтелямъ древняго міра. Нравственный идеалъ молодого Стюарта былъ цѣликомъ заимствованъ у стоиковъ; выше всего онъ ставилъ такія добродѣтели, какъ справедливость, умеренность, настойчивость и стремленіе къ общественному благу.

Но условія жизни имѣютъ несравненно большее значеніе при выработкѣ нравственнаго склада человѣка, чѣмъ всевозможныя поученія. Характеръ Милля сложился такъ-же рано, какъ рано наступила для него умственная зрѣлость. Напряженная умственная работа была главнымъ факторомъ въ его жизни и она наложила неизгладимый отпечатокъ на весь его нравственный обликъ. Онъ работалъ круглый годъ, по 8—9 часовъ въ день, безъ всякихъ праздниковъ, которыхъ отецъ не допускалъ ни въ какомъ случаѣ, изъ опасенія пріучить сына къ бездѣлю. Только исключительно сильная натура могла вынести подобный трудъ безъ вреда для здоровья. Онъ никогда не занимался физическими упражненіями,

играющими такую большую роль въ системѣ англійскаго воспитанія—не ѣздилъ верхомъ, не катался на лодкѣ, не игралъ въ крокетъ, вообще велъ въ десять лѣтъ такой же образъ жизни, какъ его отецъ—въ пятьдесятъ. Мы уже нѣсколько разъ упоминали о томъ, что у Милля не было въ дѣтствѣ никакихъ товарищей. Онъ жилъ въ обществѣ знакомыхъ отца — Бентама, Грота, Рикардо, людей пожилыхъ и серьезныхъ, занятыхъ исключительно умственными интересами. Подобная обстановка не по годамъ состарила Милля, убила въ корнѣ его дѣтскую жизнерадостность и чрезвычайно ослабила его способность къ наслажденію. Она подготовила тотъ душевный кризисъ, который въ 20 лѣтъ чуть не привелъ Милля къ самоубійству.

Привыкнуши постоянно жить въ книгахъ, Милль чувствовалъ себя очень неловко въ обыденной жизни, былъ непрактиченъ, разсѣянъ, не умѣлъ справляться съ такими простыми вещами, которыя легко давались всѣмъ другимъ, и часто выслушивалъ за это выговоры отъ отца. Ко всему, что не касалось ученія, онъ проявлялъ мало интереса и казался даже вялымъ. Онъ самъ пишетъ по этому поводу.

„Дѣти энергичныхъ родителей обыкновенно бываютъ неэнергичными, потому что они подавляются личностью своихъ родителей. Воспитаніе, которое мнѣ далъ отецъ, болѣе развило во мнѣ способность познавать, чѣмъ дѣйствовать. Онъ прекрасно это сознавалъ и сурово упрекалъ меня за недостатокъ энергіи. Но, оберегая меня отъ деморализующаго вліянія школьной жизни, онъ ничего не дѣлалъ, чтобы замѣнить для меня ея свѣтлыя стороны. Ему казалось, что я легко приобрету тѣ качества, которыя ему самому давались безъ всякихъ усилій. На эту сторону воспитанія онъ не обратилъ такого тщательнаго вниманія, какъ на всѣ остальные, и въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, разсчитывалъ на дѣйствіе безъ причины“.

Отецъ Милля не признавалъ въ теоріи, что чувство любви должно быть основаніемъ нравственности, и самъ мало былъ къ нему способенъ. Но сынъ имѣлъ другую натуру: послѣдующія событія его жизни показываютъ, что онъ могъ любить сильно и горячо. Въ дѣтствѣ онъ страдалъ отъ холодности отца.

„Въ отношеніи отца къ намъ, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, болѣе всего не хватало нѣжности. Я не думаю, чтобы этотъ недостатокъ лежалъ въ самой натурѣ отца. Какъ и большинство англичанъ, онъ стыдился выражать нѣжныя чувства и этимъ самымъ заглушалъ ихъ въ себѣ! Если мы задумаемъ о томъ, что онъ былъ единственнымъ наставникомъ своихъ дѣтей и что онъ отъ природы былъ раздражительнымъ, то нельзя будетъ не пожалѣть этого бѣднаго отца, который такъ много дѣлалъ для своихъ дѣтей, такъ заслуживалъ ихъ привязанности и въ то же время самъ постоянно сознавалъ что, страхъ передъ нимъ убиваетъ въ дѣтяхъ любовь къ нему... Я не думаю, продолжаетъ Милль, чтобы въ дѣлѣ воспитанія можно было совершенно

обойтись безъ помощи страха; но я увѣренъ, что не на этомъ чувствѣ оно должно быть основано; и когда страхъ преобладаетъ въ такой мѣрѣ, что мѣшаетъ дѣтямъ относиться къ родителямъ съ любовью и довѣріемъ и дѣлаетъ ихъ неоткровенными и несообщительными, то тогда онъ является большимъ зломъ, которое нужно принимать въ расчетъ, какъ бы ни было воспитаніе благодѣтельно въ другихъ отношеніяхъ“.

Когда Миллю въ зрѣлыхъ годахъ приходилось говорить съ близкими людьми о своемъ воспитаніи, то онъ вспоминалъ о немъ безъ всякаго удовольствія: по его словамъ, подобное форсированіе умственныхъ способностей ребенка, въ большинствѣ случаевъ, прямо вредно, а когда оно приводитъ къ желательнымъ результатамъ, то успѣхъ покупается слишкомъ дорогой цѣной.

ГЛАВА III.

Поѣздка Милля на югъ Франціи. — Увлеченіе Бенхамомъ. — Кружки молодежи и вліяніе ихъ на Милля.

Въ 1820 г. обычное однообразіе жизни Милля было нарушено событіемъ, имѣвшимъ чрезвычайно большое значеніе въ его жизни — онъ получилъ отъ Самуэля Бентама, брата знаменитаго юриста, приглашеніе провести нѣсколько мѣсяцевъ въ его помѣстьи, на югѣ Франціи. Въ то время Миллю было уже 14 лѣтъ, и отецъ, по призыву римскихъ патриціевъ, посылавшихъ своихъ дѣтей путешествовать послѣ того, какъ теоретическое образованіе ихъ закончилось, охотно отпустилъ сына изъ родительскаго дома. Передъ отъѣздомъ, онъ позвалъ сына къ себѣ и долго говорилъ съ нимъ. Вотъ какъ самъ Милль описываетъ этотъ разговоръ:

„Я помню то мѣсто въ Гайдъ-паркѣ, гдѣ наканунѣ моего отъѣзда изъ дома на долгое время отецъ сказалъ мнѣ, что, познакомившись съ новыми людьми, я увижу, что имѣю много такихъ свѣдѣній, которыхъ лишено большинство моихъ сверстниковъ; мнѣ будутъ говорить объ этомъ и хвалить меня. Но если я знаю больше чѣмъ другіе, то этимъ я обязанъ не своимъ собственнымъ силамъ, а тому обстоятельству, что на мою долю выпало рѣдкое счастье имѣть отца, который умѣлъ и хотѣлъ обучать меня самъ. Какъ и всему тому, что мнѣ говорилъ отецъ, я повѣрилъ и неожиданному открытію, что я знаю больше, чѣмъ другіе хорошо воспитанные юноши, но это нисколько не взволновало меня. Я не чувствовалъ гордости вслѣдствіе того, что другіе знаютъ меньше меня, и мое самолюбіе нимало не было этимъ

польщено. Но я былъ убѣжденъ, что все, сказанное отцомъ о моихъ преимуществахъ, есть несомнѣнная истина, и это убѣжденіе сохранилось у меня за все время моей юности“.

Милль велъ обстоятельный дневникъ своего путешествія, которое внесло въ его жизнь множество новыхъ впечатлѣній и избавило его на время отъ неусыпнаго контроля отца.

Въ Парижѣ онъ познакомился съ семействомъ извѣстнаго экономиста Жана Баптиста Сэя, бывшаго близкимъ другомъ его отца. Младшій сынъ Сэя, Альфредъ, взялся быть чичероне юнаго путешественника и показывалъ ему Парижъ. Описывая отцу достопримѣчательности столицы Франціи, Милль съ негодованіемъ говорить о «расточительномъ герцогѣ Орлеанскомъ, который, разорившись отъ безразсудной жизни и кутежей, рѣшился отдать внаймы подъ магазины нижній этажъ своего колоссальнаго дворца».

У Сэя Милль встрѣчалъ многихъ выдающихся французскихъ ученыхъ и писателей; но, несмотря на то, что по своему умственному развитію онъ казался взрослымъ человѣкомъ и бывалъ на правахъ равнаго въ такомъ избранномъ обществѣ, юные годы брали свое: такъ, одно воскресенье онъ провелъ довольно необыкновеннымъ для себя образомъ—цѣлый день игралъ съ Альфредомъ въ мячъ.

Несмотря на свои радикальныя убѣжденія, юный Милль не былъ свободенъ отъ англійской чопорности. Онъ подробно описываетъ отцу злключенія своего дальнѣйшаго путешествія изъ Парижа. По ошибкѣ онъ сѣлъ на наружное мѣсто дилижанса, который долженъ былъ доставить его изъ Парижа въ Тулузу. Онъ очутился въ самой низменной компаніи: около него сидѣлъ толстый мясникъ и все время курилъ трубку; потомъ мясника смѣнила растрепанная, грязная и очень некрасивая крестьянка. Юный радикалъ очень страдалъ отъ такого сосѣдства, не могъ любоваться прекрасными видами, которые предъ нимъ открывались, и отдыхалъ душой только, когда дилижансъ пріѣзжалъ на станцію. Тогда онъ сходилъ внизъ и присоединялся къ джентльменскому обществу, помѣщавшемуся внутри дилижанса. Наконецъ освобождено мѣсто внизу, Милль поспѣшилъ его занять, но на это-же мѣсто предъявляла требованія какая-то дама. Милль не хотѣлъ уступать, дѣло дошло до мэра и рѣшилось въ пользу настойчиваго юноши. Онъ перебрался на свое новое мѣсто и могъ безпрепятственно наслаждаться природой.

Вентамы жили въ 5 верстахъ отъ Тулузы, въ старинномъ зам-

къ, который былъ очень живописно расположенъ на крутой горѣ, возвышавшейся надъ долиной Гаронны. Южная природа, новые люди, странные для англичанина обычаи мѣстныхъ жителей, религіозныя процессіи, образчики которыхъ Миллю пришлось увидать на другой-же день по прибытіи—все это чрезвычайно заинтересовало юношу, но все таки не могло заставить его позабыть о своихъ обычныхъ занятіяхъ.

Уже на четвертой день онъ принимается за работу, и его дневникъ дѣлается подробнымъ отчетомъ о ежедневныхъ занятіяхъ. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этого дневника:

„29. Поздно вернулся съ утренняго купанія. Перечиталъ эклогу Виргилія, кончилъ „Vocalium Judicium“, написалъ нѣсколько французскихъ переводовъ и прочелъ нѣсколько стихотвореній Буало. Спрашивалъ м-ра Джоржа о приемахъ дифференціального исчисленія и рѣшилъ всѣ оставшіяся задачи въ курсѣ Лакруа. Рѣшилъ нѣсколько задачъ изъ курса Веста, въ томъ числѣ одну очень трудную. Послѣ обѣда началъ Cataplus Лукіана.

30. Читалъ двѣ эклоги Виргилія. Кончилъ Cataplus. Читалъ Лезандра, нашелъ неточность въ одномъ его доказательствѣ. Писалъ французскія упражненія, читалъ „Логикѣ“ Сандерсона и „Химію“ Томсона.

Семья Бентамовъ, у которой Милль прожилъ болѣе года, состояла изъ отца, матери, сына и трехъ дочерей. Глава семьи, сэръ Самуэль, раньше былъ на военной службѣ, занималъ довольно важную должность въ морскомъ министерствѣ, но потомъ добровольно вышелъ въ отставку и поселился на югѣ Франціи. Жена его была выдающейся по уму и образованію женщиной; сынъ, Джоржъ Бентамъ, сдѣлался впоследствии извѣстнымъ ботаникомъ. Всѣ они были очень расположены къ Миллю, особенно леди Бентамъ, относившаяся къ нему съ материнской заботливостью. Ей пришлось потратить много усилій на то, чтобы хотя нѣсколько отшлифовать своего гостя. При всей своей учености и солидности, Милль совсѣмъ не умѣлъ держать себя въ обществѣ, одѣвался плохо, имѣлъ угловатыя манеры и часто ставилъ своихъ свѣтскихъ хозяевъ въ неловкое положеніе. Еще болѣе непріятное впечатлѣніе производила на нихъ страсть молодого Милля къ спорамъ, за которую многіе упрекали его, хотя и совсѣмъ неосновательно, въ самолюбіи. Привычка къ спорамъ была въ немъ просто слѣдствіемъ его воспитанія: отецъ приучилъ его ничего не принимать на вѣру, и поэтому мальчикъ съ дѣтства привыкъ безъ всякаго смущенія вмѣшиваться въ разговоры старшихъ и возражать имъ. Такія свободныя манеры никого не шокировали въ обществѣ друзей Джемса Милля, но въ томъ кругу, къ которому

принадлежали Бентамы, они казались невоспитанностью самого дурного тона. Леди Бентамъ взялась за свѣтское воспитаніе Милля и уговорила его учиться верховой ѣздѣ, танцамъ, фехтованію и пѣнію. По своему обыкновенію, Милль съ чрезвычайной добросовѣстностью относился къ своимъ новымъ занятіямъ, но преуспѣвалъ въ нихъ довольно мало. Леди Бентамъ такъ и не удалось сдѣлать изъ него свѣтскаго молодого человѣка.

Несмотря на все это, семья Бентама очень полюбила Милля и уговорила его прожить у нихъ нѣсколько мѣсяцевъ дольше, чѣмъ онъ предполагалъ. Въ этомъ странномъ, неуклюжемъ мальчикѣ, съ такой вдумчивостью и серьезностью относившемся ко всему, что его окружаетъ, тайлся неистощимый запасъ добродушія и искренности, привлекавшій къ нему всѣхъ, кто имѣлъ случай поближе узнать его. Онъ былъ очень удобнымъ, покладистымъ гостемъ, нисколько не обижался на всѣ замѣчанія леди Бентамъ и даже былъ ей очень за нихъ благодаренъ.

Миллю очень нравилось его новое мѣстопробываніе. Онъ любилъ предпринимать далекія пѣшеходныя прогулки по окрестностямъ Тулузы, собирать по дорогѣ растенія и насѣкомыхъ, заводить при случаѣ разговоры съ попадавшимися ему на пути крестьянами, присматриваться къ ихъ образу жизни, нравамъ и обычаямъ. По большей части ему приходилось гулять одному; Джоржъ Бентамъ присоединялся къ нему только въ тѣхъ случаяхъ, когда его экскурсіи имѣли научныя цѣли.

Въ замкѣ у сэра Бентама собиралось лучшее провинціальное общество — старинное французское дворянство и высшая буржуазія. Общество это совсѣмъ не походило на то, какое Милль встрѣчалъ въ Англіи, въ домѣ своего отца. Его поражалъ «контрастъ между откровенностью, общительностью и любезностью французовъ и суровыми англійскими нравами, требующими, чтобы каждый относился ко всѣмъ окружающимъ, какъ къ своимъ злѣйшимъ врагамъ». Такимъ образомъ время проходило разнообразно и интересно, хотя большую часть дня Милль по прежнему посвящалъ занятіямъ. Однажды ему случилось цѣлый день провести безъ книгъ — Бентамы переѣзжали въ другое мѣсто и книги надо было унаковать съ другими вещами. Бѣдный Милль совершенно растерялся и очутился въ самомъ безпомощномъ положеніи. Обыкновенно онъ вставалъ очень рано, но теперь нишетъ въ своемъ дневникѣ: «нарочно долго не вставалъ и лежалъ въ постели, чтобы какъ-нибудь скоротать время.» Весь

день этотъ 14 лѣтній мальчикъ томился скукой и не зналъ, куда ему себя дѣвать; попробовалъ пойти гулять подальше, но къ обѣду пришлось вернуться домой. Втеченіе вечера Милль такъ истомился, что на слѣдующій день кто-то сжалился надъ нимъ и досталъ ему нѣсколько книгъ. Настроеніе духа его тотчасъ-же измѣнилось, какъ только онъ снова почувствовалъ себя въ своей родной стихіи, и онъ съ удовольствіемъ принимается опять заносить въ дневникъ отчетъ о своихъ ежедневныхъ занятіяхъ.

Этотъ эпизодъ настолько характеренъ, что не нуждается въ комментаріяхъ. Милль выросъ среди книгъ, думалъ о книгахъ, развлекался только книгами, и онѣ сдѣлались для него такъ-же необходимыми, какъ вода для рыбы. Но хотя воспитаніе и ослабило воспріимчивость Милля къ впечатлѣніямъ окружающей жизни, по натурѣ онъ не былъ сухимъ, педантичнымъ, книжнымъ человекомъ. Чудная южная природа производила на него свое дѣйствіе. Только-что описанное происшествіе случилось вскорѣ послѣ его пріѣзда во Францію, и надо думать, что, еслибы оно случилось попозже, нашъ юный жрецъ науки съумѣлъ-бы съ удовольствіемъ провести свободное время. Къ сожалѣнію, Бэнь, откуда мы извлекаемъ выдержки изъ дневника Милля, обрываетъ этотъ дневникъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. По его словамъ, послѣдующая часть дневника производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе и доказываетъ, что Милль все болѣе и болѣе увлекался природой; стиль его теряетъ свою прежнюю лаконичность и сухость—онъ пространно описываетъ крестьянскіе обычаи, сцены мирной деревенской жизни и поэтичныя приморскіе пейзажи, которые приводятъ его въ восторгъ своей красотой.

Изъ Тулузы Милль предпринялъ экскурсію въ Пириней и провелъ нѣсколько недѣль въ виллѣ сэра Самуэля, у подножья одинокой скалистой горы, неподалеку отъ Монпелье; грандіозная горная природа глубоко поразила воображеніе юноши и онъ заканчиваетъ описаніе этой живописной мѣстности восклицаніемъ: «*Jamais je ne l'oubliera!, la vue du côté méridional!*»

Въ Монпелье Милль прослушалъ курсъ лекцій по химіи, зоологіи и философіи. Онъ остался очень доволенъ результатами своего перваго и послѣдняго опыта университетскихъ занятій, но еще больше пользы онъ вынесъ изъ общенія съ французскими студентами и профессорами. Онъ говоритъ по этому поводу въ своей автобіографіи.

„Пребываніе во Франціи было для меня особенно полезнымъ потому, что доставило мнѣ возможность провести цѣлый годъ въ свободной и радостной атмосферѣ континентальной жизни. Изъ своего знакомства съ французскимъ обществомъ я вынесъ глубокий и постоянный интересъ къ континентальному либерализму, за успѣхами котораго я съ этого времени слѣдилъ такъ-же усердно, какъ за англійской политикой. Это, въ свою очередь, оказало самое лучшее вліяніе на мое умственное развитіе, избавило меня отъ коренной англійской ошибки судить обо всемъ въ мірѣ по англійской мѣркѣ“.

Въ іюлѣ 1821 года Милль вернулся на родину и его жизнь пошла прежнимъ порядкомъ, съ той только разницей, что отецъ предоставилъ ему больше свободы въ распредѣленіи своихъ занятій и пересталъ давать ему уроки. Прочитанныя книги были единственными событіями за это время, которые Милль считаетъ достойными упоминанія въ своей автобіографіи. Онъ случайно познакомился съ исторіей французской революціи и былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что демократическіе принципы, не имѣвшіе въ 20-хъ годахъ успѣха въ Англии и Европѣ, достигли такого торжества во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія и были втеченіе долгаго времени символомъ вѣры для всей націи. Раньше Милль имѣлъ очень смутныя представленія о французской революціи. Онъ зналъ только то, что французы свергли абсолютную монархію Людовика XIV и XV, казнили короля и королеву, гильотинировали множество людей, въ томъ числѣ и Лавуазье, и въ концѣ концовъ подчинились деспотизму Бонапарта. Но когда Милль узналъ подробности великаго переворота прошлаго столѣтія, онъ увлекся имъ съ юношескимъ энтузіазмомъ. Ему казалось, что въ будущемъ можетъ повториться нѣчто подобное, и онъ мечталъ о славѣ играть роль жирондистовъ въ англійскомъ конвентѣ.

Около этого же времени Милль прочелъ трактатъ Дюмона — «Принципы законодательства», содержащій въ себѣ подробное изложеніе взглядовъ Бентама. Онъ самъ слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него этой книгой:

„Чтеніе трактата Дюмона составило эпоху въ моей жизни и было поворотнымъ пунктомъ въ моемъ умственномъ развитіи. Все мое предшестующее воспитаніе было до нѣкоторой степени основано на ученіи Бентама. Отецъ съ раннихъ лѣтъ училъ меня прилагать къ дѣлу Бентамовскій критерій „наибольшаго счастья“; тѣмъ не менѣе съ первыхъ же страницъ книги Дюмона этотъ принципъ поразилъ меня, какъ нѣчто совершенно новое. Особенно сильное впечатлѣніе я вынесъ изъ первой главы, въ которой излагается критика Бентама ходячихъ сужденій о нравственности и политикѣ, основанныхъ на такихъ фразахъ,

какъ „естественный ходъ вещей“, „законъ природы“, „нравственное чувство“, и т. д. Бентамъ доказываетъ, что все это не что иное, какъ скрытый догматизмъ, который не приводитъ никакихъ обоснованій чувству, а выставляетъ само чувство, какъ основаніе умозаключенія. Раньше мнѣ не приходило въ голову, что съ помощью принципа наибольшаго счастья можно покончить со всѣми такими разсужденіями. Я сталъ думать, что всѣ прежнія этическія доктрины отжили свое время и наступаетъ новая эра человѣческой мысли. Когда я дочиталъ трактатъ Дюмона, я сдѣлался другимъ человѣкомъ. Принципъ полезности, какъ его понимаетъ Бентамъ, сдѣлался краеугольнымъ камнемъ всей совокупности моихъ отрывочныхъ и несистематическихъ знаній. Теперь у меня былъ свой символъ вѣры, своя доктрина, своя философія, своя религія въ самомъ великомъ смыслѣ этого слова, религія, распространеніе которой мнѣ казалось высшей цѣлью жизни“.

Мало-по-малу Милль освободился отъ непосредственнаго вліянія отца и завелъ свой собственный кругъ знакомыхъ. Среди нихъ особенно выдавался Чарльзъ Аустень — молодой человѣкъ, на нѣсколько лѣтъ старше Милля, недавно окончившій Кембриджскій университетъ, среди воспитанниковъ котораго онъ пріобрѣлъ большую популярность своимъ ораторскимъ талантомъ. Онъ былъ самымъ вліятельнымъ членомъ студенческаго клуба, служившаго обычной ареной для умственныхъ состязаній лучшей части кембриджскаго студенчества. Чарльзъ Аустень первенствовалъ во всѣхъ дебатахъ и обыкновенно выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ. По окончаніи университета онъ не порывалъ связи съ прежними товарищами и продолжалъ играть среди нихъ роль вождя. Черезъ него Милль познакомился съ Макколеемъ, лордомъ Ромелли и разными другими молодыми людьми, пріобрѣтшими впослѣдствіи извѣстность на поприщѣ политики и литературы. Бэнъ разсказываетъ о впечатлѣніи, которое Милль производилъ на компанію бывшихъ кембриджскихъ студентовъ: ихъ поражалъ контрастъ между его дѣтской фигурой и тонкимъ голосомъ и силой его строго-логичной послѣдовательной аргументаціи.

Аустень былъ чрезвычайно талантливымъ человѣкомъ, обладавшимъ громадной силой воли и привыкшимъ царить и повелѣвать въ своемъ кружкѣ. Онъ такъ же увлекался Бентамомъ, какъ и Милль, который, со свойственной ему воспріимчивостью къ чужому вліянію, въ скоромъ времени совершенно подчинился своему новому знакомому. Онъ даетъ въ своей «Автобіографіи» слѣдующую характеристику Аустена:

„Это былъ первый мой знакомый, съ которымъ я стоялъ на совершенно равной ногѣ въ умственномъ отношеніи, хотя я далеко отставалъ отъ него по развитію. Этотъ человѣкъ производилъ глубокое впе-

чатлѣннѣе на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться, даже если взгляды послѣднихъ совершенно расходились съ его собственными. Люди, знавшіе его ближе, предсказывали ему блестящую роль въ общественной жизни. Онъ искалъ борьбы и находилъ въ ней наслажденіе. Онъ излагалъ доктрины Бентама, старался придать имъ возможно рѣзкую форму и преувеличивая все то, что могло оскорбить предвзятыя мнѣнія другихъ.

По словамъ Милля, многія ходячія невѣрные представленія о школѣ Бентама были основаны на парадоксахъ Чарльза Аустена.

Примѣръ вождя дѣйствовалъ заразительно на его сподвижниковъ, и они усвоили въ разговорахъ съ посторонними такой же самоувѣренный тонъ, какимъ отличались рѣчи Аустена. Милль не отставалъ отъ прочихъ и тоже, со всѣмъ пыломъ юности, пропагандировалъ ученіе Бентама. Молодые послѣдователи Бентама стремились образовать нѣчто вродѣ секты, съ обязательнымъ для всѣхъ ея членовъ символомъ вѣры, который бы представлялъ изъ себя квинтъ-эссенцію политическаго, философскаго и религіознаго радикализма. Милль предложилъ товарищамъ составить общество для изученія и разработки философіи Бентама. Этотъ кружокъ получилъ названіе «Утилитарнаго общества»; такимъ образомъ былъ впервые введенъ въ употребленіе терминъ, получившій впоследствии такую широкую извѣстность. Самое слово «утилитаризмъ» не было выдуманно Миллемъ, а было заимствовано имъ изъ одного романа Гальта, въ которомъ представленъ шотландскій священникъ, увѣщающій своихъ прихожанъ не покидать истинной вѣры и не дѣлаться утилитаристами. Товарищи Милля съ восторгомъ усвоили эту новую кличку и въ своихъ частныхъ разговорахъ называли другъ друга не иначе, какъ утилитаристами.

«Утилитарное общество» существовало около трехъ лѣтъ. Оно никогда не было многочисленнымъ и даже во время наибольшаго процвѣтанія число членовъ его не превышало десяти. Членами были самые интимные пріатели Милли — молодые люди приблизительно одного возраста, но далеко не одинаковаго развитія. Лидеромъ ихъ былъ самъ Милль, такъ какъ болѣе зрѣлые бентамисты, напр., Аустенъ, не принимали никакого участія въ «Утилитарномъ обществѣ». Занятія общества заключались въ чтеніи рефератовъ, написанныхъ въ духѣ утилитарной философіи, и затѣмъ въ устныхъ дебатахъ по поводу прочитаннаго. Ораторскія упражненія были не безполезны для Милля, но такъ

какъ онъ стоялъ значительно выше товарищей по своему развитію, то устроенное имъ общество не могло существеннымъ образомъ увеличить его познанія и расширить его умственный кругозоръ. Тѣмъ не менѣе это общество сыграло большую роль въ его жизни: выросши среди людей, бывшихъ гораздо старше его, онъ въ первый разъ очутился въ средѣ своихъ сверстниковъ, получилъ возможность вліять на другихъ и содѣйствовать распространенію увлекавшихъ его теоретическихъ ученій.

Результаты дѣятельности Милля были довольно удачны, такъ какъ ему удалось завербовать въ свой кружокъ очень даровитыхъ молодыхъ людей, до этого времени остававшихся чуждыми новому ученію.

Настоящимъ главою этого кружка былъ отецъ Стюарта—Джемсъ Милль. Философія воззрѣнія Бентама и Джемса Милля проникали въ общество главнымъ образомъ посредствомъ трехъ каналовъ: во-первыхъ, фанатическимъ и неутомимымъ проповѣдникомъ новаго слова былъ Джонъ Стюартъ Милль, находившійся въ это время подъ полнымъ и неограниченнымъ вліяніемъ отца. Во-вторыхъ, среди бывшихъ кембриджскихъ студентовъ принципы утилитарной философіи пропагандировались Чарльзомъ Аустеномъ, а въ самомъ кембриджскомъ университетѣ тѣ же взгляды проповѣдывались однимъ изъ ближайшихъ друзей Милля—Тукомъ. Такимъ образомъ въ обществѣ образовалось нѣсколько кружковъ бентамистовъ, связанныхъ между собой единствомъ философскаго и политическаго міросозерцанія.

Ученіе Бентама о томъ, что достиженіе наибольшаго счастья на землѣ должно быть единственной цѣлью нравственности и политики, было главнымъ основаніемъ этого міросозерцанія, но послѣднее не исчерпывалось имъ однимъ. Всѣ лица, присоединившіяся къ взглядамъ Джемса Милля, признавали психологическое ученіе Гартлея существеннымъ пунктомъ своей философской программы. Они отрицали существованіе въ нашемъ умѣ какихъ бы то ни было прирожденныхъ идей; человѣческой умъ есть *tabula rasa* и только путемъ индивидуальнаго опыта онъ можетъ усвоивать новыя истины и познавать устройство вселенной. Отрывочныя впечатлѣнія, получаемыя нами извнѣ, подъ вліяніемъ воздѣйствія на нашъ организмъ силъ природы, связываются другъ съ другомъ и образуютъ одно слитное цѣлое подъ вліяніемъ основнаго психологическаго закона ассоціаціи. Нравственныя понятія—справедливость, долгъ и т. д., возникаютъ въ насъ сход-

нымъ путемъ, подъ вліяніемъ ассоціаціи между представленіями объ извѣстныхъ поступкахъ и ихъ обычныхъ послѣдствіяхъ. Человѣческой характеръ также необходимо образуется воспитаніемъ и условіями жизни, какъ кристаллы осаждаются въ растворѣ. Поэтому не существуетъ границы нравственному совершенствованію человѣка, если только воспитаніе его ведется разумнымъ образомъ.

По своимъ экономическимъ воззрѣніямъ послѣдователи Джемса Милля и Бентама примыкали къ Мальтусу, но съ однимъ существеннымъ отличіемъ—они понимали въ обратномъ смыслѣ законъ народонаселенія, на основаніи котораго Мальтусъ утверждалъ неустранимость бѣдности и нищеты на землѣ, и вѣрили въ легкую достижимость общаго благополучія, вслѣдствіе добровольнаго воздержанія рабочаго класса отъ чрезмѣрнаго размноженія. Въ области политики они стояли за представительное правленіе и свободу печати въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Ихъ вѣра въ могущество разума была такъ сильна, что они считали однимъ изъ главныхъ средствъ для достиженія лучшаго государственнаго устройства—предоставленіе народу свободы читать, слушать и говорить все, что ему заблагоразсудится.

Всѣ эти воззрѣнія съ восторгомъ усвоивались небольшою группою молодежи, къ которой принадлежалъ и Джонъ Стюартъ Милль. Любопытно, что хотя онъ и былъ главнымъ проповѣдникомъ новаго слова, онъ увлекался имъ менѣе, чѣмъ другіе его товарищи.

Въ «Автобіографіи» Милль даетъ себѣ слѣдующую характеристику:

„Столь обычное опредѣленіе бентамиста, какъ „мыслящей машины“, не было несправедливо относительно меня въ этотъ періодъ моей жизни. У меня было много честолюбія и жажды превосходства и почестей; чувствомъ, покрывающимъ всѣ остальные, было стремленіе къ тому, что я считалъ общественнымъ благомъ; но это стремленіе имѣло совершенно отвлеченный характеръ. Оно не основывалось на живомъ и глубоко чувствѣ симпатіи и любви къ людямъ. Точно также, оно не вытекало изъ идеальнаго увлеченія благородными свойствами человѣческой души. Я былъ очень воспріимчивъ ко всему подобному, но въ моемъ воспитаніи не хватало настоящей нищи для такихъ чувствованій, именно поэтическаго элемента, и въ то же время было слишкомъ много противоположнаго элемента—логики и анализа. Къ тому-же, отецъ всегда училъ меня не придавать большаго значенія чувству. Всѣ наши взгляды, которымъ мы придавали больше всего значенія, постоянно оспаривались именно со стороны чувства; полезность называлась холоднымъ

разсчетомъ, политическая экономія — жестокосердой наукой, и т. д. Такія возраженія мы называли „сентиментальностью“, и это слово вмѣстѣ съ эпитетами „декламация“ и „общее мѣсто“ служили намъ высшими выраженіями порицанія. Хотя обыкновенно мы бывали правы въ этихъ спорахъ, они производили на насъ вредное дѣйствіе, побуждая насъ совершенно пренебрегать развитіемъ чувства въ насъ, самихъ и мало думать объ этомъ вопросѣ. Наша задача заключалась въ томъ, чтобы измѣнить мнѣнія людей; заставить ихъ повѣрить въ силу разума и понять собственные интересы... Вслѣдствіе этого мы мало цѣнили поэзію, какъ и произведенія человѣческой фантазіи вообще. Въ обществѣ привыкли считать бентамистовъ врагами поэзіи. Это вряд-ли было вѣрно относительно самого Бентама и было совсѣмъ не вѣрно относительно многихъ изъ насъ: что касается до моего отца и меня, то мы въ теоріи были совершенно равнодушны къ поэзіи. Я не любилъ сентиментальности ни въ стихахъ, ни въ прозѣ и не придавалъ значенія поэзіи въ дѣлѣ воспитанія человѣческаго духа, но самъ лично очень увлекался нѣкоторыми поэтическими произведеніями. Въ пору моего наибольшаго увлеченія Бентамомъ, я прочелъ Попа „О человѣкѣ“ и до сихъ поръ помню, какое громадное впечатлѣніе на меня произвели эти стихи. Но быть можетъ въ это время на меня не подѣйствовала-бы поэзія высшаго сорта, чѣмъ краснорѣчивыя разсужденія Попа въ стихотворной формѣ. Поэтическія впечатлѣнія я испытывалъ также, читая о жизни и характерѣ великихъ людей, особенно героевъ человѣческой мысли. Меня воодушевляло описаніе Сократа въ діалогахъ Платона и нѣкоторыя современныя біографіи, въ особенности „Жизнь Тюрго“, написанная Кондорсэ. Героическія добродѣтели этого блестящаго представителя тѣхъ воззрѣній, которымъ я глубоко сочувствовалъ, приводили меня въ восторгъ, и я постоянно прибѣгалъ къ этой книгѣ, какъ другіе прибѣгаютъ къ своимъ любимымъ поэтамъ, когда чувствовалъ потребность отдохнуть душою въ высшихъ сферахъ чувства и мысли. Эта-же книга избавила меня отъ моихъ сектантскихъ увлеченій: я пересталъ называть себя и своихъ товарищей утилитаристами и оставилъ дурную привычку при всякомъ удобномъ случаѣ выставить на видъ свою сектантскую нетерпимость. Но отъ внутренняго сектантства я избавился гораздо позже и болѣе постепенно“.

Съ 16-ти лѣтъ Милль началъ печатать свои произведенія. Онъ помѣстилъ въ одной газетѣ нѣсколько писемъ въ защиту экономическихъ воззрѣній Рикардо, которыя подвергались нападению въ этомъ органѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ нѣсколько статей о Карлейлѣ. Но настоящая его литературная дѣятельность началась только въ 1824 г., послѣ основанія бентамистами своего органа «*Westminster Review*». Въ первой-же книжкѣ была помѣщена статья Джемса Милля, заключающая въ себѣ злую и мѣткую характеристику либеральной партіи, которая заигрывала съ народомъ, но избѣгала всякихъ коренныхъ реформъ государственнаго строя. Статья эта обратила на себя общее вниманіе своей смѣлостью, и первый номеръ журнала разошелся въ громадномъ

количествѣ экземпляровъ. Въ «Westminster Review» принимали участіе почти всѣ лица, группировавшіеся вокругъ Джемса Милля, но особенно дѣятельными сотрудниками его были молодые члены «Утилитарнаго общества». Больше всего писалъ молодой Милль, помѣщавшій свои статьи, рецензіи и разныя замѣтки почти въ каждомъ номерѣ журнала. Журналъ вначалѣ шелъ хорошо, но молодые сотрудники далеко не были имъ довольны, и Милль замѣчаетъ, что они доставляли много огорченія редактору своей постоянной критикой помѣщаемыхъ статей.

«Westminster Review» выходилъ подъ той-же редакціей втеченіе 4-хъ лѣтъ (отъ 1824 до 1828 г.). Несмотря на успѣхъ первыхъ номеровъ, журналъ не окупалъ издержекъ, и издатель принужденъ былъ передать его въ другія руки. Новая редакція пригласила Милля сотрудничать въ журналѣ, но онъ наотрѣзъ отказался отъ всякаго участія въ дѣлѣ. Последняя статья его, помѣщенная въ «Westminster Review», была посвящена защитѣ дѣятелей французской революціи отъ несправедливыхъ нападокъ Вальтера Скотта въ его «Исторіи Наполеона».

Несмотря на то, что работа въ журналѣ отнимала у молодого Милля много времени, онъ въ 25-мъ году предпринялъ очень большой и серьезный трудъ—Бентамъ сдѣлалъ ему лестное предложеніе приготовить къ печати его сочиненіе о «Судебныхъ Доказательствахъ». Работа была нелегкая, такъ какъ Бентамъ 3 раза принимался за нее и написалъ 3 отдѣльныхъ сочиненія, изъ которыхъ нужно было составить одинъ систематическій трактатъ. Сверхъ того, Милль долженъ былъ самъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ редактируемомъ имъ изданіи не проскользнули какія либо неточности и ошибки, такъ какъ Бентамъ предоставилъ ему полную свободу дѣлать всевозможныя измѣненія и добавленія къ оригиналу. Этой работѣ Милль приписываетъ большое вліяніе на свое умственное развитіе. Онъ перечиталъ массу книгъ юридическаго содержанія и научился систематически, по опредѣленному плану, группировать научный матеріалъ. Кромѣ того, чтеніе рукописи Бентама, написанной блестящимъ слогомъ, оказало хорошее дѣйствіе на выработку его собственнаго стиля, который сдѣлался болѣе яснымъ и живымъ.

Литературная дѣятельность не мѣшала Миллю заниматься своимъ, еще далеко незаконченнымъ, образованіемъ. Успѣхъ «Утилитарнаго общества» внушилъ ему мысль устроить кружокъ изъ лицъ одинаковаго возраста и развитія для совмѣстнаго изученія нѣко-

торыхъ наиболѣе необходимыхъ для общаго образованія наукъ. Члены кружка рѣшили собираться два раза въ недѣлю, по утрамъ. Занятія должны были продолжаться 1½ часа, отъ половины девятаго до десяти часовъ утра. Одинъ изъ членовъ кружка читалъ вслухъ заранѣе выбранную книгу, и если кто-либо былъ несогласенъ со взглядами автора, или не вполне понималъ ихъ, то свободно высказывалъ свое мнѣнiе и вопросъ обсуждался всѣми присутствующими. При этомъ всё твердо придерживались правила, не прекращать обсужденія спорнаго вопроса до тѣхъ поръ, пока всё не пришли къ какому-нибудь опредѣленному и окончательному рѣшенiю. Членамъ кружка иногда приходилось на нѣсколько недѣль останавливаться надъ обсужденiемъ какого-нибудь особенно труднаго и непонятнаго мѣста въ читаемой книгѣ; они откладывали заключенiе дебатовъ съ одного засѣданiя на другое, придумывали всевозможныя рѣшенiя и не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не достигали удовлетворительнаго результата.

Для начала они выбрали предметомъ своихъ занятiй «Основанiя политической экономiи» Джемса Милля. За этой книгой послѣдовали «Начала политической экономiи» Рикардо и «Разсужденiя о цѣнности» Бэлей. Занятiя кружка шли очень удачно, и Милль говоритъ даже, что многiя экономическiя и философскiя теорiи, составившия впоследствии его славу, возникли подъ влиянiемъ споровъ въ этомъ кружкѣ. Такъ, между прочимъ, его теорiя международной торговли была выработана совмѣстными силами Миллемъ и Греггомъ. Первоначально они хотѣли напечатать подъ общей подписью рядъ статей, касающихся разныхъ невыясненныхъ вопросовъ политической экономiи, но когда Милль написалъ эти статьи, то оказалось, что между нимъ и Греггомъ не существуетъ согласiя относительно нѣкоторыхъ основныхъ пунктовъ. Подобнымъ-же образомъ, общими силами была разработана теорiя прибыли и процента, послужившая Миллю основанiемъ въ его критикѣ ученiя Рикардо о томъ-же предметѣ. Многiя измѣненiя, внесенныя отцомъ Милля въ 3-е изданiе его «Полит. экономiи», основывались на критическихъ замѣчанiяхъ членовъ кружка.

Изучивши политическую экономiю, кружокъ принялся за логику. Для перваго знакомства выбрано было старое сочиненiе по логикѣ, написанное на латинскомъ языкѣ иезуитомъ Du Tricu. Затѣмъ прочли «Логикку» Уэтли и «Computatio sive Logica» Гоббеса. Милль говоритъ, что первая книга его «Системы логики», содержащая въ себѣ теорiю названiй и опредѣленiй, обязана сво-

нмъ происхожденіемъ этимъ бесѣдамъ въ кружкѣ. Болѣе оригинальныя мысли высказывались обыкновенно самимъ Миллемъ и Грегамомъ, а остальные члены кружка служили превосходнымъ трибуналомъ для разрѣшенія спора. Съ этого времени Милль составилъ себѣ планъ написать систематическое сочиненіе о логикѣ, хотя и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ онъ его написалъ впоследствии.

Послѣ логики кружокъ принялся за изученіе психологіи по сочиненіямъ Гартлея и Джемса Милля, и на этомъ онъ закончилъ свои занятія. Значеніе кружка для умственного развитія Милля лучше всего характеризуется его собственными словами:

„Подъ вліяніемъ споровъ въ кружкѣ, я сдѣлался оригинальнымъ и независимымъ мыслителемъ. Благодаря кружку, я приобрѣлъ, или по крайней мѣрѣ укрѣпилъ въ себѣ ту умственную привычку, которой я приписываю все, сдѣланное мной въ области умозрѣнія, — именно привычку никогда не принимать неполное рѣшеніе за окончательное разрѣшеніе трудностей вопроса; никогда не оставлять неясности въ мысли, но упорно думать до тѣхъ поръ, пока мысль не сдѣлается вполне понятной; никогда не пренебрегать изслѣдованіемъ второстепенныхъ сторонъ вопроса потому только, что онѣ кажутся маловажными, и наконецъ никогда не допускать мысли, что часть можетъ быть понята раньше цѣлаго.“

Не довольствуясь преніями въ своей собственной средѣ, члены кружка искали болѣе широкой арены. Одинъ изъ нихъ случайно попалъ на засѣданіе «Кооперативнаго общества», состоящаго изъ послѣдователей Оуэна, и предложилъ этому обществу устроить публичный диспутъ на тему о законѣ народонаселенія. Предложеніе было принято и въ назначенный день аудиторія наполнилась сотнями любопытныхъ, друзей и противниковъ бентамистовъ. Первымъ выступилъ Ч. Аустенъ, сказавшій блестящую и остроумную рѣчь въ защиту теорій Мальтуса. Споръ на эту тему продолжался втеченіе 6 засѣданій, но когда всѣ аргументы pro и contra были исчерпаны, разговоръ перешелъ на болѣе общую почву — на вопросъ о достоинствахъ системы Оуэна вообще. Страсти разгорались; къ той и другой сторонѣ присоединялись добровольные защитники изъ публики, вообще съ величайшимъ интересомъ слѣдившей за упорными и продолжительными преніями. Теоретическія разногласія не препятствовали оппонентамъ съ полнымъ уваженіемъ относиться другъ къ другу и споръ никогда не переходилъ на личную почву. Дебаты продолжались втеченіе 4-хъ мѣсяцевъ, но противникамъ такъ и не удалось убѣдить друга друга и побѣда осталась нерѣшенной. Успѣхъ перваго опыта пу-

бличныхъ преній навелъ Милля на мысль, устроить спеціальное «Общество публичныхъ преній». Ему удалось заинтересовать въ этомъ дѣлѣ вліятельнаго экономиста Макъ-Кулоха, который привлекъ къ участию въ обществѣ многихъ талантливыхъ молодыхъ людей. На общемъ собраніи учредителей въ одномъ изъ лондонскихъ ресторановъ былъ выработанъ уставъ и намѣченъ подробный списокъ лицъ, которыхъ имѣлось въ виду привлечь къ участию въ публичныхъ преніяхъ. Въ списокъ этотъ вошли нѣсколько членовъ парламента и всѣ знаменитости студенческихъ кружковъ Оксфорда и Кембриджа. Труднѣе всего было найти подходящихъ ораторовъ консервативной партіи, тогда какъ либеральные ораторы имѣлись въ изобиліи. Въ числѣ послѣднихъ были Макколей, Бульверъ и пр. Всѣ они охотно согласились примкнуть къ новому обществу, но когда пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу и выбрать президента для открытія преній, то оказалось, что никто изъ «знаменитостей» не желаетъ брать на себя этой отвѣтственной роли и президентомъ было избрано лицо довольно незначительное.

Наступилъ торжественный день. Зала была полна народомъ, «знаменитости» тоже всѣ были на лицо, но они рѣшились не говорить, а только слушать. Президентъ началъ вступительную рѣчь... Послѣ немногихъ фразъ онъ сталъ сбиваться, путаться. не могъ связно и понятно изложить самыя простыя мысли и закончилъ свое слово среди общаго гробового молчанія. Это произвело удручающее впечатлѣніе на всю аудиторію: послѣдующіе ораторы робѣли, говорили вяло и неубѣдительно, и первый дебютъ общества кончился полнѣйшимъ фіаско. Приглашенныя знаменитости, невозмутимо созерцавшія неудачу своихъ товарищей, не пришли на помощь растерявшимся учредителямъ и по окончаніи засѣданія удалились съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться въ общество.

Этотъ неожиданный оборотъ событій совершенно измѣнилъ отношеніе Милля къ учрежденному имъ обществу. Первоначально онъ не хотѣлъ принимать въ немъ дѣятельнаго участія, но теперь его самолюбіе было задѣто и онъ рѣшилъ взять въ свои руки руководство преніями. Первый годъ общество не имѣло большого успѣха, не обращало на себя вниманія молодежи и пренія были неоживленными. Но на слѣдующій годъ Миллю удалось привлечь къ дебатамъ двухъ превосходныхъ ораторовъ консервативнаго направленія, а собственные ряды бентамистовъ были пополнены только-что кончившими студентами Кембриджскаго уни-

верситета. Пренія оживились; почти на каждомъ засѣданіи происходили ожесточенныя битвы между юными радикалами и консерваторами. Обѣ нихъ заговорили въ публикѣ и зала засѣданій начала наполняться любопытными.

На третій годъ дѣла общества пошли еще лучше. Къ двумъ состязающимся сторонамъ присоединилась еще третья—послѣдователи Кольриджа, съ Стерлингомъ и Морисомъ во главѣ. Эта новая партія была не менѣ радикальна, чѣмъ сами бентамисты, но кореннымъ образомъ расходилась съ ними по своему философскому міровоззрѣнію и вела одинаково-непримиримую борьбу какъ съ консерваторами, такъ и съ радикалами школы бентама. Споры между этими партіями среди молодежи служили прекраснымъ отраженіемъ умственного движенія, волновавшаго въ то время европейское общество. Консерваторы представляли собой реакцію, послѣдовавшую на континентѣ послѣ паденія Наполеона; бентамисты—политическій радикализмъ, опиравшійся на традиціи великой революціи конца прошлаго столѣтія, а товарищи Стерлинга—новѣйшій радикализмъ съ метафизической окраской, стремившійся примирить религію съ наукой.

Для Милля «Общество публичныхъ преній», въ которомъ онъ втеченіе 4-хъ лѣтъ былъ дѣятельнымъ членомъ, послужило превосходной школой ораторскаго искусства. Отъ природы онъ не былъ краснорѣчивъ и съ трудомъ подбиралъ въ разговорѣ подходящія выраженія. Привычка къ диспутамъ не сдѣлала изъ него блестящаго оратора, но развила въ немъ способность ясно и свободно выражать свои мысли.

Вообще, описанныя общества и кружки играли огромную роль въ жизни Милля. Подъ впечатлѣніемъ общенія съ горячей и увлекающейся молодежью, Милль мало-по-малу сдѣлался другимъ человекомъ и пересталъ походить на юнаго подвижника науки, неспособнаго ни къ какому другому времяпрепровожденію, кромѣ чтенія книгъ. Потребность любви и жажда счастья—эти стремленія, наполовину заглушенныя въ его душѣ воспитаніемъ, теперь впервые пробудились въ немъ и подготовили тотъ душевный кризисъ, который ему вскорѣ пришлось пережить.

ГЛАВА IV.

Душевный кризисъ въ жизни Милля. — Его разочарованіе въ системѣ Бентама. — Жажда новыхъ идеаловъ. — Увлеченіе Уордсвортомъ. — Измѣненіе его взглядовъ на значеніе искусства. — Сближеніе съ Стерлингомъ.

При воспитаніи сына Джемсъ Милль сдѣлалъ одну ошибку, свойственную всѣмъ книжнымъ людямъ, всецѣло поглощеннымъ отвлеченной умственной работой: онъ судилъ по самому себѣ о характерѣ и природныхъ способностяхъ своего сына, былъ мало знакомъ съ его внутреннимъ міромъ и не допускалъ и мысли о томъ, что система воспитанія, пригодная для него самого, можетъ оказаться вредной для сына. Между тѣмъ характеръ Стюарта былъ несравненно сложнѣе характера его отца. Отъ отца онъ наследовалъ любовь къ труду и настойчивость въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, сильно развитое чувство долга и горячее стремленіе къ общественному благу. Но, на ряду съ этимъ, въ мягкой и даже женственной натурѣ Стюарта было много такого, чего былъ совершенно лишень его отецъ: онъ былъ способенъ къ глубокой и безкорыстной любви, чувствовалъ потребность въ эстетическихъ наслажденіяхъ, восхищался природой, былъ добродушнымъ и привязчивымъ товарищемъ, легко поддавалъ чужому вліянію, вообще принадлежалъ совсѣмъ къ другому типу людей, чѣмъ его суровый и черствый отецъ. Воспитаніе, полученное Стюартомъ, должно было убить въ немъ всѣ эти свойства, недостойныя радикальнаго философа. Но природа оказалась сильнѣе, и вотъ, въ то время, когда Милль долженъ былъ выступить на жизненную арену и начать борьбу во имя того, что онъ признавалъ высшимъ благомъ, онъ почувствовалъ, что ему жить нечѣмъ.

Этотъ тяжелый душевный кризисъ, который ему пришлось пережить такъ рано, онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ своей автобіографіи:

„Съ того момента, какъ я въ первый разъ прочелъ Бентама, у меня была цѣль въ жизни—реформировать человѣчество. Мои личныя представленія о счастья совершенно отождествились съ этой цѣлью, и поздравлялъ себя съ тѣмъ, что мнѣ предстоитъ счастливая и хорошая жизнь. Но настало время, когда я очнулся отъ мечты, какъ отъ сна. Это случилось осенью 1826 г. (когда ему было 20 лѣтъ). Я былъ въ тяжеломъ настроеніи духа, которое знакомо каждому по собственному опыту; ничто не доставляло мнѣ никакого удовольствія, я относился

равнодушно къ тому, что въ обыкновенное время занимало меня,—вообще испытывалъ такое состояніе, въ какомъ находятся методисты отъ сознанія своей грубности. Въ такомъ настроеніи я задалъ себѣ вопросъ: предположимъ, что всѣ мои желанія осуществятся, что всѣ измѣненія въ области правовыхъ институтовъ и человѣческихъ мифній, о которыхъ я мечтаю, дѣйствительно произойдутъ въ настоящій моментъ—будетъ-ли это для меня истиннымъ счастьемъ и радостью? и внутренній голосъ тотчасъ-же, безъ малѣйшихъ колебаній, отвѣтилъ мнѣ: нѣтъ. Сердце мое упало. Все основаніе моей жизни разрушилось: все мое счастье заключалось въ преслѣдованіи одной цѣли. Цѣль эта перестала меня привлекать; какой-же интересъ могли представлять для меня средства? Мнѣ казалось, что у меня ничего не осталось въ жизни... Вначалѣ я надѣялся, что набѣжавшая туча пройдетъ сама собой. Но она не проходила. На другой день я проснулся съ тяжелымъ сознаніемъ моего несчастія. Оно преслѣдовало меня повсюду—въ обществѣ и во время моихъ одинокихъ занятій. Врядъ-ли что-нибудь въ моей повседневной жизни могло доставить мнѣ хотя-бы нѣсколько минутъ забвенія. Втеченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ туча все болѣе и болѣе сгушалась. Напрасно искалъ я облегченія въ моихъ любимыхъ книгахъ, этихъ памятникахъ прошедшей доблести и величія, которая раньше такъ воодушевляла меня. Я ихъ читалъ теперь безъ всякаго чувства и убѣдился, что моя любовь къ человѣчеству прошла сама собой... Я часто спрашивалъ себя, долженъ-ли я продолжать жить, если моя жизнь всегда будетъ проходить такимъ образомъ. И я всегда отвѣчалъ себѣ, что не вынесу такой жизни даже втеченіе одного года.“

Тяжелое состояніе духа Милля усиливалось тѣмъ, что ему не къ кому было обратиться за утѣшеніемъ и поддержкой. Человѣкъ, съ которымъ онъ былъ болѣе всего близокъ,—его отецъ не былъ способенъ понять причины тоски и унынія сына. Джемсъ Милль тоже зналъ мало радости въ жизни, не былъ счастливъ и не вѣрилъ въ самую возможность счастья. Но это не приводило его въ отчаяніе. Жизнь представлялась ему тяжелой и трудной борьбой, отъ которой никто не имѣетъ права уклоняться, и долгъ всегда стоялъ для него на первомъ планѣ. Онъ не нуждался ни въ какихъ внѣшнихъ стимулахъ, чтобы неуклонно и настойчиво стремиться къ цѣли, которую намѣтилъ себѣ разъ навсегда. Онъ смотрѣлъ на душевное состояніе сына, какъ на постыдное малодушіе, заслуживающее суроваго порицанія, но никакъ не сочувствія.

Между тѣмъ молодой Милль нуждался именно въ сочувствіи и любви. Онъ безсознательно тиготился той сухой и безрадостной атмосферой, въ которой ему приходилось жить. Самъ онъ называлъ себя «мыслящей машиной»; но, чтобы удовлетвориться такимъ существованіемъ, ему нужно было атрофировать въ себѣ большую часть своихъ душевныхъ способностей. Къ этой цѣли и

было направлено все его воспитаніе, но въ рѣшительный моментъ, когда цѣль казалась уже достигнутой, природа взяла свое, и Милль сталъ мучительно сознавать пустоту своей жизни, лишенной всякихъ сильныхъ и яркихъ впечатлѣній. Онъ не могъ увлекаться тѣмъ, чѣмъ увлекается большинство молодыхъ людей его возраста: къ женщинамъ онъ до сихъ поръ оставался совершенно равнодушнымъ, не влюблялся, не писалъ стиховъ и не мечталъ «о ней». Въ его характерѣ было мало честолюбія, и первые успѣхи, которыми онъ могъ гордиться такъ рано, скоро перестали льстить его тщеславію, какъ все то, что слишкомъ легко достигается нами. Наконецъ любовь къ человѣчеству, во имя которой онъ долженъ былъ вести борьбу съ невѣжествомъ и предрасудками своихъ современниковъ, не вытекала изъ его сердца и не могла поддерживать и воодушевлять его въ трудныя минуты жизни, подобныя тѣмъ, которыя онъ теперь переживалъ. Такимъ образомъ въ душѣ Милля не осталось никакихъ предметовъ желаній, ни благородныхъ, ни эгоистическихъ, и онъ почувствовалъ усталость и пресыщеніе жизнью, раньше чѣмъ началъ жить. По его собственнымъ словамъ, онъ походилъ на прекрасно-оснащенный корабль, съ рулемъ и экипажемъ, но безъ парусовъ: не хватало двигающей силы и кораблю грозило крушеніе.

Но привычка къ труду, созданная воспитаніемъ, была такова, что, несмотря на полную нравственную прострацію, Милль не прекращалъ своихъ обычныхъ занятій. Онъ продолжалъ много читать и писать, говорилъ рѣчи въ устроенныхъ имъ обществахъ, но все это дѣлалъ безъ всякаго увлеченія, вяло и апатично. Привыкнуши анализировать свои душевныя движенія, онъ постоянно думалъ о томъ, отчего зависѣло то безотрадное настроеніе духа, которое его угнетало, и приходилъ къ убѣжденію, что никто не въ силахъ ему помочь. Онъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: всѣ наши нравственныя качества суть результатъ ассоціаціи; мы любимъ тѣ вещи, которыя обыкновенно причиняютъ намъ удовольствіе, не любимъ того, что причиняетъ намъ страданіе. Задача воспитанія заключается въ томъ, чтобы создать въ душѣ ребенка твердыя и прочныя ассоціаціи между удовольствіями и поведеніемъ, направленнымъ ко благу человѣчества, и ассоціаціей страданія съ противоположнымъ образомъ дѣйствія. Но при его собственномъ воспитаніи на это правило не было обращено достаточнаго вниманія. Отецъ довольствовался такимъ слабымъ воспитательнымъ средствомъ, какъ похвала однихъ поступковъ ребенка и порицаніе другихъ.

Такимъ путемъ устанавливались желательныя ассоціаціи, но онѣ были очень слабы. Между тѣмъ умственное развитіе и вытекающая изъ него привычка къ анализу имѣеть тенденцію разрушать всѣ непрочныя искусственныя ассоціаціи и можетъ привести къ полной неспособности испытывать какія бы то ни было сильныя желанія. Его собственный опытъ доказывалъ справедливость этихъ разсужденій, и онъ страдалъ отъ невозможности для себя полюбить то, что считалъ достойнымъ любви.

Все это усиливало тоскливое настроеніе Милля. Онъ переживалъ трудное время: его излюбленныя теоріи не могли оказать ему помощи въ такую минуту, когда дѣло шло о всей его жизни. Онъ долженъ былъ признать, что человѣческая душа есть вещь, несравненно болѣе сложная, чѣмъ абстракція Бентама, и что одного ума недостаточно для жизни. Послѣдователи Бентама называли сантиментальностью всякое сильное чувство, не придавали никакой важности эстетическимъ наслажденіямъ и мечтали преобразовать человѣческій родъ при помощи одного разума. Милль съ дѣтства вѣрилъ всему этому и не могъ безъ мучительной борьбы отказаться отъ усвоеннаго имъ міросозерцанія. Ученіе Бентама онъ продолжалъ считать истиной, но не могъ уже относиться къ нему съ прежнимъ увлеченіемъ и невольно искалъ новой вѣры, новыхъ идеаловъ, которые воскресили бы въ немъ бодрость и энергію.

Онъ сталъ скептически относиться къ своимъ реформаторскимъ планамъ: что будутъ дѣлать люди, чѣмъ они наполнятъ свою жизнь, когда цѣль будетъ достигнута и борьба за лучшее будущее увѣнчается побѣдой? Стоитъ ли бороться съ пороками и невѣжествомъ, господствующими въ современномъ обществѣ, когда успѣхъ повлечетъ за собой только скуку и пресыщеніе жизнью? Какъ достигнуть того, чтобы люди были счастливы тѣми ежедневными будничными событіями, которыя составляютъ главное содержаніе жизни каждаго человѣка? До тѣхъ поръ, пока не найдено разрѣшеніе этого вопроса, нечего и думать о социальной реформѣ.

Карлейль въ такихъ выраженіяхъ говорилъ одной общей знакомой объ этомъ кризисѣ, пережитомъ Миллемъ:

„Вѣднй малый! Онъ долженъ былъ освободиться отъ бентамизма, и всѣ муки и волненія, перенесенныя имъ, привели его въ концѣ концовъ къ такимъ мыслямъ, которыя никогда не приходили въ голову Бентаму. Но встаки онъ слишкомъ любитъ требовать доказательства для всего. Еслибы Ствартъ Милль очутился въ раю, то онъ не успокоился-бы до тѣхъ поръ, пока не уяснилъ-бы себѣ его устройство.“

Въ такомъ настроеніи духа Милль оставался около полугода.

Наконецъ это тяжелое состояніе мало-по-малу начало проходить. Онъ случайно прочелъ мемуары Мармонтеля, гдѣ очень живо описывались чувства одного молодого человѣка, потерявшаго отца и, неожиданно для самого себя, сдѣлавшагося единственной опорой осиротѣвшей семьи. Этотъ эпизодъ растрогалъ Милля до слезъ. Мысль о томъ, какъ онъ самъ поступилъ бы въ подобномъ случаѣ, воскресила его энергію; онъ почувствовалъ, что въ его душѣ еще не все умерло и сохранилось еще достаточно любви къ своимъ близкимъ, чтобы заботиться о нихъ въ случаѣ нужды. Онъ началъ съ большимъ интересомъ относиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ, сталъ оживляться во время разговора, увлекаться книгами и пересталъ думать о самоубійствѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ: онъ сталъ увлекаться искусствами и въ особенности музыкой. Опера Вебера «Оберонъ» привела его въ восторгъ и воскресила въ его душѣ надежду радоваться и наслаждаться, какъ всѣ другіе люди. Но привычка къ анализу и рефлексіи продолжала отравлять всѣ его удовольствія: его серьезно мучила мысль, что музыкальныя комбинаціи ограничены, такъ какъ октава состоитъ всего изъ пяти тоновъ и двухъ полутоновъ, слѣдовательно, когда-нибудь будутъ исчерпаны всѣ музыкальныя мелодіи, и человѣчество не будетъ больше наслаждаться новизной и оригинальностью музыкальныхъ произведеній. Онъ прекрасно сознавалъ, что втеченіе его личной жизни музыкальное творчество не прекратится, но не могъ отдѣлать своей собственной судьбы отъ участи всего человѣческаго рода. Чтобы полюбить жизнь, Милль долженъ былъ повѣрить въ возможность счастья для всѣхъ людей.

Въ самое тяжелое время, когда его мрачное настроеніе достигло своего апогея, Милль пробовалъ найти исцѣленіе въ поэзіи. Онъ прочиталъ всего Байрона, но сходство между настроеніемъ Байроновскихъ героевъ и его собственнымъ не могло возбудить въ немъ особенно радостныхъ чувствъ. За то поэмы Уордсворта были настоящимъ бальзамомъ для его больной души. Уордсвортъ описываетъ все то, что всегда производило глубокое впечатлѣніе на Милля: мирную деревенскую жизнь, горные пейзажи, идиллически-спокойную природу. Уордсвортъ показалъ разочарованному юношѣ, что, помимо борьбы за идеи, въ жизни есть много прекраснаго; онъ научилъ его любить и понимать незамѣтную будничную жизнь простыхъ людей, которые рождаются и умираютъ въ полной неизвѣстности, не совершаютъ никакихъ подвиговъ и оста-

влияютъ по себѣ память только въ тѣсномъ кругу близкихъ родныхъ. Спокойное созерцательное настроеніе, господствующее въ поэмахъ Уордсворта, передалось и Миллю, и жизнь перестала казаться ему холодной, мертвенной пустыней. Онъ убѣдился, что въ жизни есть такой источникъ радости и счастья, котораго никакія социальныя реформы не могутъ изсушить, и что счастье это будетъ все увеличиваться по мѣрѣ того, какъ люди будутъ становиться гуманнѣе и научатся лучше понимать и цѣнить красоту и величіе мірозданія

Послѣ переменъ, происшедшей въ міровоззрѣніи Милля, онъ не могъ поддерживать дружескихъ отношеній съ прежними товарищами и сталъ искать новыхъ связей. Вскорѣ онъ подружился со своими постоянными оппонентами въ «Обществѣ публичныхъ преній»—Морисомъ и Стерлингомъ. Стерлингъ былъ живой, веселый и откровенный человѣкъ и въ скоромъ времени онъ сдѣлался самымъ близкимъ другомъ Милля. Впослѣдствіи имъ не удавалось часто видѣться, такъ какъ Стерлингъ былъ слабого здоровья и не могъ жить въ Лондонѣ. Но когда судьба сводила ихъ вмѣстѣ, они встрѣчались какъ братья. Они оба имѣли большое влияніе другъ на друга, и хотя первоначально ихъ философскія убѣжденія были диаметрально противоположны, съ теченіемъ времени разница въ ихъ воззрѣніяхъ значительно смягчилась. Милль научился цѣнить Кольриджа и Карлейля—любимыхъ авторовъ Стерлинга, а послѣдній пересталъ относиться съ пренебреженіемъ къ Бентаму и утилитарной философіи вообще. Стерлингъ рано умеръ; по словамъ Милля, это былъ необыкновенно симпатичный, обаятельный человѣкъ, лишенный всякаго мелкаго тщеславія и всегда готовый принять новое мнѣніе, если оно казалось ему согласнымъ съ истиной.

Новыя воззрѣнія Милля не укладывались такъ легко въ опредѣленные рамки, какъ его прежніе взгляды. Онъ не выработалъ себѣ никакой опредѣленной философской системы на мѣсто покинутыхъ имъ теорій Бентама. Онъ проникся убѣжденіемъ, что апіоринныя теоріи не могутъ объяснить всего многообразія и сложности человѣческой жизни и что истина обыкновенно лежитъ одинаково далеко отъ всѣхъ крайнихъ мнѣній. Онъ часто говорилъ впослѣдствіи, что сектанты нерѣдко правы въ томъ, что они признаютъ, но всегда не правы въ томъ, что они отрицаютъ. Милль совершенно отказался отъ мысли о пригодности одной и той-же формы правленія для всякаго народа и отрицалъ практическое значеніе всѣхъ идеальныхъ построеній, въ которыхъ не

приняты въ соображеніе условія времени и мѣста. Относительно демократическаго строя онъ тоже значительно измѣнилъ свои взгляды. Раньше онъ былъ неограниченнымъ приверженцемъ демократіи; теперь-же считалъ необходимымъ обставить извѣстными гарантіями господство народа, изъ опасенія стѣсненія индивидуальной свободы и деспотизма большинства надъ меньшинствомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Милль отказался отъ всякихъ абсолютныхъ рѣшеній въ области соціальныхъ вопросовъ и въ практической политикѣ сталъ предпочитать компромиссы радикальнымъ рѣшеніямъ.

Относительно значенія чувства въ дѣлѣ морали и личной жизни человѣка, Милль совѣмъ разошелся съ Бентамомъ: онъ считалъ главной задачей воспитанія развитіе въ людяхъ чувства любви и симпатіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.—средствомъ для чего должны были служить изящныя искусства, со значеніемъ которыхъ онъ познакомился на собственномъ опытѣ. Такимъ образомъ взгляды Милля по многимъ существеннымъ пунктамъ значительно измѣнились, хотя въ общемъ его міровоззрѣніе попрежнему покоилось на признаніи закона ассоціаціи—основаніемъ всей психологій, а принципа наибольшаго счастья—основаніемъ этики и политики. Вначалѣ онъ былъ склоненъ преувеличивать размѣры своего разногласія съ Бентамомъ и зашелъ въ этомъ направленіи такъ далеко, что впослѣдствіи самъ признавалъ несправедливость такого отношенія къ своему прежнему кумиру.

Новое направленіе Милля рельефно обнаружилось въ его статьѣ о Бентамѣ, написанной имъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описаннаго перелома въ его жизни. Въ этой статьѣ указаны достоинства и недостатки теоріи Бентама, но послѣдніе очерчены особенно ярко. О самомъ Бентамѣ Милль отзывался въ такихъ выраженіяхъ:

„Онъ видѣлъ въ человѣческой душѣ только то, что доступно самому грубому наблюденію... Его полное незнакомство съ болѣе глубокими основаніями человѣческаго характера помѣшало ему понять, какое значеніе имѣетъ эстетическое чувство въ дѣлѣ воспитанія человѣка... Врядъ-ли кто-либо приступалъ къ дѣлу съ болѣе ограниченными представленіями о силахъ человѣческой души, чѣмъ Бентамъ, и т. д.“

Неудивительно, что подобное отношеніе къ Бентаму возбуждало негодованіе среди его друзей и послѣдователей. Между обѣими сторонами возникло охлажденіе, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ. Съ теченіемъ времени старые пріятели Милля убѣдились, что онъ продолжаетъ оставаться радикаломъ и утилитаристомъ, хотя и на свой собственной манеръ, и между ними опять возобновились хорошія

отношенія. Что касается до его отношеній къ отцу, то самъ Милль описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

„По своему настроенію и образу мыслей я чувствовалъ себя очень далекимъ отъ отца, даже болѣе далекимъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности, еслибы только съ обѣихъ сторонъ было возможно спокойное обсужденіе причинъ разногласія. Но съ моимъ отцомъ нельзя было спокойно говорить объ основныхъ вопросахъ его міровозрѣнія, въ особенности нельзя было говорить мнѣ, котораго онъ могъ считать перебѣжчикомъ изъ своего лагеря. Къ счастью, мы всегда сходились относительно текущихъ политическихъ вопросовъ, преимущественно интересовавшихъ его въ это время. Мы мало говорили о томъ, въ чемъ не были согласны другъ съ другомъ. Онъ зналъ, что привычка къ самостоятельному мышленію, которую онъ самъ такъ старался развить во мнѣ, приводила меня иногда къ взглядамъ, отличнымъ отъ его собственныхъ, и замѣчалъ, что я неохотно говорилъ объ этомъ. Я не ожидалъ ничего хорошаго для насъ обоихъ, еслибы сталъ говорить съ полной откровенностью, и открыто противорѣчилъ отцу только тогда, когда онъ высказывалъ свои мысли въ такой формѣ, что я не считалъ себя въ правѣ молчать.“

Между отцомъ и сыномъ не было близости и каждый изъ нихъ жилъ своей собственной жизнью.

Около этого времени Милль впервые познакомился съ ученіемъ сенъ-симонистовъ. Онъ не сочувствовалъ ихъ практическимъ планамъ—уничтоженію права наслѣдства и коренной реформѣ государственнаго строя, которую они предлагали, но его поразило установленное Базаромъ раздѣленіе исторіи на органическіе и критическіе періоды, раздѣленіе, дававшее ключъ ко всѣмъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, волновавшимъ его лично. По воззрѣніямъ сенъ-симонистовъ, органическіе періоды характеризуются религіозностью и согласіемъ большинства людей относительно коренныхъ вопросовъ добра и зла. Напротивъ того, въ критическіе періоды, къ каковымъ принадлежитъ и наше время, люди утрачиваютъ прежнюю вѣру и истощаютъ свои силы въ безплодныхъ попыткахъ возстановить единство во взглядахъ, пока не наступаетъ новый органическій періодъ. Ученіе объ исторической необходимости періодовъ вѣры и невѣрія успокоило Милля относительно будущности человѣческаго рода, которому предстоитъ воспользоваться всѣмъ, что было хорошаго въ прежніе вѣка, съ ихъ наивной, но глубокой и искренней религіозностью, и сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтенія переходнаго времени, создавшаго свободу мысли и провозгласившаго разумъ своимъ верховнымъ руководителемъ.

Точно также на Милля произвела глубокое впечатлѣніе критика

сень-симонистовъ либерализма и буржуазіи. До этого времени Милль привыкъ признавать свободу безусловнымъ благомъ, а частную собственность необходимымъ условіемъ прогресса и цивилизаціи. Знакомство съ сень-симонизмомъ возбудило въ немъ скептическое отношеніе къ преимуществамъ современнаго соціального строя и заронило въ его душу симпатіи къ социализму. Въ такомъ настроеніи его застала французская революція 1830 г. Онъ съ энтузіазмомъ отнесся къ этому событію, отъ котораго ожидалъ великихъ результатовъ для всего цивилизованнаго міра. Какъ только явилась возможность, онъ поспѣшилъ въ Парижъ и постарался завязать сношенія съ вождями либеральной партіи.

По возвращеніи въ Англію, Милль продолжалъ тщательно слѣдить за политическими событіями на континентѣ и велъ въ одной газетѣ еженедѣльную хронику французской общественной жизни.

ГЛАВА V.

Дальнѣйшая жизнь Милля. Его обширная литературная дѣятельность. Служба въ Остъ-Индской компаніи. Изданіе журнала «London and Westminster Review». Отношеніе Милля къ своимъ собратьямъ по перу. Переписка его съ Контонъ.

Биографія Милля значительно теряетъ свой интересъ, когда его душевная эволюція завершилась и онъ окончательно сложился умственно и нравственно. Съ этихъ поръ его жизнь, наполненная исключительно умственнымъ трудомъ, пошла гладко и безъ потрясеній. Съ семнадцати лѣтъ онъ состоялъ на службѣ въ Остъ-Индской компаніи, сперва клеркомъ, съ жалованіемъ около 300 р. въ годъ на наши деньги, потомъ важнымъ чиновникомъ, жалованье котораго достигало 20 тысячъ рублей. Въ Остъ-Индской компаніи онъ служилъ втеченіе 35 лѣтъ и оставилъ службу только потому, что въ 1858 г. Остъ-Индская компанія, какъ политическое учрежденіе, была распущена правительствомъ. Служебное положеніе Милля было связано съ нѣкоторыми неудобствами для него лично, такъ напр., онъ не могъ быть избранъ членомъ парламента, пока состоялъ на службѣ. Точно также за всѣ эти

долгіе 35 лѣтъ онъ не могъ отлучиться изъ Лондона болѣе чѣмъ на мѣсяць втеченіе каждаго года. Только два раза онъ по болѣзни бралъ болѣе продолжительные отпуска, которыми воспользовался чтобы объѣздить Тироль, Швейцарію и Италію. Тѣмъ не менѣе Милль былъ вполне доволенъ своей службой и говоритъ въ «Автобіографіи», что врядъ-ли можно было подыскать другое занятіе, болѣе пригодное для бѣднаго человѣка, желающаго посвятить свою жизнь умственному труду. Служба въ Остъ-Индской компаніи давала хорошій заработокъ, не отнимала много времени (Милль былъ занятъ ежедневно отъ 10 до 4 часовъ); самыя занятія не были утомительны и въ то же время настолько содержательны, что не наводили скуки. Они служили Миллю отдыхомъ и даже были полезны для его литературной дѣятельности тѣмъ, что на практикѣ знакомили его съ механизмомъ государственнаго управленія.

Въ періодъ отъ 30 г. до 48 г. Милль совершилъ большую часть того, что прославило его имя, какъ мыслителя. Въ 43 г. онъ издалъ «Систему Логики» —наиболѣе оригинальное свое произведеніе, до сихъ поръ оказывающее большое вліяніе на направленіе философской мысли въ Европѣ; а въ 48 г. — «Основанія политической экономіи». Кромѣ того за это время онъ написалъ множество журнальныхъ статей, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ вопросамъ философіи, политики, эстетической критики, и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ статей вошли въ собраніе его сочиненій, но большая часть изъ нихъ, по самому характеру своей темы, была осуждена на забвеніе. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ самъ издавалъ журналъ «London and Westminster Review», не пользовавшійся большимъ успѣхомъ въ публикѣ вслѣдствіе своего направленія, слишкомъ радикальнаго для Англии. Журналъ этотъ отличался отъ прочихъ подобныхъ изданій тѣмъ, что Милль проводилъ въ немъ на практикѣ свою излюбленную идею, что истина можетъ заключаться въ противоположныхъ мнѣніяхъ; поэтому помѣщаемыя въ журналѣ статьи не отличались полнымъ единствомъ направленія, хотя онѣ, конечно, не противорѣчили основнымъ пунктамъ философской и политической программы Милля.

Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ «London and Westminster Review» мы встрѣчаемъ Карлейля, несмотря на то, что послѣдній всегда относился съ большимъ пренебреженіемъ къ общественнымъ и философскимъ заслугамъ Бентама. Замѣтимъ кстати, что полное несходство характеровъ и всей умственной организаціи не препятствовало Карлейлю и Миллю быть въ пріятельскихъ отно-

шеніяхъ. Милль всѣми силами пропагандировалъ сочиненія Карлейля и немедленно по выходѣ въ свѣтъ его «Исторіи французской революціи», помѣстилъ въ своемъ журналѣ восторженный отзывъ объ этомъ произведеніи, которое онъ называлъ прямо «гениальнымъ». Въ «Автобіографіи» Милль говоритъ, что самая крупная заслуга «London and Westminster Review» заключалась въ томъ, что этотъ журналъ содѣйствовалъ успѣху сочиненій Карлейля. Въ этихъ словахъ выражается характерное свойство Милля — полнѣйшее отсутствіе зависти къ своимъ собратіямъ по перу, заслуженныя удачи которыхъ радовали его почти столько-же, какъ свои собственные. Можно привести много примѣровъ безкорыстной поддержки, которую Милль оказывалъ молодымъ начинающимъ писателямъ, часто рискуя при этомъ своими деньгами. Такъ напримѣръ, когда издатель не рѣшался издать на свой счетъ сочиненіе Бэна «Чувство и воля», Милль предложилъ взять на себя могущіе быть убытки и книга была напечатана. Другой подобный-же случай былъ съ Гербертомъ Спенсеромъ. Предпринятое имъ многотомное сочиненіе «Система синтетической философіи» находило мало подписчиковъ, и онъ объявилъ имъ, что вынужденъ приостановить печатаніе своего сочиненія. Тогда Милль гарантировалъ Спенсеру необходимыя издержки и далъ ему возможность закончить начатое дѣло. Этотъ случай особенно замѣчателенъ потому, что философскія воззрѣнія Спенсера значительно расходились со взглядами самого Милля, великодушно оказавшаго поддержку своему противнику.

Въ началѣ 40-хъ годовъ Милль пользовался уже громкой извѣстностью, хотя его главный философскій трудъ «Система логики» еще только подготавливалась къ печати. Въ это время съ Миллемъ познакомился Бэнъ, впоследствии выдающійся психологъ, бывшій тогда молодымъ человѣкомъ, только что начавшимъ писать въ журналы. Бэнъ слѣдующимъ образомъ описываетъ ихъ знакомство:

„Немедленно по пріѣздѣ въ Лондонъ я отправился въ зданіе Остъ-Индской Компаніи и осуществилъ свою давнишнюю мечту лично познакомиться съ Миллемъ. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое онъ произвелъ на меня, стоя у своей конторки, лицомъ къ двери, черезъ которую мы вошли. Меня прежде всего поразила его высокая, тонкая фигура, млажавое лицо, плѣшивая голова съ рѣдкими блондинскими волосами, румянецъ на щекахъ и судорожное подергиваніе лѣвой брови въ то время, какъ онъ говорилъ; затѣмъ навсегда запечатлѣлась въ моей памяти живость его манеръ, его тонкій, почти пронзительный голосъ, не имѣвшій, впрочемъ, непріятнаго оттѣнка, кра-

сивья черты лица съ мягкимъ выраженіемъ. Чтобы дополнить картину, я долженъ описать костюмъ, въ которомъ онъ каждый день бывалъ на службѣ—черный фракъ и черный шелковый галстукъ. Много лѣтъ спустя, онъ замѣнилъ фракъ сюртукомъ, но черный цвѣтъ всегда пользовался его предпочтеніемъ.“

Брандесъ, познакомившійся съ Миллемъ въ Парижѣ въ то время, когда знаменитому мыслителю было 64 года, описываетъ его наружность почти такими же красками:

„Когда онъ назвалъ свою фамилію, я тотчасъ-же вспомнилъ видѣнный мною раньше портретъ его. Впрочемъ, послѣдній давалъ лишь слабое представленіе о выраженіи его лица и, понятно, совсѣмъ не могъ передать его походки и манеры держать себя. Хотя онъ въ это время былъ уже старикомъ, лицо его было свѣжо и румяно, какъ лицо ребенка. Его темно-синіе глаза смотрѣли бодро и весело, носъ у него былъ тонкій, орлиный, лобъ—высокій и выпуклый; можно было думать, что, постоянно работая головой, онъ тѣмъ самымъ заставилъ природу расширить помещеніе для своего мозга. Лицо его съ характерными крупными чертами имѣло простое, но не спокойное выраженіе: по временамъ въ немъ замѣчались нервные подергиванія, какъ-бы указывавшія на неустанную внутреннюю работу. Разговаривая, онъ какъ-бы подыскивалъ слова и иногда запинался въ началѣ фразы. Когда онъ сидѣлъ, то благодаря его красивому свѣжему лицу и высокому лбу, его можно было принять за сравнительно-молодого, бодрого человѣка. Но когда я потомъ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ на улицу, я замѣтилъ, что, несмотря на свою быструю походку, онъ нѣсколько прихрамывалъ и во всей его фигурѣ сказывалось что-то старческое, хотя онъ и старался держаться прямо. Костюмъ замѣтно старилъ его; надѣтый на немъ старомодный сюртукъ доказывалъ, что онъ мало заботился о своей внѣшности.“

Въ 43-мъ году Милль обнародовалъ свою «Систему логики», которую онъ писалъ съ большими перерывами втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Его манера писать имѣла одну характерную особенность: онъ никогда не могъ сразу написать что-либо для печати. У него выработалась привычка сначала заканчивать вчернѣ свое сочиненіе и потомъ начинать его сызнова, пользуясь кое-чѣмъ изъ первоначальнаго наброска, но вмѣстѣ съ тѣмъ значительно его видоизмѣняя. Въ первомъ наброскѣ онъ не заботился о красотѣ слога и обращалъ вниманіе только на планъ сочиненія и группировку матеріала. По мнѣнію Милля, эта система позволяла соединять живость и непосредственность первоначальнаго изложенія съ глубиной и серьезностью, достигаемыми только послѣ продолжительной работы мысли. Во всякомъ случаѣ нужно было имѣть рѣдкую привычку и любовь къ труду, чтобы писать по нѣскольку разъ одно и то же.

Раньше чѣмъ выпустить въ свѣтъ свою книгу, Милль далъ ее

просмотрѣть въ рукописи Бэну, съ которымъ онъ незадолго до того познакомился. Бэнъ былъ приведенъ въ восторгъ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ, но замѣтилъ Миллю, что приводимые имъ примѣры опытнаго изслѣдованія слишкомъ немногочисленны и къ тому же часто невѣрны. Онъ предложилъ Миллю свою помощь и доставилъ ему большую часть тѣхъ примѣровъ, которые теперь фигурируютъ въ «Системѣ логики».

Милль не ожидалъ особеннаго успѣха отъ своего новаго сочиненія. Онъ думалъ, что большая часть публики не можетъ заинтересоваться книгой, посвященной совершенно абстрактнымъ вопросамъ, а специалисты не отнесутся къ ней сочувственно оттого, что громадное большинство ихъ принадлежитъ къ школѣ его противниковъ. Единственное, что, по его мнѣнію, могло заинтересовать публику, это его полемика съ Уэвеллемъ, авторомъ «Исторіи индуктивныхъ наукъ». Милль рассчитывалъ, что Уэвелль будетъ ему отвѣчать немедленно, но расчетъ этотъ не оправдался. Уэвелль отвѣтилъ только черезъ вѣсколько лѣтъ, когда «Система логики» выходила уже третьимъ изданіемъ. Книга имѣла громадный успѣхъ, ее покупали на расхватъ, объ ней писали пространныя статьи, по большей части хвалебнаго содержанія, и она доставила автору выдающееся положеніе среди мыслителей всего міра.

Старинные знакомые Милля, охладѣвшіе къ поклоннику Уордсворта и Карлейля, вернули ему свою благосклонность. Д. Гротъ возобновилъ прежнія пріятельскія сношенія съ сыномъ своего стараго друга и съ этого времени сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей. Они любили вмѣстѣ гулять по улицамъ Лондона, разсуждая о разныхъ философскихъ и метафизическихъ вопросахъ, которыми Гротъ интересовался не менѣе самого Милля. «Система логики» сдѣлалась любимой книгой Грота, хотя онъ никогда не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго недовѣрія къ неожиданнымъ оборотамъ мысли своего непостояннаго друга.

Въ 1841 г. Милль завязалъ переписку съ От. Контомъ. Сочиненіе Конта «*Système de philosophie positive*» оказало громадное вліяніе на философскія воззрѣнія Милля, открыто, со свойственной ему искренностью, сознававшагося, что нѣкоторыя главы «Системы логики» обязаны своимъ происхожденіемъ чтенію этого великаго труда. Установленные Контомъ законы социальнаго развитія Милль считалъ замѣчательнымъ по своей глубинѣ обобщеніемъ историческихъ фактовъ, но, при всемъ своемъ увле-

ченіи творцомъ позитивной философіи, онъ не могъ одобрить его политической системы, основанной на подчиненіи общества деспотизму духовныхъ руководителей его, въ лицѣ ученыхъ и философовъ.

Переписка между обоими мыслителями продолжалась втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ и имѣла вначалѣ очень откровенный, даже сердечный характеръ. Контъ подробно описывалъ свои столкновенія съ учеными знаменитостями Парижа, возбудившими противъ него ненависть всемогущаго Араго, говорилъ о своей интимной жизни, о своихъ неудачахъ, вообще относился къ Миллю какъ къ близкому другу. Когда Контъ стала угрожать опасность потерять мѣсто экзаменатора въ политехнической школѣ, Милль немедленно предложилъ ему денежную помощь, несмотря на то, что его собственныя дѣла были очень разстроены вслѣдствіе потери нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ (нѣсколько десятковъ тысячъ рублей) во время промышленнаго кризиса, постигшаго тогда Англію. Контъ отклонилъ это предложеніе на томъ основаніи, что философы не имѣютъ права помогать другъ другу изъ своихъ скудныхъ средствъ; на это существуютъ богатые люди. Когда «Система логики» была напечатана, Милль немедленно послалъ экземпляръ своего сочиненія Контъ, который былъ очень польщенъ многочисленными комплиментами автора по его адресу. Согласіе между ними въ первый разъ было нарушено споромъ о женскомъ вопросѣ. Послѣ нѣсколькихъ пространныхъ писемъ, Контъ объявилъ, что онъ считаетъ бесполезнымъ продолжать споръ на эту тему, такъ какъ онъ не можетъ привести ни къ какому результату. Тѣмъ не менѣе переписка не прекращалась. Въ 1844 г. Контъ долженъ былъ выйти изъ Политехнической школы и такимъ образомъ лишился св. его единственнаго источника дохода; онъ обратился за помощью къ своимъ англійскимъ друзьямъ, но опять-таки съ той оговоркой, что помощь не должна исходить лично отъ Милля. Милль уговорилъ Грота и двухъ другихъ богатыхъ поклонниковъ французскаго философа оказать ему матеріальную поддержку, которая была ему такъ необходима.

Въ слѣдующемъ году экономическое положеніе Конта нисколько не улучшилось. Ему попрежнему печѣмъ было жить, но Гротъ рѣшительно отказался помогать своими деньгами писателю, послѣднія произведенія котораго показались ему въ высшей степени вредными по своему направленію. Когда Контъ узналъ объ этомъ, онъ написалъ Миллю негодующее, полное упрековъ, письмо.

мо по поводу того, что богатые люди не умѣютъ цѣнить философовъ. Милль объяснялъ отказъ Грота принципиальнымъ разногласіемъ, а Коунтъ на это возражалъ, что во всѣхъ основныхъ пунктахъ взгляды его вполне сходятся со взглядами самого Милля, умышленно преувеличивающаго второстепенныя различія. Переписка стала принимать характеръ, непріятный для обоихъ, и наконецъ совсѣмъ прекратилась. Последнее письмо было написано Миллемъ, и этимъ кончились его сношенія съ Коунтомъ, съ которымъ, кстати сказать, онъ никогда не видался лично. Во всей этой исторіи Ог. Коунтъ является въ довольно несимпатичномъ видѣ—онъ отличался властолюбивымъ характеромъ и стремился примѣнить къ дѣйствительной жизни свою теорію о необходимости господства избраннаго философа надъ прочимъ человечествомъ.

Въ «Системѣ логики» Милль говоритъ о необходимости новой соціальной науки, которую онъ называетъ «политической этологіей». Эта наука должна установить законы развитія національнаго характера, изслѣдуя психическія особенности цѣлыхъ народовъ подобно тому, какъ психологія изучаетъ психическую жизнь отдѣльной личности. Одно время Милль много носился съ мыслью создать эту науку и даже набиралъ матеріалъ для нея. Но убѣдившись, что задача ему не по силамъ, онъ принялся за болѣе легкую работу и втеченіе полутора года написалъ «Основанія политической экономіи». Скорость работы показываетъ, что авторъ былъ хорошо знакомъ съ избранной имъ темой; дѣйствительно, если мы вспомнимъ, съ какихъ раннихъ лѣтъ Милль началъ изучать политическую экономію, насъ нисколько не удивитъ, что онъ могъ въ такое время написать объемистое экономическое изслѣдованіе болѣе чѣмъ въ 1.000 страницъ мелкаго текста.

«Основанія политической экономіи» имѣли еще болѣе уснѣхъ, чѣмъ «Система логики». Первое изданіе было раскуплено въ одинъ годъ, второе—въ два года. Новая книга цитировалась всѣми, какъ авторитетное изложеніе экономическихъ истинъ, и сразу приобрѣла значительное вліяніе на общественное мнѣніе и даже на практическое законодательство Англіи.

Послѣ «Основаній политической экономіи», Милль втеченіе нѣкотораго времени не писалъ ничего крупнаго и ограничивался небольшими статьями въ журналахъ и газетахъ. Значительная часть его времени уходила на обширную переписку, часто съ людьми совершенно незнакомыми, которые обращались къ нему за разъясне-

нѣмъ различныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ. Милль уже совершилъ главное дѣло свое жизни и могъ отдыхать на лаврахъ.

ГЛАВА VI.

Знакомство Милля съ м-съ Тэйлоръ. Ихъ двадцати-лѣтняя дружба.— Вліяніе ея на Милля. — Взгляды Милля на женскій вопросъ. — Женихъ Милля.—Смерть его жены.—Послѣдніе годы жизни Милля.— Его парламентская дѣятельность.— Смерть Милля.

Въ 1830 г. Милль познакомился съ м-съ Тэйлоръ, и это знакомство, по его собственнымъ словамъ, было «величайшимъ счастьемъ его жизни». Мужа ея онъ зналъ съ дѣтства, но потому они почему-то не видѣлись и возобновили свои сношенія только, когда м-ръ Тэйлоръ былъ уже женатымъ человѣкомъ, а самому Миллю было 25 лѣтъ. М-съ Тэйлоръ сразу произвела очень сильное впечатлѣніе на молодого Милля. Она была очень хороша собой и, повидимому, владѣла тайной покорять себѣ людей. Карлейль пишетъ про нее, что она была «блѣдная, красивая, съ большими печальными глазами—настоящая героиня романа». Объ умѣ и характерѣ м-съ Тэйлоръ мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Несомнѣнно, что она была умной и выдающейся женщиной, потому что иначе она не могла-бы внушить къ себѣ такое благоговѣнное, почти религіозное поклоненіе со стороны такого человѣка, какъ Милль, который прямо утверждалъ, что «по сравненію съ ея душой всѣ высшія проявленія поэзіи, философіи и искусства кажутся тривиальными», и что ей онъ обязанъ всѣми своими лучшими мыслями, всѣмъ, что есть цѣннаго въ его сочиненіяхъ. Такое отношеніе не можетъ объясниться ослѣпленіемъ влюбленнаго человѣка, такъ какъ втеченіе 27 лѣтъ его преклоненіе передъ нею не только не ослабѣвало, а все болѣе и болѣе усиливалось. Но несомнѣнно также, что всѣ его восторженные отзывы были сильно преувеличены. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ характеризуетъ ее въ своей «Автобіографіи»:

„По своему темпераменту и умственному складу она въ молодости нѣсколько напоминала мнѣ Шелли; но Шелли былъ ребенкомъ передъ ней, когда она достигла полной умственной зрѣлости. Въ высшихъ сферахъ умозрѣнія, также какъ и въ мельчайшихъ деталяхъ повседневной жизни, она всегда умѣла схватывать самую суть явленія и понимала его истинное значеніе. Ея богатое воображеніе и пылкая впечатли-

тельность могли-бы сдѣлать изъ нея великую артистку, также какъ ея нѣжная и въ то же время страстная душа въ связи съ ея удивительнымъ краснорѣчіемъ несомнѣнно сдѣлали-бы ея великимъ ораторомъ и вообще однимъ изъ вождей человѣчества, если-бы только женщинамъ открытъ былъ доступъ къ общественной дѣятельности. Ея умственныя способности вполне соотвѣтствовали ея нравственному характеру—самому возвышенному и прекрасному, какой я когда-либо встрѣчалъ въ своей жизни... Страсть къ справедливости была однимъ изъ самыхъ сильныхъ ея чувствъ, если не считать ея безграничнаго великодушія и ея отзывчивости на всякое проявленіе любви, и т. д.“

Не говоря уже о явно преувеличенномъ тонѣ всего этого панегирика, онъ не даетъ намъ никакого представленія о личности м-съ Тэйлоръ. Милль вообще не отличался житейской проницательностью и умѣніемъ распознавать людей. Много занимаясь психологіей, онъ въ жизни былъ плохимъ психологомъ и индивидуальныя особенности людей ускользали отъ его вниманія. Всѣ его краснорѣчивыя тирады не воспроизводятъ передъ нами живого образа женщины, игравшей такую громадную роль въ его жизни. Мы можемъ только догадываться о томъ, что она была за человѣкъ, по разнымъ отдѣльнымъ замѣчаніямъ Милля и по отзывамъ лицъ, знавшихъ ихъ обоихъ. Большинство друзей Милля совершенно не раздѣляло его высокаго мнѣнія о ней: всѣ признавали м-съ Тэйлоръ очень умной женщиной, но утверждали, что въ ней нѣтъ и тѣни того, что въ ней видѣлъ Милль. Многимъ м-съ Тэйлоръ прямо не нравилась: ее находили аффектированной и высокомерной и удивлялись странному вкусу Милля. Другіе же, какъ напр. Карлейль, приходили отъ нея въ восторгъ. Но какъ-бы то ни было, уже самое это разногласіе въ мнѣніяхъ показываетъ, что она была недюжиннымъ человѣкомъ.

Повидимому, м-съ Тэйлоръ обладала тѣми свойствами, которыхъ Милль былъ совершенно лишенъ: ея нервная, впечатлительная натура, артистическій темпераментъ, тонкое пониманіе и любовь къ искусству, разносторонность и полнота ея духовной жизни—все это составляло полную противоположность съ цѣльной, прямолинейной натурой Милля. Сближеніе съ нимъ ввело Милля въ новый для него міръ любви и женскаго обаянія, стремленіе къ которому всегда бессознательно жило въ его душѣ. Отецъ Милля презиралъ всякія увлеченія и старался внушить сыну свои взгляды на міръ, но это ему не удалось. Рядомъ съ твердой волей и умственными способностями, унаслѣдованными имъ отъ отца, въ характеръ Милля, неизвѣстно какимъ образомъ, вкралось что-то мягкое, женственное, что его суровый воспитатель пренебрежительно опредѣлялъ словомъ «сантиментальность». Можетъ быть,

онъ унаслѣдовалъ это отъ своей кроткой, забитой матери, на которую онъ былъ очень похожъ лицомъ. Дѣтство, проведенное среди книгъ, безъ ласки и радости, молодость, почти ничѣмъ не отличающаяся отъ дѣтства, все это не могло заглушить въ немъ потребности въ любви и счастья. Какъ велика была эта потребность, видно хотя-бы изъ слѣдующихъ его словъ. Говоря въ «Автобіографіи» о пережитомъ имъ душевномъ кризисѣ, онъ прибавляетъ: «если бы я въ то время любилъ кого-нибудь настолько, что могъ бы подѣлиться съ нимъ своими терзаніями, я не очутился-бы въ томъ положеніи, въ какомъ находился въ ту эпоху». М-съ Тэйлоръ дала ему то, чего онъ долго и тщетно ждалъ; она освѣтила и согрѣла его жизнь, и Милль, со свойственной ему податливостью къ чужому вліянію, вполне подчинился ей, какъ онъ раньше подчинился своему отцу.

Въ кружкѣ знакомыхъ Милля вскорѣ заговорили о его увлеченіи м-съ Тэйлоръ, и эти слухи дошли и до его отца. Можно себѣ представить негодованіе Джемса Милля, когда онъ узналъ, что его сынъ, которымъ онъ такъ гордился и на воспитаніе котораго положилъ столько труда, влюбленъ въ замужнюю женщину! Въ его глазахъ это было непростительной слабостью, недостойной истиннаго ученаго и философа. Онъ попробовалъ выразить сыну свое неудовольствіе по этому поводу, но тотъ отвѣтилъ, что питаетъ къ м-съ Тэйлоръ такія-же самыя чувства, какъ къ какому-нибудь товарищу-мужчинѣ, и затѣмъ рѣшительно уклонился отъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ объ этомъ вопросѣ. Отецъ больше не поднималъ подобныхъ разговоровъ, и съ этого времени имя м-съ Тэйлоръ никогда не упоминалось въ семьѣ. Милль не допускалъ посторонняго вмѣшательства въ свои отношенія къ любимой женщинѣ и разошелся со многими изъ своихъ друзей изъ-за того, что они позволили себѣ коснуться этого щекотливаго пункта. Такъ, онъ совсѣмъ разсорился съ м-съ Гротъ, съ Гарриетъ Мартино, съ м-съ Аустенъ. Мужчины въ данномъ случаѣ были тактичнѣе дамъ и не досаждали ему своими совѣтами и увѣщаніями.

Въ своей «Автобіографіи» Милль говоритъ, что втѣченіе тѣхъ 20 лѣтъ, что былъ живъ мужъ м-съ Тэйлоръ, ихъ отношенія держались исключительно на почвѣ дружбы и совмѣстной умственной работы. Тѣмъ не менѣе при жизни м-ра Тэйлора положеніе Милля было очень трудное. Онъ не могъ не сознавать, что внесъ разладъ въ семью любимой женщины и что его чистая и благоговѣйная любовь набрасываетъ на нее тѣнь въ глазахъ об-

щества. Большинство знакомыхъ не вѣрило въ идеальный характеръ ихъ отношеній и строго осуждало ихъ обоимъ.

Мужъ м-съ Тэйлоръ велъ себя вполне по джентльменски: онъ предоставилъ своей женѣ полную свободу и не жѣлалъ ея близости съ Миллемъ, несмотря на все толки, ходившіе по этому поводу. Они постоянно видѣлись у него въ домѣ, въ Реджентъ-паркѣ. Бэнъ рассказываетъ, что «Милль втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ ходилъ къ ней обѣдать около двухъ разъ въ недѣлю, въ тѣ дни, когда мужа ея не было дома. Сверхъ того бывали дни, когда онъ отказывался прогуляться со мной отъ управленія Остъ-Индской компаніи до дому. Въ одинъ изъ такихъ дней я случайно замѣтилъ, что онъ, простившись со мной, поспѣшно сѣлъ въ омнибусъ, направлявшійся въ Реджентъ-паркъ».

Странно представить себѣ солиднаго, разсудительнаго Милля, какимъ онъ рисуется намъ по своимъ сочиненіямъ и по «Автобіографіи». тайкомъ отъ друзей спѣшащаго на свиданіе!

Позднѣе м-съ Тэйлоръ большую часть года проводила въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Лондона, вмѣстѣ со своей маленькой дочерью, Еленой. Въ деревнѣ Милль видѣлся съ ней чаще, чѣмъ въ Лондонѣ. Иногда они вмѣстѣ предпринимали небольшія поѣздки за границу. Милль постоянно дѣлился съ ней всеми своими мыслями, читалъ ей черновики своихъ произведеній и придавалъ большое значеніе ея сужденіямъ. Въ своихъ книгахъ онъ часто обращался къ ней съ восторженными посвященіями; по словамъ Грота, нужно было имѣть репутацію Милля, чтобы позволять себѣ такія смѣшныя выходки. Напримѣръ, посвященіе въ его «Политической экономіи» гласитъ такъ: «это сочиненіе, въ знакъ глубочайшаго почтенія, посвящается м-съ Тэйлоръ, которая изъ всѣхъ извѣстныхъ автору лицъ наиболѣе способна понять и оцѣнить изслѣдованіе о человѣческомъ прогрессѣ». Посвященіе въ его книгѣ «О свободѣ», вышедшей уже послѣ ея смерти, еще болѣе характерно: «Дорогой памяти той, которая была вдохновительницей и частью авторомъ всего, что есть лучшаго въ моихъ сочиненіяхъ, женѣ и другу, чье одобреніе было для меня лучшей наградой.—я посвящаю эту книгу. Какъ и все, что я писалъ втеченіе многихъ лѣтъ, эта книга принадлежитъ столько-же ей, сколько и мнѣ».

Каково-же было въ дѣйствительности вліяніе м-съ Тэйлоръ на научные труды Милля? Несмотря на его собственные заявленія, можно думать, что вліяніе это не было значительно. Прежде всего, онъ самъ говоритъ въ «Автобіографіи», что въ самыя круп-

номъ изъ его сочиненій, въ «Системѣ логики», м-съ Тэйлоръ не принимала никаго участія и ограничивалась только замѣчаніями о стилѣ. Теоретическая часть «Политической экономіи» тоже всецѣло принадлежитъ Миллю, но м-съ Тэйлоръ придала этому сочиненію ту соціалистическую окраску, которая отличаетъ книгу Милля отъ прочихъ курсовъ политической экономіи. Такъ, благодаря ея настойчивымъ убѣжденіямъ, Милль прибавилъ къ своему трактату главу «о будущности рабочихъ классовъ». Объ этой книгѣ Милль говоритъ: «Абстрактная и чисто-научная часть сочиненія принадлежала мнѣ; но отъ нея исходилъ гуманный элементъ, проникающій собой всю книгу. Я былъ ея ученикомъ во всемъ, что касалось приложенія философіи къ требованіямъ человѣческаго общества и прогресса».

Эти слова лучше всего показываютъ намъ, какое вліяніе м-съ Тэйлоръ имѣла на Милля, какъ на ученаго: она не давала ему углубиться въ дебри абстракціи и постоянно напоминала о реальной жизни и о людяхъ, счастье которыхъ должно быть цѣлью всякаго знанія. Своимъ впечатлительнымъ, отзывчивымъ характеромъ она предохраняла его отъ сухости и односторонности и заставляла интересоваться тѣмъ, что выходило изъ сферы его научныхъ занятій. Въ области общественныхъ вопросовъ она была смѣлѣе и радикальнѣе Милля. До знакомства съ м-съ Тэйлоръ онъ былъ только демократомъ, а подъ ея вліяніемъ сталъ симпатизировать соціализму. Главное же ея значеніе для Милля заключалось въ томъ, что она была для него нравственной поддержкой, жила его интересами, возбуждала его энергію и заставляла его идти все впередъ и впередъ.

Единственная книга Милля, которая дѣйствительно столько же принадлежитъ его женѣ, сколько и ему самому, была книга «О подчиненности женщины». Милль всегда былъ горячимъ защитникомъ женской эмансипаціи и, какъ мы уже упоминали, разногласіе по этому поводу было одной изъ причинъ его разрыва съ Конттомъ. Книга «О подчиненности женщины», заключающая въ себѣ взгляды Милля на женскій вопросъ, является краснорѣчивымъ, проникнутымъ глубокимъ чувствомъ воззваніемъ въ пользу женской равноправности и независимости. Теперь она уже не представляетъ особеннаго интереса, потому что большинство мнѣній Милля сдѣлалось ходячими истинами, не пуждающимися ни въ какихъ доказательствахъ и обоснованіяхъ. Но въ то время (въ 60-хъ годахъ) это было цѣлымъ событіемъ. Особенно горячо

ратуетъ Милль за необходимость образованія для женщинъ, доказывая, что по своимъ умственнымъ способностямъ женщина стоитъ нисколько не ниже мужчины и что допущеніе женщинъ къ высшему образованію будетъ имѣть громадное, благотворное вліяніе на общество, на семью, а также и на мужчинъ, которые только по какому-то непонятному ослѣпленію возстаютъ противъ того, что было бы величайшимъ счастьемъ для нихъ самихъ. Милль на собственномъ опытѣ зналъ, какое значеніе можетъ имѣть умная и развитая жена, и поэтому съ полнымъ правомъ могъ написать слѣдующія строки: «для мыслителя ничто не можетъ быть полезнѣе, какъ совершать свой трудъ въ обществѣ и подъ критическимъ надзоромъ умной женщины».

Въ 1849 г., значить чрезъ 20 лѣтъ со времени начала ихъ знакомства, мужъ м-съ Тэйлоръ умеръ, и она вышла замужъ за Милля. Милль былъ очень счастливъ въ своей семейной жизни. Они жили очень замкнуто и уединенно, погруженные въ умственные занятія и довольствуясь обществомъ другъ друга. Милль самъ говорилъ про себя впоследствии, что когда онъ былъ счастливъ, онъ не нуждался ни въ какомъ обществѣ и почти совсѣмъ порвалъ всякія сношенія со своими прежними знакомыми. Къ числу немногихъ, бывавшихъ въ домѣ Милля послѣ его женитьбы, принадлежали Карлейль съ его женой. М-съ Милль была большой поклонницей Карлейля. Послѣ женитьбы Милль всѣ вечера проводилъ дома и только разъ въ мѣсяцъ ходилъ въ «Экономическій клубъ». Желаніе повидаться съ нимъ должны были идти къ нему въ зданіе Остъ-Индской компаніи. Дома онъ почти никого не принималъ.

Но это семейное счастье, котораго онъ ждалъ втеченіе столькихъ лѣтъ, продолжалось очень недолго: жена его умерла, черезъ 7 лѣтъ послѣ ихъ свадьбы, въ Авиньонѣ, куда они поѣхали для поправленія ея здоровья. Нечего и говорить о томъ, какъ Милль былъ потрясенъ ея смертью. Онъ похоронилъ ее въ Авиньонѣ и тотчасъ-же вернулся въ Англію, гдѣ втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жилъ совершеннымъ отшельникомъ, не видя буквально никого. Когда Бэнъ старался нѣсколько успокоить его, онъ сказалъ: «Я никогда не оправлюсь отъ этого удара. Отнынѣ я буду только машиной для идей».

Приведемъ отрывокъ изъ его письма къ Торнтону, написанному вскорѣ послѣ смерти жены.

„Надежды, съ какими я поѣхалъ въ это путешествіе, оказались совершенно напрасными. Моя жена, товарищъ всей моей жизни, вдох-

новительница всѣхъ моихъ лучшихъ мыслей, моя путеводная звѣзда -- скончалась! У нея сдѣлалось сильное воспаление легкихъ. Здѣшніе доктора не могли ей помочь, и она умерла раньше, чѣмъ пріѣхалъ нашъ знакомый докторъ изъ Ниццы.

Не думаю, чтобы я былъ въ состояніи теперь дѣйствовать на какомъ-бы то ни было поприщѣ. Жизнь моя подточена въ самомъ корнѣ. Но я всѣми силами буду стараться исполнить ея всегдашнее желаніе и ради ея памяти буду продолжать работать на пользу людей."

Въ характерѣ Милля поражаетъ его необыкновенная воспріимчивость къ чужому вліянію. Онъ всегда нуждался въ чьемъ-нибудь руководствѣ и поддержкѣ. Въ дѣтствѣ на него оказывалъ неограниченное вліяніе отецъ; затѣмъ, когда вліяніе отца ослабѣло, онъ подчинился своимъ новымъ друзьямъ—Стерлингу и Карлейлю. Наконецъ, м-съ Тэйлоръ совершенно овладѣла его умомъ и сердцемъ и сдѣлалась свѣтомъ и радостью его жизни. Потеря жены была-бы еще болѣе тяжела для Милля, если-бы послѣ ея смерти онъ остался совсѣмъ одинокимъ. Но съ нимъ оставалась его падчерица, Елена Тэйлоръ, которую онъ любилъ, какъ свою родную дочь, и привязанность которой помогла ему перенести тяжелое горе.

Несмотря на страшное нравственное потрясеніе, Милль не могъ долгое время оставаться празднымъ и въ скоромъ времени принялся за работу. Онъ былъ совершенно свободенъ, такъ какъ съ 1858 г. не состоялъ больше на службѣ въ Остъ-Индской компаніи и могъ жить гдѣ ему угодно, получая отъ правительства пенсію въ 15.000 р. Не желая разставаться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ умерла его жена, Милль купилъ небольшое помѣстье вблизи Авиньона и поселился тамъ вмѣстѣ со своей падчерицей. Онъ жилъ очень уединенно, почти ни съ кѣмъ не видался, но поддерживалъ оживленныя сношенія со своей родиной при помощи личной переписки съ соотечественниками. Журналы и газеты, за которыми онъ слѣдилъ очень тщательно, знакомили его съ политическимъ положеніемъ Англіи, а собственная литературная дѣятельность давала ему возможность оказывать вліяніе на общественное мнѣніе.

Въ 1859 г. Милль выпустилъ книгу «О свободѣ»---сочиненіе, въ которомъ принимала дѣятельное участіе его покойная жена; въ 1860 г. -- «Исслѣдованіе о представительномъ правленіи», а въ 1861 г. -- «Утилитаріанизмъ». Въ 1865 г. онъ напечаталъ обширное сочиненіе «О философіи Гамильтона», посвященное метафизическимъ вопросамъ о границахъ познанія, критеріи истины, происхожденіи нашихъ вѣрованій, о существованіи вѣшняго міра и матеріи, о свободѣ воли, и т. д. Сочиненіе это давало метафизич-

ческое основаніе всѣмъ тѣмъ воззрѣніямъ, которыя были развиты Миллемъ въ «Системѣ логики», и оно интересно, помимо глубины и серьезности содержанія, еще и тѣмъ, что въ немъ глава современной эмпирической школы дѣлаетъ нѣкоторыя уступки идеализму.

Кромѣ этихъ крупныхъ сочиненій, Милль написалъ за это время цѣлый рядъ статей и памфлетовъ политическаго содержанія. Оставаясь, по большей части, вдали отъ Англiи, онъ принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ событіяхъ, и когда въ 1865 г. ему предложено было выступить кандидатомъ либеральной партіи въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ Вестминстера, очъ охотно принялъ это предложеніе. Но со своей обычной искренностью и прямою онъ открыто объявилъ условія, на которыхъ соглашался выступить кандидатомъ въ парламентъ. Во-первыхъ, вслѣдствіе своего убѣжденія въ несправедливости обычая, требовавшаго, чтобы кандидатъ своими деньгами расплачивался за всѣ избирательныя издержки, онъ отказывался принять издержки по избранію на свой счетъ. Во-вторыхъ, онъ не соглашался отвѣчать на вопросъ о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, и въ-третьихъ, онъ заранѣе объявилъ, что въ своей парламентской дѣятельности не будетъ имѣть въ виду мѣстныхъ интересовъ Вестминстера.

Эти условія были приняты избирателями. Милль пріѣхалъ въ Вестминстеръ и нѣсколько разъ говорилъ публично на митингахъ, устраиваемыхъ преимущественно рабочими, бывшихъ горячими приверженцами радикальнаго философа и экономиста. На одномъ собраніи, среди многочисленной толпы рабочихъ, Миллю былъ предложенъ вопросъ: правда-ли, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ обвинялъ англійскихъ рабочихъ въ пристрастіи ко лжи? И Милль немедленно, безъ всякаго колебанія, отвѣтилъ: «да». Этотъ отвѣтъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій, — рабочіе до такой степени привыкли къ лстивымъ заискиваніямъ людей, нуждавшихся въ ихъ поддержкѣ, что были поражены мужественною прямою Милля.

Милль былъ выбранъ въ парламентъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Кабинетный ученый, привыкшій жить среди книгъ, въ мірѣ абстракцій и умозрѣній, и разсматривавшій всѣ вопросы текущей политики съ высшей философской точки зрѣнія, не могъ быть искуснымъ политикомъ и вождемъ партіи. Тѣмъ не менѣе онъ занималъ въ парламентѣ очень вліятельное положеніе. Приведемъ слова Гладстона о Миллѣ:

„Мы всѣ знали умственное превосходство Милля, но его парламентская дѣятельность доказала также его рѣдкую нравственную вы-

соту. Я его называлъ „святымъ раціонализмомъ,“ хотя этотъ эпитетъ не совсѣмъ выражалъ мою мысль. Онъ былъ совершенно чуждъ тѣхъ эгоистическихъ чувствъ и желаній, которыя обыкновенно вліяютъ на членовъ парламента. Его рѣчи походили на проповѣди. Онъ былъ полезенъ намъ всѣмъ, и ради самого парламента я радовался его появленію въ нашей средѣ и сожалѣлъ объ его удаленіи.“

Но, несмотря на уваженіе, съ которымъ въ парламентѣ относились къ Миллю его друзья и противники, онъ не игралъ большой политической роли и стоялъ особнякомъ, сохраняя свободу дѣйствій и не примыкая ни къ какой опредѣленной партіи. Въ своей «Автобіографіи» онъ воспоминаетъ два случая, когда обстоятельства позволили ему оказать существенныя услуги обществу и народу. Оба случая настолько характерны, что на нихъ стоитъ остановиться.

Въ 1866 г. въ Ямаикѣ произошло возстаніе, подавленное съ большой жестокостью губернаторомъ Эйромъ, который сжигалъ цѣлыя селенія и безъ всякаго основанія повѣсилъ нѣсколькихъ неповинныхъ людей. Либеральная партія въ Англіи была возмущена этими жестокостями и требовала, чтобы губернаторъ былъ отозванъ. Многіе не довольствовались простой отставкой губернатора и требовали преданія его суду. Милль произнесъ въ парламентѣ горячую рѣчь въ защиту этого требованія, но оно тѣмъ не менѣе было отвергнуто палатой. Тогда изъ среды лицъ, рѣшившихся во что-бы то ни стало добиться наказанія Эйра, былъ избранъ комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ Милль. Общественное мнѣніе Англіи стояло на сторонѣ правительства. Жестокости Эйра признавались необходимыми для подавленія возстанія, угрожавшаго опасностью для колониальнаго могущества Англіи. На Милля градомъ сыпались порицанія и насмѣшки, его имя сдѣлалось чрезвычайно непопулярно среди господствующихъ классовъ, его упрекали въ недостатокѣ патріотизма и политическаго смысла; особенно ревностные защитники Эйра доходили до того, что угрожали смертью неустранимому ноборнику справедливости. Но онъ втеченіе двухъ лѣтъ неутомимо продолжалъ кампанію, агитировалъ въ парламентѣ, устраивалъ митинги и писалъ въ газетахъ, чтобы склонить общественное мнѣніе на свою сторону. Просьба о преданіи Эйра суду подавалась почти во всѣ суды Англіи, но все было напрасно: англійскій шовинизмъ стѣпной ограждалъ Эйра. Но хотя Милль не достигъ своей цѣли, его горячая защита правъ угнетенныхъ негровъ произвела большое впечатлѣніе на всѣхъ, и съ этого времени англійскіе коло-

ніальные чиновники стали съ большимъ уваженіемъ относиться къ подвластному населенію.

Это показываетъ намъ, съ какой энергіей Милль могъ бороться за то, что онъ признавалъ истиной. Съ другой стороны въ описанномъ эпизодѣ рѣзко проявилась одна характерная черта Милля, о которой мы еще не говорили: типичный англичанинъ, прожившій почти всю жизнь въ Англіи, онъ былъ совершенно чуждъ англійскаго шовинизма. Его особенной симпатіей пользовалась Франція, и онъ любилъ противопоставлять веселыхъ, откровенныхъ и общительныхъ французовъ своимъ чопорнымъ и скучающимъ соотечественникамъ. Вообще Милль не любилъ англійскаго общества и, насколько могъ, старался его избѣгать. Свое полное безпристрастіе въ вопросахъ международной политики онъ обнаружилъ во время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ; какъ извѣстно, Англія симпатизировала Южнымъ Штатамъ и едва не была вовлечена въ войну съ Союзомъ. Но Милль, несмотря на опасенія вызвать противъ себя взрывъ общественнаго негодованія, всталъ на сторону сѣверянъ и написалъ памфлетъ въ защиту ихъ дѣла.

Другой случай, который Милль считаетъ своей заслугой передъ обществомъ, заключался въ слѣдующемъ: во время волнений рабочихъ по случаю отверженія парламентомъ билля о реформѣ, правительство запретило устраивать публичные митинги въ Гайдъ-Паркѣ. Несмотря на запрещеніе, рабочіе рѣшились тамъ собраться, запасшись на всякій случай оружіемъ. Правительство, со своей стороны, приказало войскамъ быть на-готовѣ, и можно было опасаться столкновенія, которое стоило бы жизни многимъ. Чтобы предупредить кровопролитіе, правительство обратилось къ Миллю съ просьбой уговорить рабочихъ разойтись.

Онъ принялъ это предложеніе и сказалъ рабочимъ длинную рѣчь, доказывая имъ, что ихъ поведеніе неблагоразумно: они желаютъ вызвать революціонное движеніе, но для революціи они слишкомъ слабы и потому было-бы благоразумнѣе не покидать легальной почвы и постараться достигнуть своихъ цѣлей путемъ закона. Доводы Милля подѣйствовали на рабочихъ, и они спокойно разошлись по домамъ.

Въ парламентской дѣятельности Милля обращаетъ на себя вниманіе его отношеніе къ Ирландскому вопросу. Онъ всегда горячо отстаивалъ интересы ирландскихъ коттеровъ и предсказывалъ, что только энергичными, смѣлыми мѣрами можно разрѣ-

шить Ирландскій вопросъ. Послѣдующія событія доказали справедливость его предсказанія.

Въ 1868 году были назначены новыя выборы въ парламентъ, и Милль потерпѣлъ пораженіе въ Вестминстерѣ. Ему немедленно предложили выступить кандидатомъ въ другихъ избирательныхъ округахъ, но онъ отклонилъ эти предложенія, ссылаясь на слабое здоровье и усталость, и уѣхалъ въ Авиньонъ.

Милль объясняетъ свое пораженіе тѣмъ, что онъ принималъ участіе въ публичной подпискѣ для покрытія избирательныхъ издержекъ радикальнаго и атеистическаго депутата Брэдло. Сочувствіе атеисту было такимъ большимъ грѣхомъ въ глазахъ избирателей Вестминстера, что они предпочли на мѣсто Милля выбрать консервативнаго депутата.

Послѣдніе нѣсколько лѣтъ жизни Милля мирно и спокойно прошли въ Авиньонѣ. Въ одномъ письмѣ къ своему другу Торнтону онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свою домашнюю обстановку.

„Елена (его падчерица) выполнила свою мечту и устроила для меня крытую галерею, въ которой я могу гулять въ холодную и дождливую погоду. Терраса тоже увеличена и охватываетъ обѣ стороны дома. Кромѣ того Елена устроила небольшую комнату для моихъ гербаріевъ, съ ящиками для растеній, полками для ботаническихъ книгъ и большимъ столомъ посредній для препаровки растеній. Вы видите, я живу какъ въ монастырѣ, и можете себѣ представить, съ какимъ пренебреженіемъ я думаю о парламентскихъ залахъ, которыя при всѣхъ своихъ удобствахъ не могли-бы предоставить мнѣ этихъ скромныхъ радостей жизни.“

Въ 1871 году умеръ близкій другъ Милля, историкъ Гротъ, и былъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Милль пріѣхалъ на его торжественныя похороны и замѣтилъ при этомъ Бэну: «Скоро и меня похоронятъ, хотя и безъ такихъ церемоній». Его силы замѣтно слабѣли. Морлей, извѣстный либеральный писатель и общественный дѣятель, слѣдующимъ образомъ описываетъ свое послѣднее свиданіе съ Миллемъ:

„Онъ съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню, чтобы провести день со мной. Онъ былъ въ спокойномъ и пріятливомъ настроеніи духа. Мы, не слыша, шли по поросшей травой дорогѣ, окаймленной съ обѣихъ сторонъ кустами вереска и тисса; передъ нами разстилались живописныя мѣловые холмы, перемежающіеся съ зеленѣющими полями, и Милль живо наслаждался этой мирной картиной природы. Какъ извѣстно, онъ страстный ботаникъ, и каждыя десять минутъ онъ останавливался, чтобы сорвать тотъ или другой цвѣтокъ... Понятное дѣло, мы много разговаривали и Милль говорилъ очень хорошо. Онъ соглашался, что Гете внесъ много новаго въ поэзію, но его возмущалъ нравственный характеръ Гете. Онъ удивлялся,

какъ человѣкъ, который умѣлъ такъ хорошо описывать скорбь покинутой женщины, могъ въ своей личной жизни такъ дурно относиться къ женщинамъ. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ предпочитаетъ Шиллера. Перейти къ Шиллеру отъ Гете, это все равно, что выйти на свѣжій воздухъ изъ оранжереи. Онъ говорилъ, что проза Ж. Зандъ дѣйствуетъ на него какъ музыка, и что онъ не знаетъ болѣе совершеннаго прозаическаго стиля.

Далѣе онъ разсказывалъ, что его радикальные друзья были очень недовольны его пристрастіемъ къ Уордсворту, но онъ обыкновенно возражалъ имъ: Уордсвортъ вамъ не нуженъ во время борьбы, но когда побѣда будетъ одержана, люди, болѣе чѣмъ когда либо, будутъ нуждаться въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя поддерживаются и питаются чтеніемъ Уордсворта... Когда мы пришли домой, Милль сталъ съ дѣтской веселостью болтать съ моими дѣтьми о полевыхъ цвѣтахъ, о жизни насекомыхъ и пѣніи птицъ. Ему очень хотѣлось послушать пѣніе соловья. Вечеромъ я отвезъ его на станцію желѣзной дороги, и такимъ образомъ и этотъ свѣтлый день моей жизни прошелъ, какъ проходить все хорошее и дурное."

Милль умеръ 67-ми лѣтъ, 8 мая 1873 года, въ Авиньонѣ. За нѣсколько дней до смерти онъ вышелъ погулять и собралъ первые весенніе цвѣты. Онъ заболѣлъ совершенно внезапно. Когда ему сообщили, что нѣтъ надежды на выздоровленіе, онъ спокойно сказалъ: «Мое дѣло сдѣлано», и встрѣтилъ смерть такъ-же мужественно, какъ и жилъ.

Милля похоронили въ Авиньонѣ, рядомъ съ его женой.

ГЛАВА VII.

Философская и научная дѣятельность Милля.

Генри Томас Бокль, извѣстный авторъ «Исторіи цивилизаціи Англіи», говоритъ въ одной изъ своихъ статей, что если-бы изъ величайшихъ мыслителей Европы былъ составленъ судъ присяжныхъ для рѣшенія вопроса, кто изъ всѣхъ современныхъ писателей больше всего сдѣлалъ для успѣховъ знанія, то они не усомнились-бы назвать имя Джона Стюарта Милля. Эта высокая оцѣнка значенія литературной дѣятельности Милля безъ всякаго сомнѣнія значительно преувеличена; многіе современные писатели и ученые оставили послѣ себя болѣе глубокой слѣдъ въ исторіи человѣческой мысли, проявили въ своихъ сочиненіяхъ больше силъ и творческой силы, чѣмъ знаменитый авторъ «Системы логики» и «Политической экономіи». Достаточно назвать Ог. Конта, творца позитивной философіи, чтобы убѣдиться въ томъ,

что пальма первенства не можетъ быть присуждена Миллю. Въ противоположность Ог. Контю, Милль не создалъ новой школы и не разработалъ законченной философской системы. Онъ самъ былъ последователемъ другихъ, болѣе оригинальныхъ мыслителей и развивалъ тѣ идеи, которыя были открыты его предшественниками. Тѣмъ не менѣе онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, содѣйствовалъ распространенію во всемъ цивилизованномъ мірѣ правильнаго пониманія духа современной науки, возникшей на почвѣ изученія природы. Сочиненія Милля, написанныя прекраснымъ, живымъ языкомъ, пользуются въ настоящее время такой популярностью, которая лучше всего свидѣтельствуетъ о громадномъ значеніи трудовъ Милля въ исторіи умственнаго развитія нашего времени. О распространенности его сочиненій можно судить по количеству изданій ихъ на англійскомъ языкѣ. Такъ, до 1885 г. «Система логики» выдержала 10 изданій, «начала политической экономіи»—8, «Разсужденія о философіи Гамильтона»—5, «О подчиненности женщинъ»—4, «О свободѣ» и «Утилитаріанизмъ»—3 изданія и т. д. Кромѣ того надо принять во вниманіе, что сочиненія Милля переведены на всѣ европейскіе языки (на русскомъ языкѣ, напримѣръ, «Начала политической экономіи» выдержали два изданія),—и тогда мы убѣдимся, что произведенія этого замѣчательнаго писателя должны были обладать какими-нибудь рѣдкими и даже исключительными достоинствами, чтобы до такой степени завоевать себѣ симпатіи читателей Англии и всего континента.

Предметомъ изслѣдованія Милля была психическая жизнь человѣчества въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Изученіе психическихъ процессовъ отдѣльной личности служило ему основаніемъ для разработки социальныхъ вопросовъ: жизнь индивидуума и общества—вотъ постоянная тема сочиненій Милля. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что социальная наука не можетъ имѣть самостоятельнаго характера, и что законы социальныхъ явленій могутъ быть открыты только тогда, когда мы поймемъ явленія, происходящія въ душѣ отдѣльнаго человѣка.

Главной задачей нашего времени Милль считалъ построеніе социальной науки. Мы видѣли при описаніи его жизни, что надежда сдѣлаться реформаторомъ человѣчества была мечтой его юности. Въ зрѣломъ возрастѣ Милль не ставилъ себѣ такихъ высокихъ и неосуществимыхъ задачъ; онъ убѣдился, что великая социальная реформа есть дѣло далекаго будущаго и что, прежде чѣмъ приступить къ ней, нужно поставить на научную почву из-

ученіе естественныхъ явленій, открыть тѣ законы, которымъ человеческое общество, такъ-же какъ и все въ мірѣ, подчинено съ роковой необходимостью. Нужно создать социальную науку, и это становится для Милля новой цѣлью жизни.

Раньше чѣмъ приступить къ изслѣдованію какого-либо явленія, необходимо знать, какимъ образомъ, при посредствѣ какого метода, мы должны вести изслѣдованіе, чтобы прійти къ истиннымъ результатамъ. Самое логическое и правильное умозаключеніе не приведетъ насъ ни къ чему, если мы будемъ исходить изъ неправильныхъ посылокъ. Поэтому построеніе социальной науки невозможно до тѣхъ поръ, пока не будетъ установленъ методъ изслѣдованія социальныхъ явленій. Если-бы даже намъ удалось открыть истинные законы социального строя, то мы лишены всякой возможности доказать ихъ справедливость, если намъ недостаточно извѣстно, что должно служить основаніемъ для доказательства. Возьмемъ, напримѣръ, спорный вопросъ о преимуществахъ свободной торговли. Противники теоріи Адама Смита ссылаются обыкновенно на опытъ тѣхъ странъ, которыя облагали высокими пошлинами ввозные товары, производимые также внутри страны, и достигали при этомъ большого благосостоянія. Такъ поступала Англія до половины текущаго столѣтія, такъ поступалъ во Франціи Кольберъ, создавшій въ короткое время цвѣтущую промышленность въ странѣ, носившей до этого времени преимущественно земледѣльческой характеръ. Могутъ-ли эти примѣры опровергать теорію свободной торговли? Слѣдуетъ-ли выводить социальные законы изъ наблюденія историческихъ фактовъ, какъ утверждаютъ многіе историки, въ томъ числѣ и Макколей, или же правы экономисты школы Смита и Рикардо, которые, при построеніи своей теоріи, исходятъ изъ немногихъ общихъ посылокъ и заботятся только о томъ, чтобы ихъ послылки были вѣрны и умозаключенія построены согласно законамъ логики? Пока эти вопросы не разрѣшены удовлетворительнымъ образомъ, разногласія среди ученыхъ, изучающихъ социальные явленія, не могутъ прекратиться, и социальная наука будетъ оставаться въ такомъ же хаотическомъ состояніи, какъ и прежде.

Такимъ образомъ Милль пришелъ къ мысли, что прежде, чѣмъ приступить къ построенію науки объ обществѣ, необходимо изслѣдовать логическіе процессы вообще, опредѣлить характерныя черты методовъ, при помощи которыхъ современная наука достигла такихъ блестящихъ результатовъ въ области

изученія природы. Самое замѣчательное произведеніе Милля— «Система логики» было посвящено этимъ вопросамъ.

Прежде всего, что такое логика, каково ея содержаніе? Всѣ прочія науки изучаютъ опредѣленную область явленій природы, а логика имѣетъ своимъ предметомъ самыя науки, она изслѣдуетъ самый процессъ умозаключеній, изъ которыхъ слагаются наши знанія. Изученіемъ мыслительныхъ процессовъ занимается не только логика, но и психологія, но между этими двумя науками есть одно коренное различіе. Психологъ стремится узнать законы, по которымъ въ нашемъ духѣ возникаютъ и группируются идеи, а логикъ ограничиваетъ свою задачу опредѣленіемъ того, насколько истинны или ложны изслѣдуемія имъ умозаключенія. Для логики процессъ умозаключенія есть данный фактъ, происхожденіемъ котораго она не интересуется. Ея дѣло сдѣлано, если она установила ясныя и точныя правила, съ помощью которыхъ всегда можно различить истину отъ лжи, доказать— вѣрно или невѣрно данное умозаключеніе. Другими словами, «логика есть теорія доказательствъ».

И такъ, прежде всего, что же доступно нашему познанію? Возьмемъ любое сужденіе о конкретномъ или абстрактномъ предметѣ. напр. сужденіе: «это яблоко вкусно», и попробуемъ опредѣлить, въ чемъ заключается реальное содержаніе утверждаемой нами мысли. Говоря объ этомъ яблокѣ, мы разумѣемъ совершенно опредѣленный предметъ, который производитъ извѣстнаго рода впечатлѣніе на наши органы чувствъ. Яблоко имѣетъ круглую форму, т. е. мы не замѣчаемъ въ немъ никакихъ угловъ при осматриваніи его со всѣхъ сторонъ; оно окрашено въ желтоватый или розоватый цвѣтъ, другими словами, мы испытываемъ ощущеніе желтаго и розоваго цвѣта, когда на него смотримъ; оно обладаетъ нѣкоторымъ вѣсомъ, въ этомъ мы убѣждаемся потому, что когда мы беремъ яблоко въ руки, мы испытываемъ ощущеніе тяжести; оно твердо и гладко— при надавливаніи на яблоко, мы встрѣчаемъ извѣстное сопротивленіе, и т. д. Мы видимъ, что все наше понятіе о яблокѣ слагается изъ различныхъ ощущеній, совокупность которыхъ и составляетъ то, что мы обозначаемъ этимъ словомъ. Во всемъ понятіи не оказалось никакихъ другихъ элементовъ. Правда, мы убѣрены въ томъ, что помимо этой совокупности ощущеній существуетъ и нѣчто реальное, виѣ насъ, вызывающее въ насъ эти ощущенія. Но, говоря это, мы утверждаемъ существованіе таинственнаго «нѣчто», которое всегда будетъ опредѣленнымъ образомъ дѣйствовать на насъ, какъ только оно войдетъ въ соприкосновеніе

съ нашими органами чувствъ. Единственное, что мы можемъ знать о яблокѣ, это тѣ ощущенія, которыя оно въ насъ вызываетъ.

Мы говорили, что яблоко вкусно. Но всѣмъ прочимъ, уже извѣстнымъ намъ свойствамъ яблока мы прибавили новое—пріятный вкусъ. Последнимъ словомъ мы опредѣляемъ ощущенія, которыя мы испытываемъ, когда ѣдимъ яблоко. Слѣдовательно, и подлежащее, и сказуемое разбираемаго нами предложенія относятся только къ нашимъ ощущеніямъ.

Всякое сужденіе о внѣшнемъ мірѣ, обо всей вселенной, которую мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, и т. д., имѣетъ такой-же характеръ, какъ и только-что разобранный нами. Чтò бы мы ни утверждали относительно всего мірозданія или его части, все сводится въ концѣ концовъ къ ощущеніямъ. Но, можетъ быть, мы знаемъ больше относительно самихъ себя, нашего внутренняго міра? Внимательный анализъ показываетъ, что и въ этомъ смыслѣ наше знаніе не болѣе глубоко.

Мы сознаемъ мысли, чувства, желанія, которыя наполняютъ нашу душу. Но что такое представляетъ сама наша душа, независимо отъ всѣхъ ея проявленій—это намъ такъ же мало извѣстно, какъ и вопросъ о томъ, что такое внѣшній міръ. Относительно своего «я» мы тоже должны довольствоваться скуднымъ познаніемъ своихъ душевныхъ состояній, не пытаясь проникнуть въ сущность вещей.

И такъ, все наше знаніе основывается на опытѣ, на фактахъ, ибо ощущенія, испытываемыя нами подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, и составляютъ то, чтò мы называемъ фактами.

Самое абстрактное сужденіе представляетъ собой не что иное, какъ сложное выраженіе соотношенія между фактами. Мы знаемъ только факты и всѣ наши разсужденія сводятся къ тому, что мы на основаніи извѣстныхъ фактовъ заключаемъ о неизвѣстныхъ. Истина есть согласіе съ фактами и, слѣдовательно, единственный критерій истины есть опытъ.

Это положеніе есть краеугольный камень всей философіи Милля. Ему случалось втеченіе своей жизни измѣнять взгляды на многіе философскіе вопросы, но относительно этого пункта онъ былъ совершенно непоколебимъ и не вступалъ ни въ какіе компромиссы съ противниками. Вопросъ о критеріи истины онъ признавалъ основаніемъ всякой философской системы; кто утверждалъ существованіе другого критерія, тотъ, по его мнѣнію, принадлежалъ къ метафизической школѣ.

Но помимо чисто-философскаго значенія правильнаго разрѣ-

шенія вопроса о критеріи истины, Милль приписывалъ ему громадное нравственное вліяніе на характеръ человѣка и былъ глубоко убѣжденъ, что въ общественной жизни только тѣ могутъ настойчиво и энергично бороться съ устарѣлыми учрежденіями, основанными на принципѣ авторитета, кто, по своимъ философскимъ убѣжденіямъ, отрицаетъ сверхчужественное происхожденіе знанія. Ученіе о врожденныхъ идеяхъ казалось Миллю прочной опорой всякихъ политическихъ и религіозныхъ предразсудковъ, и потому онъ думалъ, что социальная реформа сдѣлается возможной только, когда въ области философіи будетъ твердо установленъ принципъ опытнаго происхожденія всего нашего знанія.

Идеалисты и метафизики, несогласные съ этими взглядами, ссылаются обыкновенно на примѣръ математическихъ аксіомъ, истинность которыхъ познается помимо всякаго опыта, а отрицаніе которыхъ представляется намъ совершенно невысказаннымъ. Такъ, напр., геометрическая аксіома, что «двѣ прямыя линіи не могутъ заключать пространства» не могла возникнуть изъ опыта по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, опытъ никогда не могъ насъ убѣдить, что двѣ прямыя линіи, продолженныя на громадное разстояніе, тысячи и миллионы верстъ, не пересѣкутся болѣе одного раза, ибо такого опыта мы никогда не дѣлали; во-вторыхъ, мы вовсе не нуждаемся въ опытѣ, чтобы убѣдиться въ истинности этой аксіомы: намъ для этого достаточно воспроизвести двѣ прямыя линіи въ своемъ воображеніи; въ третьихъ, истины, выведенныя изъ опыта, никогда не кажутся намъ необходимыми—такъ, напр., мы изъ ежедневнаго опыта убѣждаемся, что послѣ ночи всегда слѣдуетъ день, и несмотря на это, мы легко можемъ представить себя, что ночь будетъ продолжаться неопредѣленно-долгое время и день никогда не наступитъ; между тѣмъ, попробуемъ отрицать математическія аксіомы—попробуемъ представить себѣ, что двѣ прямыя линіи заключаютъ собой пространство, и мы немедленно убѣдимся въ полной невозможности вызвать въ своемъ умѣ требуемое представленіе. На основаніи всего этого идеалисты утверждаютъ, что наше знаніе математическихъ аксіомъ не вытекаетъ изъ опыта, а прирождено нашей познавательной способности.

Возраженіе это очень серьезно и всегда составляло твердыню идеализма. Милль прекрасно сознавалъ важность непріятельской позиціи и направлялъ всѣ силы своей аргументаціи, чтобы выбить изъ нея врага. Онъ долженъ былъ согласиться съ идеалистами, что воспроизведеніе геометрическихъ фигуръ въ воображеніи

совершенно замѣняетъ геометрической опытъ. Это зависитъ отъ простоты и несложности пространственныхъ воспріятій, къ которымъ мы привыкли съ ранняго дѣтства; постоянно испытываемыя нами впечатлѣнія времени и пространства воспроизводятся нами въ воображеніи лучше, чѣмъ все остальные впечатлѣнія вѣшняго міра. Поэтому, относительно математическихъ аксіомъ, внутренней духовный опытъ съ полнымъ успѣхомъ можетъ замѣнить дѣйствительныя наблюденія.

Геометрическая фигура, которую я рисую въ своемъ воображеніи, совершенно подобна такой же фигурѣ, нарисованной на бумагѣ, и съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ служить основаніемъ для моихъ выводовъ. Правда, мы никогда не видали двухъ прямыхъ линій, продолженныхъ на миліоны верстъ, но чтобы убѣдиться, что они не заключаютъ пространство, намъ не нужно слѣдить за ними на громадныя разстоянія; достаточно перенестись мысленно въ ту точку, гдѣ они пересѣклись во второй разъ, чтобы ясно увидать, что линіи перестали быть прямыми и изогнулись.

Наконецъ, что касается утвержденія идеалистовъ относительно немыслимости отрицанія аксіомъ, то оно, по мнѣнію Милля, основано на маломъ знакомствѣ съ исторіей человѣческой мысли. Многое изъ того, что мы считаемъ теперь мыслимымъ, признавалось немыслимымъ нашими предками, и наоборотъ. Такъ, напр., въ средніе вѣка противъ шарообразности земли выставляли слѣдующій аргументъ: еслибы земля была шарообразна, то существовали бы люди, обращенные къ намъ ногами; они должны были-бы ходить внизъ головой, а это признавалось немыслимымъ. Тѣмъ не менѣе, теперь мы знаемъ, что антияподы существуютъ и не видимъ въ этомъ ничего немыслимаго. Милль приводитъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ, для доказательства своей мысли. Онъ объясняетъ психологическую невозможность отрицать математическія аксіомы тѣмъ, что въ нашемъ умѣ образовались прочныя и неразрывныя ассоціаціи представленій времени и пространства, отъ которыхъ мы освободиться не въ силахъ.

Такимъ образомъ все наше знаніе исчерпывается знаніемъ фактовъ. Какимъ же путемъ мы можемъ открывать новыя истины, восходить отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ? Средневѣковая логика признавала только одинъ такой путь—силлогизмъ.

Силлогизмъ—это дѣль умозаключеній, построенныхъ по извѣстному типу: большая посылка содержитъ въ себѣ какое-нибудь общее положеніе относительно дѣлага класса явленій, напримѣръ:

«всѣ люди смертны»; меньшая посылка констатируетъ принадлежность къ этому классу какого-либо отдѣльнаго явленія, напримѣръ: «я—человѣкъ»; выводъ состоитъ въ томъ, что отдѣльному явленію приписываются свойства класса; напримѣръ, «я смертенъ».

Но узнаемъ-ли мы при помощи силлогизма что-либо новое? Когда я говорю, что всѣ люди смертны, то этимъ я утверждаю смертность Ивана, Петра, Андрея, словомъ—смертность каждаго человѣка, въ томъ числѣ и меня самого; слѣдовательно, выводъ «я смертенъ»—съ самаго начала заключается въ большой посылкѣ и мы не подвинулись ни на шагъ въ открытіи истины. Если только признать, что задача силлогизма заключается въ томъ, чтобы открывать въ особи свойства, извѣстныя намъ относительно цѣлаго класса, то силлогизмъ обратится въ пустую игру словъ, ненужную тавтологію, замѣну одного выраженія другимъ.

Между тѣмъ въ дѣйствительности это не такъ. Хотя формально основаніемъ силлогизма служить большая посылка, въ сущности мы исходимъ совсѣмъ изъ другого. Большая посылка играетъ роль записной книги, куда мы, для памяти, заносимъ свои впечатлѣнія. Когда намъ нужно сдѣлать выводъ относительно какого-нибудь отдѣльнаго случая, мы вынимаемъ книжку и справляемся съ ея содержаніемъ.

Такъ, напримѣръ, когда я говорю, что я смертенъ, то истиннымъ основаніемъ моего умозаключенія служитъ наблюденіе, что всѣ люди, жившіе раньше меня, умерли. Другими словами, я дѣлаю свой выводъ не изъ общаго положенія, а изъ отдѣльныхъ частныхъ случаевъ, которые мнѣ приходилось наблюдать, или о которыхъ я знаю со словъ другихъ людей. Итакъ, мы заключаемъ въ силлогизмѣ отъ частнаго къ частному; большая посылка играетъ лишь вспомогательную роль при нашихъ умозаключеніяхъ. Но мы можемъ прекрасно обходиться безъ ея помощи: животныя, дѣти и люди мало образованные всегда заключаютъ отъ частныхъ случаевъ къ частнымъ, не облакая своихъ наблюденій въ форму общихъ положеній.

Мы видимъ, что и при силлогизмѣ источникомъ нашего знанія все-таки остается наблюденіе и опытъ. Другими словами, всякому силлогизму должно предшествовать обобщеніе частныхъ случаевъ, т. е. индукція.

Разработка теоріи индукціи составляетъ главную заслугу Милля. Но формѣ силлогизмъ противоположенъ индукціи; въ первомъ случаѣ мы исходимъ отъ общаго къ частному, а во второмъ,

восходимъ отъ частнаго къ общему. На основаніи наблюденія отдѣльныхъ явленій, мы заключаемъ относительно цѣлаго класса, обобщаемъ частные случаи и получаемъ возможность предсказывать такія явленія, которыя были совершенно недоступны непосредственному наблюденію.

Этотъ процессъ и называется индукціей. Существеннымъ его признакомъ является то, что онъ всегда расширяетъ наше знаніе. Если мы констатируемъ извѣстное свойство цѣлаго ряда особей на основаніи того, что мы ихъ нашли у каждой особи въ отдѣльности, то этотъ выводъ не будетъ индукціей, а простой замѣной одного выраженія другимъ. Такъ, напр., если мы заключимъ, на основаніи изученія формы правленія американскихъ государствъ, что всѣ самостоятельныя государства Америки—республики, то нашъ выводъ не будетъ шире посылокъ, и потому не составитъ индукціи.

Основаніемъ индукціи является наше убѣжденіе въ единообразіи природы. Это убѣжденіе человѣчество вынесло изъ всей совокупности своего многолѣтняго опыта. Каждый изъ насъ знаетъ, что достаточно наблюдать одинъ разъ явленіе при извѣстныхъ условіяхъ, чтобы получить увѣренность, что всегда, во всякомъ мѣстѣ и во всякое время, будетъ происходить то же самое явленіе, если будутъ въ наличности тѣ же самыя условія. Только эта увѣренность даетъ намъ возможность дѣлать обобщенія, открывать свойства класса явленій на основаніи наблюденія единичныхъ случаевъ.

Но всегда ли мы имѣемъ право обобщать частные случаи? У моего знакомаго черные глаза. Слѣдуетъ ли изъ этого, что у всѣхъ людей глаза того-же цвѣта?

Очевидно, что нѣтъ. Слѣдовательно, обобщеніе не всегда возможно и мы должны опредѣлить тѣ условія, при которыхъ оно дѣлается орудіемъ истины, а не источникомъ заблужденій.

Научная индукція возможна только относительно явленій, между которыми существуетъ причинная связь. Понятіе *причины* есть краеугольный камень всей теоріи индуктивнаго процесса. Что-же такое причина?

Относительно этого понятія существуетъ цѣлая литература. Каждая философская школа толкуетъ его по своему. Милль принадлежитъ къ школѣ Юма и не говоритъ ничего о таинственной связи причины со слѣдствіемъ, которая занимаетъ метафизиковъ. Для него «причина есть все неизмѣнно-предшествующее явленію, а слѣдствіе — все неизмѣнно-послѣдующее... Настоящую причину составляютъ всѣ факты, всѣ условія, безъ которыхъ не могло-бы

явиться слѣдствіе... Нѣтъ научнаго основанія въ различіи, которое проводится между причиною явленія и его условіями. Причина есть сумма всѣхъ условій, положительныхъ и отрицательныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, совокупность явленій всякаго рода, наступленіе которыхъ неизмѣнно сопровождается слѣдствіемъ.»

Мы видимъ, что причиной изслѣдованнаго явленія Милль называетъ всѣ другія явленія, которыя по нашимъ наблюденіямъ безусловно необходимы для того, чтобы оно наступило. Единообразіе процесса, о которомъ мы только что говорили, проявляется въ томъ, что одна и та же причина всегда производитъ то же самое слѣдствіе. Вся совокупность нашего знанія, всѣ научные законы основываются на этомъ предположеніи. Если намъ удалось найти причины извѣстнаго явленія, то мы смѣло можемъ обобщать частный случай и утверждать, не опасаясь ошибки, что найденная нами причина всегда будетъ производить такія-же явленія, какъ и наблюдаемыя нами въ данномъ случаѣ.

Когда причина открыта, тогда построить обобщеніе не трудно. когда-же причина намъ не извѣстна, тогда наша индукція можетъ имѣть лишь приблизительный характеръ и на нее нельзя много полагаться.

Такъ напр., всѣ лебеди, которые водятся въ Старомъ Свѣтѣ, бѣлаго цвѣта; но изъ этого нельзя заключить, что не можетъ быть чернаго лебедя, такъ какъ мы не знаемъ причинной связи между строеніемъ лебедя и его цвѣтомъ. И дѣйствительно, черные лебеди были найдены въ Австраліи.

Вся трудность индукціи заключается въ томъ, чтобы найти причину изслѣдуемаго явленія. Милль установилъ четыре метода, посредствомъ которыхъ возможно находить причины явленія. Изъ этихъ четырехъ методовъ два имѣютъ производный характеръ и только два остальныхъ дѣйствительно представляютъ изъ себя различные типы опытнаго изслѣдованія.

Первый методъ, называемый Миллемъ методомъ согласія, основанъ на слѣдующемъ правилѣ: «Если двумъ или болѣе случаямъ изслѣдуемаго явленія обще лишь одно обстоятельство и только въ этомъ обстоятельствѣ всѣ случаи согласуются, то оно и есть причина или слѣдствіе даннаго явленія». Къ помощи этого метода весьма часто прибѣгаютъ медики при опредѣленіи причинъ болѣзни. Такимъ образомъ былъ найденъ центръ рѣчи въ мозгу человѣка: во всѣхъ случаяхъ, когда наблюдалось разстройство рѣчи, вскрытіе констатировало опредѣленное измѣненіе въ одномъ

и томъ-же участкѣ мозга. Указанное обстоятельство характеризовало всѣ извѣстные случаи нервныхъ заболѣваній, сопровождающихся разстройствомъ рѣчи, несмотря на то, что въ другихъ отношеніяхъ картина болѣзни имѣла самый разнообразный характеръ и соотвѣтственно съ этимъ были также разнообразны анатомическія измѣненія внутреннихъ органовъ. Поэтому совершенно логично заключили, что причиной разстройства рѣчи являются подмѣченные измѣненія мозга и такимъ образомъ было опредѣлено мѣсто находженія нервнаго центра рѣчи.

Методъ согласія не можетъ быть вполнѣ надежнымъ орудіемъ открытія истины. Мы принимали, что обстоятельство, общее всѣмъ случаямъ изслѣдуемаго явленія, — есть его причина; въ дѣйствительности это можетъ быть и не такъ; одно и то-же слѣдствіе можетъ быть произведено различными причинами. Поэтому мы только тогда можемъ пользоваться методомъ согласія, когда мы можемъ изслѣдовать много различныхъ случаевъ, въ которыхъ извѣстное явленіе происходитъ, ибо чѣмъ больше будетъ такихъ случаевъ, тѣмъ менѣе вѣроятно, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ дѣйствуетъ своя особая самостоятельная причина.

Этого недостатка лишень болѣе совершенный методъ разницы. Его правила Милль формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «если случай, въ которомъ явленіе наступаетъ, и случай, въ которомъ оно не наступаетъ, согласуются во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ одного встрѣчающагося только въ первомъ случаѣ, то обстоятельство, составляющее единственную разницу въ этихъ двухъ случаяхъ — и есть дѣйствіе или причина изслѣдуемаго явленія.» Примѣры этого метода такъ многочисленны, что на нихъ не стоитъ останавливаться; ребенокъ, который пугается огня потому, что разъ обжегъ палецъ, разсуждаетъ по методу разницы: когда его палецъ былъ далеко отъ огня — онъ не чувствовалъ боли, но какъ только онъ прикоснулся къ огню, онъ почувствовалъ боль; слѣдовательно причиной боли былъ огонь, потому что единственная разница обоихъ случаевъ заключалась въ этомъ обстоятельствѣ.

Оба метода основаны на одномъ и томъ же приѣмѣ: чтобы найти причину даннаго явленія, мы должны исключить всѣ предшествовавшія явленія, ничѣмъ съ нимъ не связанныя; для этой цѣли мы комбинируемъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ явленіе наблюдается и не наблюдается, и путемъ отвлеченія приходимъ къ тому убѣжденію, что въкоторыя частныя обстоятельства явле-

нія могутъ быть исключены; неисключаемый остатокъ и есть причина. Въ сокращенной формѣ Милль опредѣляетъ такимъ образомъ правила обоихъ методовъ: методъ разницы основывается на томъ, что все, не могущее быть исключеннымъ, связано съ явленіемъ какимъ-либо закономъ. Методъ согласія основывается на томъ, что все могущее быть исключеннымъ не связано съ явленіемъ никакимъ закономъ.

Итакъ, оба метода индуктивнаго изслѣдованія основаны на исключеніи. Когда, по какимъ-либо причинамъ, исключеніе отдѣльныхъ элементовъ разсматриваемаго явленія невозможно, то невозможно пользоваться индукціей. Въ природѣ большая часть явленій находится въ такой тѣсной органической связи, что исключить изъ нихъ какой-либо элементъ — значитъ разрушить все явленіе. Такъ, напримѣръ, организмъ животнаго или растенія представляетъ собой чрезвычайно сложный комплексъ силъ, находящихся въ подвижномъ равновѣсіи. Каждая изъ этихъ силъ безусловно необходима для жизни. Если намъ требуется изучить какое-нибудь сложное жизненное явленіе, напр., кровообращеніе, то индукція окажется совершенно безсильною открыть его причины, ибо кровообращеніе зависитъ одновременно отъ цѣлаго ряда силъ: отъ давленія эластическихъ стѣнокъ сердца и сосудовъ, отъ силы тяжести, капиллярности мелкихъ сосудовъ, атмосфернаго давленія и т. д. Всѣ эти силы дѣйствуютъ одновременно и ни одну изъ нихъ нельзя исключить, такъ какъ онѣ существенно необходимы для жизни. Какъ же быть въ подобныхъ случаяхъ, чѣмъ замѣнить индукцію?

Когда индуктивное изслѣдованіе невозможно, то прибѣгаютъ къ помощи дедуктивнаго метода. Этотъ методъ заключается въ томъ, что составные элементы даннаго сложнаго явленія изучаются порознь; каждая отдѣльная причина изучается особо, и когда мы вполне уяснимъ дѣйствія ихъ всѣхъ, тогда при помощи умозаключенія можно опредѣлить, какія слѣдствія могутъ получиться, если всѣ эти причины будутъ дѣйствовать совместно и одновременно. Если результаты умозаключенія соответствуютъ дѣйствительно наблюдаемымъ фактамъ, то слѣдовательно выводъ сдѣланъ вѣрно и мы открыли причину явленія. Такимъ образомъ дедуктивный методъ складается изъ трехъ частей: индуктивнаго изслѣдованія, вывода и повѣрки.

Самымъ блестящимъ примѣромъ дедукціи можно считать знаменитое открытіе Ньютона причинъ движенія небесныхъ тѣлъ. Ньютонъ предположилъ, что планеты движутся подъ вліяніемъ

двухъ силъ—центростремительной силы, приближающей планеты къ солнцу, и центробѣжной силы, удаляющей ихъ отъ солнца. Законы дѣйствія каждой отдѣльной силы были извѣстны Ньютону изъ опыта; онъ вычислилъ движеніе планетъ подѣ влияніемъ обѣихъ силъ, и оказалось, что дѣйствительность вполне соотвѣтствуетъ результатамъ, полученнымъ путемъ вычисленія. Это совпаденіе доказало справедливость предположенія Ньютона.

Дедуктивный методъ составляетъ самое могучее орудіе человѣческой мысли. Особенное значеніе и важность этого метода зависятъ отъ того, что при выводѣ мы имѣемъ возможность воспользоваться математическими приѣмами и сообщить такимъ образомъ нашему знанію природы точность и достовѣрность математики.

Поэтому наука только тогда достигаетъ совершенства, когда она становится дедуктивной. Астрономія и физика достигли этой ступени, а прочія науки еще не вышли изъ состоянія эмпиризма.

Перейдемъ теперь къ нашей специальной задачѣ — опредѣленія метода социальныхъ наукъ.

Явленія, происходящія въ человѣческомъ обществѣ, отличаются отъ всѣхъ другихъ явленій природы своей сложностью и разнообразіемъ, но они точно также могутъ быть предметомъ научнаго изученія. Если до сихъ поръ сдѣлано въ этой области мало успѣховъ, то это зависитъ, во-первыхъ, отъ сложности задачи и, во-вторыхъ, отъ того, что не разработанъ вопросъ о самомъ методѣ изслѣдованія социальныхъ явленій. На этомъ вопросѣ мы и должны остановиться.

Возможно-ли открывать причины социальныхъ явленій путемъ чистой индукціи? Если-бы мы захотѣли примѣнить методъ разницы къ опредѣленію причинъ того или другого историческаго событія, то мы должны были бы подыскать два примѣра общественныхъ состояній, сходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ того, которое составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. Нечего и говорить, что наши поиски остались-бы безъ успѣха, такъ какъ не существуетъ двухъ народовъ, до такой степени похожихъ другъ на друга, а одианъ и тотъ же народъ не остается одинаковымъ въ разныя историческія эпохи. Методъ согласія еще менѣе подходитъ къ нашей цѣли. Остается дедуктивный методъ, который привелъ къ такимъ блестящимъ открытіямъ въ астрономіи и физикѣ.

Психологія и другія науки изслѣдуютъ элементарные факты человѣческой дунни,— социальная наука должна воспользоваться этими фактами для вывода законовъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія,

которые будутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, законами социальныхъ явленій. Выводы, полученные такимъ образомъ, только въ томъ случаѣ могутъ быть признаны научными законами, если дѣйствительные факты вполне согласуются съ ними.

Между всеми социальными явленіями существуетъ извѣстное взаимодействіе, и потому нельзя изучать одну сторону общественной жизни совершенно независимо отъ остальныхъ. Тѣмъ не менѣе, для облегченія изслѣдованія, полезно выдѣлить въ особую науку изученіе нѣкоторыхъ социальныхъ явленій, которыя зависятъ, главнымъ образомъ, отъ немногихъ основныхъ факторовъ; такъ, возможна особая наука о сельскомъ хозяйствѣ, потому что хозяйственная дѣятельность человѣка подчиняется преобладающему вліянію одного психологическаго мотива — эгоизма. Но выводы, полученные нами при такомъ ограниченіи области изслѣдованій, будутъ, по необходимости, односторонними; это надо всегда имѣть въ виду, чтобы избѣгнуть очень распространенной между экономистами ошибки — отрицать вліяніе всѣхъ другихъ факторовъ общественной жизни — права, нравственности, религій и т. д., на законы народнаго хозяйства.

На ряду съ отдѣльными общественными науками должна существовать общая социальная наука, названная О. Контомъ соціологіей, устанавливающая законъ взаимодействія всѣхъ социальныхъ элементовъ. Главная задача соціологіи заключается въ изслѣдованіи законовъ развитія общества. Законы социального развитія не могутъ быть открыты при помощи дедукціи, такъ какъ человѣческой умъ не въ состояніи прослѣдить на цѣляхъ тысячелѣтій вліяніе громаднаго количества факторовъ, отъ которыхъ зависятъ общественныя явленія. Поэтому при историческомъ изслѣдованіи необходимо нѣсколько видоизмѣнить дедуктивный методъ; то, что было повѣркой, становится первымъ шагомъ изслѣдованія, а выводъ играетъ роль повѣрки. Прежде всего мы должны найти единообразіе, правильность въ послѣдовательности историческихъ фактовъ, обобщить весь тотъ историческій матеріалъ, которымъ мы располагаемъ. Затѣмъ мы должны доказать, что наши историческія обобщенія согласуются съ законами человѣческой природы. Это доказательство служитъ повѣркой нашихъ обобщеній и придаетъ имъ силу и значеніе научнаго закона.

Такимъ образомъ общественныя науки могутъ пользоваться двумя методами дедуктивнымъ и обратно-дедуктивнымъ или историческимъ. Первый методъ преимущественно примѣняется въ политической

экономіи, второй методъ былъ впервые сознательно употребленъ О. Контомъ при построеніи новой науки объ обществѣ, социологін, созданіе которой составляетъ главную задачу нашего времени.

«Система логики» есть наиболѣе глубокое и продуманное сочиненіе Милля. Нельзя сказать, чтобы эта книга проложила новые пути въ области мысли или составила эпоху въ исторіи философін и науки; даже въ теоріи индуктивнаго процесса, составляющей по общему мнѣнію самую цѣнную часть «Системы логики», Милль не былъ вполнѣ оригиналенъ и развивалъ тѣ мысли, которыя уже были высказаны многими другими, въ особенности Гершелемъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ незадолго до появленія книги Милля. Тѣмъ не менѣе Милль достойнымъ образомъ завершилъ цѣлый рядъ мыслителей и ученыхъ, выработавшихъ общими силами систему эмпирической философін. Онъ былъ преемникомъ такихъ крупныхъ людей, какъ Бэконъ, Локкъ и Юмъ, составляющихъ гордость англійской націи, и при этомъ не былъ рабскимъ продолжателемъ ихъ дѣла, не преклонялся передъ ихъ авторитетомъ, но относился вполнѣ самостоятельно къ заимствованной отъ нихъ философской системѣ. Милль воспользовался принципами эмпирической философін для построенія общей теоріи науки, не вполнѣ вѣрно понятой Бэкономъ и его послѣдователями. Подъ вліяніемъ Бэкона среди англійскихъ эмпириковъ укоренилось мнѣніе, что индукція есть единственное орудіе открытія истины, что дедуктивный методъ долженъ быть совершенно отвергнутъ точной наукой. Милль доказалъ несправедливость этого мнѣнія, основаннаго на неправильномъ пониманіи сущности дедукціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ выработалъ законченную теорію индуктивнаго процесса, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго по ясности и послѣдовательности мысли.

Слабѣ всего въ «Системѣ логики» чисто метафизическая сторона. — Послѣдователи Канта врядъ ли будутъ убѣждены доводами Милля, что математическія аксіомы имѣютъ такое-же происхожденіе, какъ и все остальное наше знаніе, основанное на опытѣ и наблюденіи; то-же самое можно сказать относительно сдѣланнаго Миллемъ анализа понятія причины, которое приводитъ его къ парадоксальному предположенію, что на какой-нибудь отдаленной планетѣ могутъ происходить безпричинныя явленія, и т. д. Но каковы-бы ни были метафизическія основы «Логики» Милля, эта книга въ рѣдкой степени проникнута научнымъ духомъ и содержитъ въ себѣ глубокую и вѣрную характеристику

методовъ изслѣдованія природы. Благодаря этому она сразу приобрѣла такую популярность, которая вначалѣ поражала самого автора, и по этой причинѣ до настоящаго времени эта книга остается незамѣнимой школой научнаго мышленія.

Теорія соціальной науки, которой посвящены послѣднія главы «Логики», мало оригинальна. Милль самъ признаетъ, что «Система позитивной философіи» Конта оказывала на него большое вліяніе; отъ Конта онъ заимствовалъ убѣжденіе, что соціологія нуждается въ особомъ «историческомъ» методѣ, отъ него-же онъ почерпнулъ много отдѣльныхъ мыслей относительно взаимодѣйствія соціальныхъ элементовъ, раздѣленія соціологіи на статику и динамику, относительно законовъ развитія общества, и т. д. Вообще, соціологическіе взгляды Милля не отличаются такой глубиной, какъ его философскія воззрѣнія, хотя изученіе соціальныхъ явленій было излюбленнымъ предметомъ его занятій. Большая часть его сочиненій посвящена изслѣдованію различныхъ сторонъ общественной жизни, но всѣ эти изслѣдованія носятъ отрывочный характеръ и не сведены въ одну стройную систему. Поэтому, чтобы ознакомиться съ соціальными теоріями Милля, нужно перечитать его многочисленныя статьи, памфлеты и книги, написанныя по разному поводу.

Самымъ крупнымъ соціологическимъ трудомъ Милля были его «Начала политической экономіи» — обширный трактатъ о законахъ народнаго хозяйства, болѣе всѣхъ другихъ сочиненій содѣйствовавшій распространенію въ англійскомъ обществѣ идей Смита и Рикардо.

По своимъ экономическимъ воззрѣніямъ Милль ближе всего примыкалъ къ школѣ Мальтуса и Рикардо, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ Ор. Конта и сочувствовалъ французскимъ соціалистамъ, особенно сенъ-симонистамъ и Фурье. Школа Мальтуса отрицала возможность улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ путемъ общественныхъ реформъ и стремилась доказать, что распредѣленіе народнаго дохода подчинено роковымъ, необходимымъ законамъ, надъ которыми воля человѣческая не властна; между тѣмъ соціалисты приписывали всѣ несчастія и несправедливости, переносимыя низшими классами народа, современной организаціи права собственности и надѣялись достигнуть общаго благополучія путемъ коренной реформы общественнаго строя. Что касается до Ор. Конта, то онъ отрицалъ всю политическую экономію цѣликомъ, не при-

знавалъ ее наукой и обвинялъ экономистовъ въ пристрастіи къ бесплоднымъ схоластическимъ спорамъ. Такимъ образомъ Милль почувтился въ трудномъ положеніи; ему пришлось примирять такіе взгляды, которые взаимно уничтожаютъ другъ друга, и онъ попытался это сдѣлать въ «Началахъ политической экономіи».

Милль вполне соглашался съ мыслью Конта о существованіи постоянного взаимодѣйствія между всеми социальными элементами и поэтому въ своемъ главномъ экономическомъ сочиненіи обратилъ особенное вниманіе на тѣ поправки и дополненія, которыя нужно ввести во все заключенія, основанныя на однихъ экономическихъ соображеніяхъ.

«Начала политической экономіи» Милля представляютъ изъ себя систематическій трактатъ о законахъ народнаго хозяйства, финансахъ и политикѣ. Эта книга мало оригинальна, но тѣмъ не менѣе она и до настоящаго времени остается едва-ли не лучшимъ трактатомъ по политической экономіи.

Оставаясь вѣрнымъ послѣдователемъ Рикардо, Милль смягчилъ слишкомъ рѣзкій и абстрактный характеръ ученія этого знаменитаго экономиста. Политическая экономія въ обработкѣ Милля сдѣлалась менѣе отвлеченной наукой, приблизилась къ жизни и получила возможность вліять на практическую политику и законодательство. Отъ сен-симонистовъ Милль усвоилъ воззрѣніе, что социальныя реформы могутъ измѣнить распредѣленіе народнаго дохода; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставался приверженцемъ взглядовъ Мальтуса о необходимости ограниченія размноженія населенія для поднятія имущественнаго положенія рабочаго класса. Милль старался согласовать оба эти взгляда при помощи слѣдующаго соображенія: социальное и экономическое положеніе человѣка вліяетъ на его склонность къ размноженію, — т. е. напр., безземельный рабочій легче обзаводится многочисленною семьей, чѣмъ крестьянинъ, имѣющій собственность и желающій въ неуменьшемъ видѣ передать ее своимъ дѣтямъ. Социальныя реформы тогда только полезны, когда онѣ уменьшаютъ размноженіе народонаселенія. Поэтому Милль горячо стоялъ за распространеніе мелкой земельной собственности, въ которой онъ видѣлъ лучшее средство обезпечить массу населенія и преобразовать ее нравственно. Въ первыхъ изданіяхъ своей книги онъ довольно сурово относился къ социализму, хотя и признавалъ его свѣтлыя стороны. Но въ каждомъ послѣдующемъ изданіи онъ выражалъ все болѣе и болѣе симпатіи къ социализму.

За недостаткомъ мѣста мы должны пройти молчаніемъ многіе интересныя взгляды Милля на разные политическіе и экономическіе вопросы. Для характеристики общаго міровоззрѣнія Милля, мы остановимся на сочиненіи, написанномъ имъ уже въ позднемъ возрастѣ,—на книгѣ «Утилитаріанизмъ».

Правственная философія Милля, изложенная въ его книгѣ «Утилитаріанизмъ», основана на признаніи счастья единственною цѣлью нашей жизни. Этотъ принципъ былъ заимствованъ имъ у Бентама, но тѣмъ не менѣе утилитаризмъ Милля значительно отличается отъ своего первообраза. По мнѣнію Бентама, человѣкъ всегда остается эгоистомъ и только потому предпочитаетъ добродѣтель пороку, что добродѣтельная жизнь обѣщаетъ ему больше удовольствій, чѣмъ порочная. Бентамъ не допускаетъ у человѣка никакихъ безкорыстныхъ мотивовъ; Милль, напротивъ того, считаетъ необходимымъ, чтобы человѣкъ стремился къ идеальному благородству, совершенно независимо отъ соображеній о своемъ личномъ счастьи. Самопожертваніе, готовность лишиться не только счастья, но и самой жизни для блага другихъ людей онъ признавалъ высшею добродѣтелью, которую преимущественно слѣдуетъ развивать воспитаніемъ. Онъ сравниваетъ состояніе духа благороднаго человѣка съ состояніемъ духа скупаго. Какъ для скупаго богатство, которое первоначально служило средствомъ для полученія удовольствія, сдѣлалось, подъ вліяніемъ привычки, цѣлью само по себѣ, такъ для стоика и христіанина добродѣтель есть высшая цѣль жизни, несмотря на то, что въ дѣйствительности добродѣтель есть лишь средство для достиженія счастья.

Воспитаніе пріучаетъ насъ относиться съ одобреніемъ къ одному образу дѣйствій и порицать другой. Подъ вліяніемъ этого въ насъ возникаютъ нравственныя убѣжденія, которыя могутъ достигать такой силы, что освободиться отъ нихъ мы оказываемся не въ состояніи, и тогда мы ихъ называемъ совѣстью, чувствомъ долга. Высшею санкціей чувства долга служить страхъ порицанія и наказанія со стороны другихъ людей, а внутренней санкціей является страданіе, вызываемое у нравственныхъ людей сознаніемъ нарушеннаго долга.

Во всякой этической теоріи нуль значить два вопроса—вопросъ о критеріи нравственности и вопросъ о генезисѣ нашихъ нравственныхъ чувствъ. Теорія этики, какъ искусства, должна выяснить, что слѣдуетъ признавать нравственнымъ и безнравственнымъ, какой образъ дѣйствій мы должны одобрять или по-

рипать, къ чему мы должны стремиться; съ другой стороны, этика, какъ наука, занимается изслѣдованіемъ вопроса о томъ, какъ возникли и развивались въ человѣчествѣ тѣ чувства и желанія, которыя мы признаемъ нравственными. Первый вопросъ разрѣшается Миллемъ вполне ясно и опредѣленно: мы должны стремиться къ наибольшему счастью всѣхъ людей и это общее счастье является высшимъ критеріемъ нравственности; но относительно происхожденія нравственности воззрѣнія Милля не такъ ясны. Возникаютъ-ли наши нравственныя чувства изъ эгоизма, или-же чувство симпатіи, любви къ людямъ есть первичная основа нравственности? На этотъ вопросъ Милль не даетъ категорическаго отвѣта.

Этимъ мы и закончимъ изложеніе философской и научной дѣятельности Милля. Мы могли лишь очень бѣгло коснуться многихъ важныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ составляло задачу Милля. Но и изъ этого бѣглаго очерка выступаетъ одна характерная черта, составляющая вмѣстѣ и силу, и слабость Милля, какъ мыслителя. Мы говоримъ объ его необыкновенной восприимчивости къ чужимъ мыслямъ, объ его отзывчивости ко всему истинному и справедливому, какъ-бы оно ни противорѣчило его собственнымъ воззрѣніямъ. Въ своей научной дѣятельности, какъ и въ личной жизни, Милль оставался тѣмъ-же честнымъ, искреннимъ и безпристрастнымъ человѣкомъ. Со свойственною ему скромностью, онъ говоритъ въ своей «Автобіографіи», что его главное преимущество передъ другими мыслителями заключается въ томъ, что онъ всегда готовъ былъ поучиться у своихъ противниковъ и охотно измѣнялъ свои мнѣнія, когда приводимые противъ нихъ доводы казались ему убѣдительными.

Если къ этой рѣдкой способности безпристрастно относиться къ чужимъ мнѣніямъ мы присоединимъ громадную силу ума, преимущественно логическаго склада, то мы поймемъ секретъ вліянія Милля на своихъ современниковъ. Онъ умѣлъ лучше всякаго другого примирять крайніе взгляды, отдѣлять въ нихъ истину отъ лжи и пользоваться истиной для построенія общей теоріи вопроса. Милль былъ эклектикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Онъ жилъ въ переходное время, когда основныя воззрѣнія человѣчества претерпѣвали глубокія измѣненія, и потому его философскіе и политическіе взгляды не отличаются такой стройностью и цѣльностью, какъ взгляды его отца, представителя отживающаго либерализма XVIII вѣка, и взгляды другихъ, болѣе смѣлыхъ и оригинальныхъ мыслителей, которымъ принадлежитъ будущее.

